

УКРАДЕННАЯ КОМНАТА

РОБЕР КАЗАНОВА

РОМАН

Аннотация

Париж, осень 1920 года. Кодзио Мацуката, японский аристократ, увлечённый западным искусством, приобретает картину Ван Гога «Комната в Арле». Это исключительное полотно пополняет замечательную коллекцию, десятилетиями собираемую с любовью и уважением к европейскому искусству. Но Вторая мировая война перевернёт судьбу коллекции. В 1944 году в кабинетах французского временного правительства плетётся одна из самых изощрённых художественных экспроприаций современной истории. Восемьдесят лет спустя профессор Пьер Бертё, движимый жаждой справедливости, раскрывает скрытые механизмы этой экспроприации. Вооружённый лишь собственной решимостью, он вступает в титаническую борьбу с французской дипломатической машиной. Дело Мацукаты, как оно рассказано в этом романе, вдохновлённом реальными событиями, показывает, что справедливость измеряется не только получением конкретных реституций, но прежде всего — постепенным изменением общественной дискуссии. Порой настойчиво задавать правильные вопросы важнее, чем немедленно получать правильные ответы.

Об авторе

Робер Казанова — почётный профессор и член Общества литераторов Франции (Société des Gens de Lettres). Юрист, увлечённый историей художественных коллекций, он посвятил долгие годы изучению присвоения произведений искусства государствами. Президент НПО International Restitutions, он опубликовал многочисленные научные труды по этой теме.

Украденная комната

Роберт Казановас

casanovas@hotmail.com

Обязательный экземпляр, сентябрь 2025 г. — электронная и печатная версии.

© 2025 Casanovas. Все права защищены.

ISBN: 978-2-488999-46-5

www.international-restitutions.org

Обложка: Картина маслом на холсте «Спальня в Арле» Винсента ван Гора.

Французская версия**Второе переработанное и исправленное издание**

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Этот исторический роман — художественное произведение, основанное на реальных событиях. Имена умерших персонажей сохранены. Имена ныне живущих персонажей изменены. Для большей связности повествования добавлены некоторые вымышленные персонажи. Механизмы международных органов, упомянутых в романе (Совет ООН по правам человека, процедуры коммуникации), упрощены.

Оригинальная версия, написанная на французском языке, была переведена на несколько иностранных языков. Переведённые версии могут содержать языковые ошибки, неточности или некорректные переводы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог

Глава 1: Сгущаются тучи

Глава 2: Заговор 1944 года

Глава 3: Петля затягивается

Глава 4: Секретные переговоры

Глава 5: Комедия реституции

Глава 6: Годы забвения

Глава 7: Возрождение борьбы

Глава 8: Международная битва

Глава 9: Реакция Франции

Глава 10: Законодательный тупик

Глава 11: Долгая битва

Эпилог

УКРАДЕННАЯ КОМНАТА

ПРОЛОГ

Париж, осень 1920 года

Октябрь окутал Париж низким, влажным небом. Кодзиро Мацуката поднял воротник своего пальто, элегантного английского костюма-тройки, который он предпочитал. Он замедлил шаг, ища в садах передышку перед важными встречами.

Его путь был странным. Сын бывшего премьер-министра Японии, состояние, сколоченное на судостроении, выпускник Йельского университета... И вот он, бродит по парижским галереям, словно ребенок в кондитерской. Его мать никогда бы не поняла его страсти. *«Зачем тебе искусство этих западных вавваров?»* — спросила она его однажды с бессознательной жестокостью аристократок эпохи Мэйдзи, которые умели использовать унижение так же искусно, как другие используют веер. Она умерла, так и не поняв, что он, возможно, был прав, но и не поняв, что его коллекция была его способом разрешить противоречие, которое разрывало его на части: быть японцем в мире, который вестернизировался, быть современным промышленником, преследуемым традиционной эстетикой.

В кармане тяжело лежала маленькая красная записная книжка, в которой тщательно записывалось каждое приобретение: признак перфекциониста, неспособного

отпустить прошлое, который превратил свою уязвимость в силу благодаря методичному накоплению. Более тысячи полотен, каждую деталь и каждую историю которого он знал наизусть — феноменальная память, которая позволяла ему блистать в обществе, но не давала забыть ни малейшей неудачи. И сегодня Пол Розенберг обещал ему нечто исключительное.

В галерее на улице Ла Бюэти пахло лаком и увядшими розами. У Розенберга была привычка расставлять букеты повсюду, словно перекликаясь цветом с выставленными картинами. Изысканный, но расчетливый, он сумел превратить свой истинный вкус в инструмент экономической власти.

— Ах, господин Мацуката! — воскликнул купец. — Надеюсь, вы в щедром настроении.

Розенберг обладал обаятельной улыбкой великого купца. Мацуката ценил его за откровенность. По крайней мере, с ним не было притворства. Люди знали, что пришли покупать, и он знал, что продает. Строгая ясность коммерческих сделок была желанной передышкой от лицемерия парижских салонов, где люди делали вид, что интересуются только чистым искусством.

— Покажите мне это сокровище, — ответил Мацуката, едва скрывая охватившее его нетерпение.

— Ван Гог. Спальня в Арле. Третья версия.

Имя пронеслось по воздуху, словно кнут. Мацуката почувствовал сжатие в груди. Ван Гог... Он всегда питал слабость к этому безумному голландцу, и это увлечение тревожило его, пробуждая в коллекционере внутреннюю страсть. Винсент воплощал все, что Кодзиро запрещал себе: распушенность, творческое безумие, безразличие к общественным суждениям. Его манера изображать одиночество говорила о человеке, который оставался в

своей основе одиноким: промышленнике, который накапливал произведения искусства, чтобы заполнить пустоту, которую бизнес не мог заполнить.

Холст лежал там, на мольберте, залитый мягким светом галереи. Синие стены, красно-белый пол, кровать, манящая прилечь... Мацуката подошел. Он не был из тех коллекционеров, которые трогают вещи; нет, он пристально смотрел. Его сдержанность выдавала его японское воспитание, но также и страх — страх осквернить своим прикосновением то, что он считал священным. Искусство было его убежищем.

— Он написал её для своей матери, — пробормотал Розенберг, хорошо знавший слабости своих клиентов. — Представьте себе... Винсент, один в своей больнице в Сен-Реми, рисует простую комнату для женщины, которая подарила ему жизнь.

Косабуро Хиоки, его ближайший советник — Мацуката окружил себя несколькими экспертами, но самые сложные технические вопросы оставлял для Юкио Ясиро, искусствоведа, — сопровождал его в тот день и незаметно откашлялся. Человек тени по призванию и по необходимости, он построил свою карьеру на способности распознавать невысказанные желания своего учителя, превратив комплекс неполноценности, порожденный его скромным происхождением, в оружие. Его преданность сочетала искреннюю благодарность с тонким расчетом: служение провидцу позволяло ему косвенно участвовать в величии.

— У неё особая душа, — сказал он по-японски, выбрав язык, чтобы создать ощущение близости с дилером. — Она могла бы стать центральным экспонатом вашего музея.

Мацуката кивнул. Его музей... Эта несколько безумная мечта — открыть Японии окно в западное искусство — раскрыла его истинную сущность. Разрываясь между двумя мирами,

он надеялся примирить их посредством гармонии. Соотечественники считали его эксцентриком, но их непонимание также подпитывало его гордость за свою непохожесть. Мацуката обладал тягой к вызовам, которая порой граничила с чрезмерной гордостью.

— Знаешь, Розенберг, эта комната... она напоминает мне мою собственную, в Киото, когда я был ребенком. Та же простота, то же стремление к покою. Ван Гог искал убежища. Я тоже, в каком-то смысле.

Подобное признание, редкое для человека, обычно столь уверенного в себе, раскрывало уязвимость коллекционера. За образом успешного промышленника скрывался раненый ребенок, так и не сумевший преодолеть суровость своего воспитания. Искусство стало для него языком чувств, единственной территорией, где он позволял себе быть уязвимым.

Торговец знал, что нашел своего покупателя. Розенберг превосходно умел расшифровывать психологические уязвимости своих покупателей. За его утонченностью скрывался прагматизм, стиравший границы между цинизмом и ясным пониманием человеческой природы.

— Это ваше за...

Они вели переговоры целый час. Не о цене — Мацуката мог себе это позволить, — а о деталях, подлинности, происхождении. Короче говоря, о важных вещах. Его скрупулезность скрывала тревогу. Что, если это приобретение, как и все остальные, не сможет заполнить пустоту внутри него? Но было уже слишком поздно отступать. Его ненасытная страсть к искусству превратилась в легкую зависимость, единственный способ придать смысл существованию, которое социальный успех не мог полностью удовлетворить.

В тот же вечер, в своей квартире в 7-м округе, Мацуката тщательно записывал в свой блокнот:

«Спальня художника в Арле, Винсент Ван Гог, 1889, масло на холсте, 57,3 × 73,5 см. Приобретено у Поля Розенберга 15 октября 1920 года. Работа, которая долгое время преследовала меня во снах».

Эти последние слова он добавил спонтанно. Обычно он не позволял своим эмоциям проявляться в своих записях. Но что-то в картине тронуло его иначе. Возможно, изображенное на ней одиночество перекликалось с его собственным, возможно, ее откровенность контрастировала с мучительной сложностью его существования как космополитичного представителя высшего класса.

Ван Гогу удалось превратить свое безумие в изящество; он пытался превратить свою меланхолию в коллекцию.

Он и представить себе не мог, что эти несколько набросанных им слов положат начало истории, которая выйдет за рамки его собственной жизни. Что мирная комната, расписанная измученным художником, станет предметом ожесточенной судебной тяжбы. Что правительства, юристы и наследники будут годами бороться за образ столь трогательного самоотречения. Ирония истории заключалась в том, что человек, ищущий равновесия, станет главным героем конфликта, который обнажит самые грязные аппетиты культурной дипломатии.

Мацуката отложил ручку и посмотрел в окно на огни Парижа. Завтра он вернется к своим поискам сокровищ. Его неутоляемая жажда добавить кусочек к головоломке, его неистовое стремление к эстетическому идеалу, который постоянно ускользал от него. Его непреклонная убежденность в том, что он строит нечто важное для будущего. Он был прав, но не так, как представлял себе. Его личные поиски парадоксальным образом высвободят десятилетия конфликтов. Его надежда на примирение

выявит худшие собственнические инстинкты национальных государств.

Однако истории мало дела до благих намерений.

ГЛАВА 1: СГУЩАЮТСЯ ТУЧИ

Лондон, начало августа 1939 года.

У Косабуро Хиоки была назначена встреча с управляющим склада «Пантехникон». Приехав пораньше, он ждал в пустующем офисе, где пахло затхлостью и пчелиным воском.

Этот запах напоминал запах старого храма в Киото — тревожная ассоциация, учитывая, как изгнание в Лондон отрезало его от духовных корней.

Сквозь грязное окно Лондон просыпался в тумане. Спешащие офисные работники, продавцы газет выкрикивали заголовки: *«Гитлер отвергает любые компромиссы!»* Как будто кто-то еще сомневался в этом. Эти факты тяжело давили на него. В течение нескольких месяцев он замечал тревожные сигналы, которые другие отказывались видеть, и этот трезвый пессимизм постепенно отдалял его от современников, которые оставались оптимистами.

Ожидание было долгим. Двадцать минут.

Он вспомнил свою первую встречу с Кодзиро Мацукатой в 1896 году. Тот, скромный клерк в банке Кобе, и молодой аристократ, говоривший о революционных изменениях в искусстве Японии. В то время его поразила смелость проекта, но также и надежда на социальное продвижение, которой обычно лишало его скромное происхождение. *«Хиоки...»* — сказал он ему во время встречи, — *«мы предложим нашему народу красоту Запада»*. Мечта рисковала умереть в пламени войны, и вместе с ней рухнуло бы здание, возведенное на всю жизнь, посвященную служению идеалу.

Он воспользовался этой паузой, чтобы вытащить из кармана письмо, полученное несколькими днями ранее. Его руки слегка дрожали — не из-за возраста; ему было всего

шестьдесят четыре года, — а из-за слов, которые он читал и перечитывал более десяти раз. Тревога вернула его в ранние годы в Японии, когда отец познакомил его с тонкостями каллиграфии. *«Дрожащие руки свидетельствуют о сомневающейся душе»*, — говорил он ему. Сорок два года службы в семье Мацуката, и никогда он не чувствовал себя таким потерянным.

Он видел лишь слова Мацукаты, написанные знакомым ему наизусть тонким почерком: *«Готовьтесь к худшему, мой верный друг. Военные захватили власть. Наша страна скатывается в пропасть, и наша коллекция может последовать за ними»*.

Тесные отношения с хозяином всегда льстили ему, простому клерку, ставшему доверенным лицом одного из самых влиятельных людей Японии. Но теперь они сокрушили его ответственностью, которую он никогда не хотел нести.

Что это значило? Как бы Хиоки ни перебирал эти слова, они ничуть не успокаивали. Он достаточно хорошо знал Мацукату, чтобы понимать, что тот никогда не преувеличивает. Если он говорил о бездне, значит, бездна уже существует.

Незаметный стук в дверь вырвал его из мрачных мыслей.

— Мистер Хиоки? Меня зовут Моррисон. Извините за опоздание, у меня сломалось такси.

Джеймс Моррисон руководил «Пантехником»... как долго? Двадцать пять лет? Больше? В любом случае, солидный человек. Один из тех британцев, которые смотрят прямо в глаза, когда говорят. Масон, как и многие в его окружении. Член Объединенной Великой Ложы Англии, бывший Достопочтенный Мастер Ложы № 901 лондонского Сити, он обладал многочисленными связями и доступом к достоверной информации. Хиоки ценил его. Моррисон относился к японской коллекции с таким же уважением, как

если бы это была частная коллекция королевской семьи. И кто знает, некоторые из его коллег были менее уважительны, когда дело касалось «экзотических» клиентов.

— Не извиняйтесь, механики иногда бывают капризными. Я как раз собирался...

— Простите, что прерываю, но боюсь, у нас проблема. Большая проблема.

У Моррисона была особая манера произносить слово «проблема», когда что-то шло не так. Он не из тех, кто паникует из-за пустяков. Эта типично британская сдержанность контрастировала с экспрессивностью Хиоки, и именно из этого контраста со временем возникло своего рода взаимопонимание.

— Расскажите мне всё.

Моррисон устроился в скрипучем зеленом кожаном кресле. Он выглядел усталым. Даже больше, чем усталым. Он был обеспокоен. Очень обеспокоен. Хиоки узнал эти признаки усталости: он давно подозревал, что на Моррисоне лежала гораздо более серьезная ответственность, чем предполагала его работа на складе.

— Вчера утром ко мне приходили двое джентльменов из Министерства внутренних дел. Очень вежливые, очень учтивые. Даже слишком учтивые, если вы понимаете, о чём я. Такая учтивость таит в себе ловушку.

Хиоки всё прекрасно понимал. Он имел дело с подобными чиновниками в Японии.

— Чем они интересовались?

— К вам. Вернее, к коллекции. Им хотелось знать, что здесь хранится. Вопросы, которые задают при подготовке... мер.

Моррисон остановился, чтобы достать из кармана небольшую фляжку. Он предложил её Хиоки, который жестом отказался. Англичанин сделал глоток виски, прежде чем продолжить.

— У них были папки. Вот такие толстые папки. С вашим именем, именем господина Мацукаты, списком всех ваших приобретений с 1916 года. Они даже знали, что вы купили небольшую картину Дега у Дюран-Рюэля в 1923 году.

— Это поразительно...

— Они задавали мне очень конкретные вопросы о ценности работ, ваших способах финансирования, ваших связях с другими японскими коллекционерами в Европе. И прежде всего, они хотели знать, есть ли у вас какие-либо контакты с японским посольством.

Хиоки почувствовал, как пот выступил на лбу. Конечно, у него были контакты с посольством. Как иначе, будучи гражданином Японии, живущим за границей? Но в нынешнем контексте эти контакты приобрели совершенно иное значение. Сам факт их существования напоминал ему о его постоянном статусе иностранца. После стольких лет в Европе он оставался под подозрением, обреченный вечно оправдывать свое присутствие и деятельность.

— Скажу прямо. Если начнётся война — а она обязательно начнётся, не сомневайтесь — и если Япония выберет не ту сторону... произведения искусства будут считаться «вражеской собственностью». А мы знаем, что происходит с вражеской собственностью во время войны: конфискация, принудительная продажа или «случайное» уничтожение.

Хиоки закрыл глаза. Он всегда знал, что этот день настанет. Но знать и смотреть правде в глаза — две разные вещи. Как разница между тем, чтобы смотреть на пропасть издали и стоять на её краю. Его предчувствие беды проявлялось в форме интеллектуального мазохизма. Он самодовольно готовился к катастрофе, надеясь, что её никогда не произойдёт.

В его памяти вновь пережились все годы, проведенные в путешествиях по Европе с Мацукатой. Парижские галереи,

студии на Монмартре, аукционы в Лондоне. Всепоглощающая страсть его босса к западному искусству. Эти волнующие воспоминания перенесли его в то время, когда он чувствовал себя частью цивилизаторской миссии.

«Хиоки...» — сказал ему Мацуката в 1920 году, стоя перед картиной Ван Гога, которую они только что приобрели, — *«...посмотри, Ван Гог пишет комнату и превращает её в нечто вечное. Это и есть западный гений: превращение повседневного в искусство»*. Эти слова затронули Хиоки глубже, чем он признавал. Они взрастили в нём увлечение европейским искусством, которое порой заставляло его презирать эстетические традиции собственной страны.

Всё оказалось под угрозой исчезновения из-за политиков, которые ничего не понимали в искусстве и всё знали о динамике власти.

— Как вы думаете, сколько времени у нас осталось?

Моррисон почесал подбородок. Это была его привычка, когда он задумывался. Этот знакомый жест парадоксальным образом успокоил Хиоки. Он узнал в нем человечность своего собеседника, скрывающегося за вестником плохих новостей.

— Сложно сказать. Я бы сказал, три месяца. Максимум четыре. После этого любое имущество, принадлежащее гражданам Японии, рискует быть конфисковано «в качестве меры предосторожности». Именно так они сейчас и говорят.

— Три месяца на переезд...

Хиоки замер. Как он мог объяснить грандиозность этой задачи? Сотни работ. Моне, Ренуар, скульптуры Родена. Целая жизнь, полная страсти, уместилась в несколько подписанных ящиков, сваленных на лондонском складе. Сведение его существования к нескольким материальным предметам одновременно унижало и вызывало отвращение.

Он помнил каждое приобретение. Картина Моне «Водяные лилии», купленная непосредственно у художника в 1918 году. Мацуката был так тронут, что у него на глазах выступили слезы. *«Это чистый свет, Хиоки. Свет, запечатленный и навсегда»*. Это чувство оставалось одним из самых драгоценных воспоминаний Мацукаты, моментом духовной близости с его учителем, который компенсировал все разочарования, связанные с его подчиненным положением.

И еще один шедевр Родена, великолепный эскиз к картине «Горожане Кале». Они три часа обсуждали его с самим скульптором в его мастерской в Медоне. Необыкновенный Роден. Он рассказывал им историю каждого персонажа так, словно знал их лично. Эта встреча произвела на него глубокое впечатление. Впервые в жизни он почувствовал себя равным гигантам западного искусства, это волнующее ощущение подпитывало его скрытые амбиции — стать признанным знатоком.

— Моррисон, я собираюсь рассказать вам кое-что, о чём мало кто знает.

Насколько он мог ему доверять? Но в конце концов, у него больше не было выбора. После многих лет, проведенных в Европе, Моррисон оставался его единственным настоящим другом.

— У нас здесь только часть коллекции. Другая половина находится в Париже, в подвалах Музея Родена.

— Боже мой... Сколько же там работ?

— Почти триста предметов. Возможно, даже больше. Господин Мацуката планировал вернуть всё в Японию в 1925 году, но...

— Но?

— 100% таможенные пошлины. Правительство Японии считало, что западное искусство отвлекает средства от

отечественной промышленности. Они хотели поощрять традиционное искусство.

— И вы оказываетесь между двух огней.

— Это ещё мягко сказано. Японское правительство считает нашу коллекцию непатриотичной. Европейские правительства вскоре будут считать её врагом.

Моррисон встал и подошёл к окну. В складском помещении с раздвижными дверями он увидел сложенные ящики. В каждом из них хранилось целое состояние. Каждый рассказывал свою историю. И, возможно, через несколько месяцев все это останется лишь воспоминанием. Это зрелище усилило смутное чувство вины у Моррисона. Будучи представителем системы, которая собиралась ограбить его японского друга, он оказался соучастником несправедливости, которую не знал, как предотвратить.

— Я сейчас вам кое-что расскажу, чего, наверное, не стоило бы говорить. Мои контакты в Министерстве иностранных дел, а их у меня немало, обсуждают секретные соглашения между Берлином, Токио и Римом. Пока ничего официального, но, как говорят, переговоры находятся на очень продвинутой стадии.

— Секретные соглашения?

— Военные. Судя по всему, это трёхсторонний пакт. Если это правда, ваши лондонские проекты сорваны. И, вероятно, парижские тоже.

— Вы уверены?

Моррисон достал письмо и передал его Хиоки. Этот жест продемонстрировал похвальную моральную смелость со стороны англичанина. Передав таким образом свои источники, он пошел на значительный риск.

— Прочитайте. Коллега из Бирмингема прислал мне это вчера. У него был такой же визит, как и у меня, к немецкому клиенту.

Хиоки быстро пробежал глазами письмо. Язык был техническим, но смысл ясным. Британское правительство готовилось конфисковать все имущество, принадлежащее гражданам «потенциально враждебных» стран. Как они могли поверить, что искусство сможет преодолеть политическую ненависть?

— Я не могу рассказать вам больше о своих источниках, — продолжил Моррисон, — но они достаточно надежны, чтобы Лондон мог начать составлять списки.

— Что именно входит в списки?

— Об активах, подлежащих конфискации. О людях, за которыми нужно следить. О произведениях искусства, которые нужно «защищать». Вы понимаете, что это за эвфемизм?

Хиоки всё прекрасно понимал. И это вызывало у него отвращение. Всю свою жизнь он верил в законы, контракты и права собственности. А теперь ему говорили, что всё это лишь обман, когда на кону стоят интересы государства. Открытие реальной политики полностью разрушило идеализированное представление о Западе, которое определяло всё его существование.

— Что вы мне посоветуете сделать?

Моррисон снова сел. У него был тот серьезный вид, которым он славился в трудные времена. Тот самый вид, который был у него в 1929 году, когда кризис едва не вынудил закрыть Пантехникон. Эта серьезность беспокоила Хиоки.

— Честно говоря? Сохраните то, что можете. Незаметно перевезите самые важные экспонаты во Францию. Господин Обер, помощник куратора отдела скульптуры в Лувре и близкий соратник Музея Родена, имеет влияние; он, возможно, сможет их защитить. Хотя бы временно.

— Что, если Франция падет?

— Так что молитесь, чтобы война когда-нибудь закончилась. И чтобы кто-нибудь вспомнил, кому принадлежали эти произведения. Я начал заниматься этим делом незадолго до Первой мировой войны. Я видел, как власти обращались с немецкими и австрийскими коллекциями. Официально это было «временное изъятие». В действительности же очень немногие произведения были возвращены их владельцам.

— Вы имеете в виду...

— Я имею в виду, что британское государство сошлётся на соображения национальной безопасности, чтобы конфисковать эти произведения. И что в хаосе войны временное изъятие очень легко может перерасти в полную конфискацию.

— Но это же воровство!

— Нет, это политика. Кража незаконна. То, о чём я говорю, будет законным и будет регулироваться исключительными законами, принятыми во время войны. Вы даже не сможете подать жалобу.

Хиоки встал. За окном Лондон переживал последние дни мира. Люди бегали, работали, веселились, не подозревая, что очень скоро их мир перевернется с ног на голову.

— Моррисон, вы лично знакомы с Марселем Обером?

— Он пользуется уважением в этой области. И, что самое главное, он личный друг господина Мацукаты, не так ли?

— Почти двадцать лет. Он принял на себя управление нашей парижской коллекцией после смерти Леонса Бенедикта в 1925 году. Необыкновенный человек. Культурный, принципиальный, страстно увлеченный искусством. Если кто-нибудь может нам помочь...

— В таком случае вам следует навестить его как можно скорее. Очень быстро.

Они помолчали немного.

Хиоки задумался обо всех торговцах, которых они встречали за эти годы. Сколько из них окажутся союзниками? Сколько других воспользуются ситуацией, чтобы обогатиться?

— Моррисон, последний вопрос. Как долго, по-вашему, продлится война?

Англичанин взял свою фляжку и сделал еще один глоток.

— Хотите узнать моё мнение? Эта война будет непохожа ни на одну из тех, что мы знали раньше. Более продолжительная, более разрушительная, более тотальная. Минимум пять лет. Может быть, десять.

— Десять лет...

— И в конце концов, мир, каким мы его знаем, исчезнет. Империи, границы, правила игры... всё изменится.

В том числе законы о праве собственности на произведения искусства.

— Вы думаете, что...

— Я думаю, что через десять лет, если мы переживем войну, само понятие частной коллекции может исчезнуть. Государства привыкнут контролировать искусство, решать, что должно быть увидено и кем. И они больше не захотят отказываться от власти.

Эта перспектива повергла Хиоки в ужас. Европа без частных коллекционеров, без меценатов, без той личной страсти, которая породила лучшие коллекции? Это было немыслимо.

— Вы, вероятно, преувеличиваете...

— Возможно. Надеюсь, я ошибаюсь. Но посмотрите на Германию. Нацисты контролируют всё: кто может выставлять свои работы, кто может покупать, кто может продавать. Они решают, что является «дегенеративным искусством», а что нет.

Моррисон наклонился к Хиоки.

— А если война распространится по всему миру, модель государственного контроля вполне может стать нормой повсюду.

Разговор продолжился. Моррисон достал из сумки списки контактов и карты Европы. Он объяснил возможные маршруты для незаметной переброски людей, которых следует избегать, и тех, кому можно доверять.

Был такой парижский дилер, Анри-Пьер Роше, который знал всех американских коллекционеров произведений искусства. Может быть, он мог бы организовать перевозку в Соединенные Штаты? Но расходы были бы астрономическими, и страховые компании, вероятно, отказались бы покрывать такую перевозку во время международной напряженности.

Существовал также швейцарский вариант. Швейцария сохраняла нейтралитет, и некоторые женевские банкиры согласились хранить произведения искусства в своих хранилищах. Но и здесь оплата должна была производиться наличными, и требовались бы экспортные разрешения, что могло привлечь внимание властей.

— А Италия? — спросил Хиоки.

— Слишком рискованно. Муссолини находится в немецком лагере, даже если он пока этого не признает. Если Япония заключит союз с Германией, Италия проведет аналогичные конфискации.

— Испания?

— Гражданская война едва закончилась. И Франко всё больше склоняется к Гитлеру, даже если пока избегает вмешательства.

Моррисон разложил на своем столе карту Европы.

— Смотрите. Красным цветом обозначены враждебные страны или страны, которые, вероятно, станут

враждебными. Оранжевым — страны, которым грозит вторжение. Жёлтым — ненадёжные нейтральные страны.

Хиоки пристально смотрел на карту. Оставалось лишь несколько зеленых участков, которые становились все меньше и меньше.

— Мы в ловушке.

— Не обязательно. Есть одно решение, которое мы ещё не обсуждали.

— Который?

— Продайте. Продайте быстро, конфиденциально, частным коллекционерам из США или Южной Америки. Получите деньги и инвестируйте их безопасно.

— Но господин Мацуката никогда с этим не согласится...

— Господин Мацуката, возможно, предпочтет вернуть стоимость своей коллекции, чем потерять все. А на вырученные деньги он сможет начать все заново после войны.

Идея была привлекательной, но Хиоки слишком хорошо знал своего босса. Мацуката собирал вещи не для того, чтобы разбогатеть. Он собирал их, чтобы создать свой музей.

— Нет. Он скорее рискнет потерять всё.

— Так что остается только надеяться, что Обер найдет решение в Париже.

Моррисон закрыл свои файлы и убрал карту.

— Я дам вам три имени. Три человека в Париже, которые могли бы вам помочь. Но будьте осторожны, в эти беспокойные времена жадность часто вытесняет дружбу.

Он что-то набросал на клочке бумаги, и в его поспешном почерке чувствовалась та срочность, которая впечатлила Хиоки:

«Поль Гийом — галерея на улице Миромениль. Близок к американским коллекционерам. Даниэль-Анри Канвайлер — обладает отличной сетью контактов, знает все уловки. Но он немецкого происхождения, поэтому и он вызывает подозрения. Амбруаз Воллар — опытный специалист, знает все уловки. Но не обязательно честный».

— Можно ли доверять людям?

— Насколько это возможно в этой профессии. И всё же, будьте осторожны. Война раскрывает истинный характер людей, и не всегда в лучшую сторону.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что у некоторых может возникнуть соблазн воспользоваться вашей сложной ситуацией, чтобы договориться о необоснованно высоких комиссионных. Или «потерять» при этом несколько монет.

— В каком мире мы живем?

— В мире, которому вскоре предстоит война. А во времена войны достоинство становится роскошью, которую могут позволить себе лишь немногие.

Вечером Хиоки вернулся в отель с головокружительной головой. Ему предстояло принять решения, от которых зависело будущее бесценного культурного наследия.

Отель «Рассел» в Блумсбери был одним из тех викторианских заведений, которые пережили лучшие времена — и, судя по ценам, которые они продолжали устанавливать, до сих пор помнят их. Хиоки прожил там три недели в маленькой комнате на четвертом этаже с видом на темный внутренний дворик. Не очень роскошно, но сдержанно. И самое главное, персонал не задавал никаких неловких вопросов о его приходах и уходах. По крайней мере, пока.

Миссис Хендерсон, администратор на ресепшене, вручила ему ключ с улыбкой, едва скрывавшей растущее

любопытство. Хиоки культивировал видимость вежливости, позволявшую ему держаться на расстоянии, но скопление посетителей, естественно, вызывало подозрения у персонала.

— Телеграмма для вас, господин Хиоки. Прибыла сегодня днем.

Сердце Хиоки бешено колотилось. Телеграмма... Он надеялся на вести от Мацукаты, лихорадочно разорвал конверт, выражая накопившуюся за последние недели боль. *«Тревожная ситуация. Стоп. Власти задают вопросы о коллекции. Стоп. Предлагается срочная встреча. Стоп. Дружба. Стоп. Обер».*

Он тяжело опустился в одно из потертых кресел в холле. Даже Париж перестал быть в безопасности. Лаконичная телеграмма, вероятно, скрывала события гораздо более серьезные, чем предполагали эти несколько нейтральных слов.

Он вспомнил их последнюю встречу в июне. Обер принял его в своем кабинете в Музее Родена, между двумя скульптурами и стопками каталогов, которые осыпались с каждым черновиком. Усердная и доброжелательная атмосфера этого места резко контрастировала с тревогами, которые терзали французского куратора.

«Дорогой Хиоки, — сказал он ему со свойственной ему размеренной серьезностью, — я чувствую, что времена меняются. Политики проявляют все больший интерес к нашим резервам». В то время Хиоки думал, что это обычная административная проверка. Как же он был наивен. Теперь он понял, что Обер был прав.

Он поднялся в свою комнату и сел за небольшой столик, который служил ему письменным столом. За окном Лондон погружался в сентябрьский туман. Где-то в городе чиновники, вероятно, составляли списки с его именем. Где-

то же Моррисон заканчивал свой день, размышляя, правильно ли он поступил, рассказав ему всё.

Он взял лист бумаги и начал писать свой ответ Оберу, тщательно взвешивая каждое слово в соответствии с обстоятельствами:

«Здесь тоже сложная ситуация. Встреча с вами крайне необходима. Приезжайте в Париж в начале следующей недели. Готовьтесь к худшему. С уважением, Хиоки».

Затем он написал вторую телеграмму. Мацукате, в Японию. Подобрать нужные слова ему не удалось. Как он мог сказать своему начальнику, что столько лет работы рискуют оказаться напрасными? Как он мог объяснить, что западные демократии, страны, которыми они так восхищались за уважение к закону, готовятся конфисковать их коллекцию?

«Тревожные разговоры с местными властями. Стоп. Рассматривается возможность перевода в Париж. Стоп. Жду ваших указаний. Стоп. С уважением. Стоп. Хиоки.»

Он долго колебался, прежде чем произнести эти слова. Цивилизованная элита наконец-то показала свое истинное лицо.

Он вспомнил разговор с Мацукатой в 1935 году. Они возвращались с выставки Пикассо в галерею Поля Розенберга. Его начальник был погружен в свои мысли на тротуаре улицы Ла Бюэти.

«Хиоки... — сказал он ему, — ты считаешь, что мы поступили правильно, оставив нашу коллекцию в Европе?»

«Конечно, господин Мацуката. Как мы могли предвидеть абсурдное налогообложение со стороны японского правительства?»

«Я говорю не об этом. Интересно, не стоило ли нам вернуть всё в Японию в 1925 году, даже если это означало уплату непомерных таможенных пошлин? По крайней мере, наши работы были бы в безопасности».

«От чего можно укрыться?»

«Войны, Хиоки. У Европы есть печальная тенденция разваливаться на части каждые двадцать лет. И когда раздаются выстрелы пушек, искусство замолкает».

Поскольку его начальник оказался прав... Хиоки закончил свои телеграммы и спустился вниз, чтобы отнести их на ресепшн.

Миссис Хендерсон пообещала прислать их как можно скорее. Она странно посмотрела на него, с настойчивостью, которая выдавала ее растущие подозрения.

Вернувшись в свою комнату, он достал дневник, который вел много лет. Это был ежедневный ритуал, помогавший ему упорядочить мысли и справиться с изгнанием. Он писал:

«Лондон, 28 августа 1939 года. Приближается война, а вместе с ней, вероятно, и конец нашей мечты. Моррисон открыл мне глаза. Мы больше не коллекционеры, мы — мишени. Как мы дошли до этого?»

Хиоки отложил ручку и подошел к окну. Во дворе кошки с кошачьим безразличием рылись в мусорных баках. Жизнь продолжалась, не обращая внимания на человеческие драмы. По крайней мере, кошкам не нужно было защищать свою коллекцию произведений искусства.

Его мысли вернулись к юным годам службы в семье Мацуката. К тому, какое непосредственное очарование произвела на него необычная личность его будущего хозяина.

«Хиоки... — сказал он ему во время их первой встречи в роскошном салоне, наполненном ароматом благовоний и ценных пород дерева, — оглянись вокруг. Япония открывается миру, но только в плане технологий и промышленности. Кто понимает, что Моне или Роден стоят всех торговых договоров в мире?»

Страсть Мацукаты к искусству оставалась неизменной. Но мир изменился. Искусство стало важнейшей темой. Произведения искусства — заложники в борьбе за власть

между нациями. Идеализм его юности столкнулся с жестокой реальностью международной расстановки сил.

Стук в дверь прервал его размышления. Он посмотрел на часы. Десять часов вечера. Кто бы это мог быть... Позднее время не предвещало ничего хорошего.

— Господин Хиоки? Один джентльмен хочет видеть вас внизу. Он говорит, что это срочно.

Хиоки осторожно спустился вниз. В тускло освещенном зале его ждал мужчина лет пятидесяти. Хорошо одетый, представительный, но в его взгляде было что-то, что ему не понравилось.

— Господин Хиоки? Меня зовут Эдвард Кэмпбелл, я из Уайтхолла. Могу я поговорить с вами несколько минут?

У него кровь застыла в жилах. Чиновник Министерства иностранных дел, десять часов вечера... Совпадение было слишком идеальным, чтобы быть случайным. Моррисон был прав.

— Конечно. Пойдём в гостиную.

Кэмпбелл последовал за ним в небольшую комнату, примыкающую к холлу, обставленную потертыми креслами и шатающимся столом. Он сел без приглашения.

— Господин Хиоки, скажу прямо. Нам известно, что вы храните значительную коллекцию произведений искусства на складе «Пантехникон». Нам также известно, что ваше правительство в настоящее время ведет переговоры о более тесных связях с Германией.

Хиоки ничего не ответил. Что он мог сказать? Отрицать очевидное? Его собеседник явно знал все подробности и не довольствовался простыми предположениями.

— В этих обстоятельствах, — продолжил Кэмпбелл вежливым тоном, предпочитаемым британскими дипломатами, — правительство Ее Величества рассматривает вопрос о том, следует ли разрешить

сохранение ценных предметов во владении граждан потенциально враждебной страны.

— Господин Кэмпбелл, наша деятельность законна. Все покупки были совершены прозрачно и...

— Я в этом не сомневаюсь, — перебил Кэмпбелл, — но законность в мирное время и законность в военное время — это две разные вещи.

Это различие заставило Хиоки содрогнуться. Они даже не пытались скрывать свои намерения. Больше не требовались никакие предлоги. Закон становился вопросом толкования, зависящим от обстоятельств.

— Что вы предлагаете?

Кэмпбелл улыбнулся.

— Мы предлагаем вам добровольно передать вашу коллекцию под государственную защиту до тех пор, пока международная ситуация не прояснится.

— А если я откажусь?

— Тогда мы будем вынуждены принять более... директивные меры. Ради всеобщей безопасности...

Хиоки понял, что перед ним завуалированный ультиматум: либо принять «охрану», либо лишиться своих вещей. Это лицемерие придало краже видимость законности.

— Сколько времени у меня есть на принятие решения?

— Допустим... сорок восемь часов. Вам это кажется разумным?

Сорок восемь часов... Моррисон говорил о трёх месяцах. Очевидно, события развивались быстрее, чем ожидалось. Или, возможно, Моррисон ошибся в своих оценках, что тоже вполне возможно.

— Господин Кэмпбелл, позвольте спросить, что именно произойдет, если я приму ваше предложение?

— Ваши произведения искусства будут переданы в защищённое государственное хранилище. Там они будут храниться в надлежащем состоянии до окончания боевых действий. Будет составлен подробный список имущества, и вы получите квитанцию. Всё в полном порядке.

— А что будет после войны?

— После войны мы будем рассматривать каждый случай индивидуально, в зависимости от позиции, которую ваше правительство занимало во время конфликта.

Иными словами, если Япония воевала на стороне Германии, то коллекция Мацукаты была потеряна навсегда. Логика была очевидна.

— А что, если я решу перевезти произведения в нейтральную страну?

Кэмпбелл тихо и презрительно рассмеялся.

— Уважаемый господин, вы считаете, что мы разрешим экспорт ценных товаров, принадлежащих гражданам Японии? В разгар международного кризиса?

— Но я имею право...

— Вы были правы, господин Хиоки. Времена меняются. И права меняются вместе с ними.

Кэмпбелл встал и аккуратно разгладил пальто.

— Сорок восемь часов, господин Хиоки. По истечении этого времени мы будем действовать в соответствии с нашими законными полномочиями.

Он направился к выходу, а затем обернулся с притворной небрежностью, которая никого не обманула.

— Ой, чуть не забыл. Мы так понимаем, что вы планируете поездку в Париж в ближайшие дни?

— Это возможно...

— Я категорически не рекомендую этого делать. Международные поездки, скорее всего, станут... сложными. Очень сложными.

Он оставил Хиоки наедине со своими убеждениями, которые рушились одно за другим.

Вернувшись в свою комнату, Хиоки плюхнулся в кресло. Сорок восемь часов... Как он мог предупредить Обера? Как он мог что-либо организовать за такое короткое время? Как он мог творить чудеса, когда был один против правительства, решившего его сокрушить?

Он взял свой блокнот и добавил:

«22:30 — Визит Кэмпбелла (Министерство иностранных дел). Завуалированный ультиматум: 48 часов на принятие «добровольной» конфискации. Поездка в Париж сорвана. Мы оказались в ловушке со всех сторон».

Были ли у него другие варианты? Мог ли он связаться с японским посольством? Но, по словам Моррисона, посольство, вероятно, тоже находилось под наблюдением. И кроме того, что бы они сделали? Выразили бы вялый протест, прежде чем уступить давлению? В нынешнем международном контексте Япония не имела никакого влияния на Британскую империю.

Возможно, это был частный арт-дилер? Кто-то, кто мог бы незаметно организовать передачу... Но кто бы пошел на такой риск? И какими деньгами можно было бы расплатиться с посредниками? Состояние Мацукаты застряло между японскими банками и все более тщательно проверяемыми европейскими счетами.

Он вдруг вспомнил имя, упомянутое Моррисоном: Анри-Пьер Роше. Парижский дилер, знавший всех американских коллекционеров. Если бы кто-нибудь смог предложить решение... Что ж, если бы они были готовы и если бы риски не были для них слишком велики.

Хиоки взял новый лист бумаги и начал писать телеграмму Роше, взвешивая каждое слово:

«Срочная ситуация, японская коллекция, Лондон. Стоп. Ищу решение для конфиденциальной передачи или защиты. Стоп. Моррисон дал мне ваше имя. Стоп. Вы могли бы встретиться конфиденциально? Стоп. Хиоки, отель «Рассел», Лондон.»

Это был рискованный шаг. Роше не знал его, у него не было причин ему помогать. Но это мог быть его последний шанс. Если только Роше уже не знал и спокойно ждал, когда работы появятся на рынке по бросовым ценам.

Он также спустился, чтобы передать эту телеграмму миссис Хендерсон. Три телеграммы за один вечер, плюс ночной визит посланника министерства... Она, должно быть, всерьез задавалась вопросом о характере его деятельности.

— Всё в порядке, господин Хиоки? — спросила она с типично британским любопытством, скрывающимся за вежливыми формулировками.

— Да, спасибо. Нужно лишь решить несколько неотложных дел.

— Конечно. Спокойной ночи.

Но по ее тону было ясно, что ее не обмануть.

Вернувшись в свою комнату, Хиоки не мог заснуть. Через окно он наблюдал за спящим Лондоном и гадал, не последний ли раз он увидит город в мире и покое.

Завтра ему предстояло принять решение. Согласиться на замаскированную конфискацию и надеяться вернуть коллекцию после войны? Или попытаться организовать тайную переправку во Францию? В любом случае, он рисковал потерять всё. Но, по крайней мере, попытавшись что-то сделать, он мог сказать себе, что пытался спасти цель Мацукаты. Это не сильно компенсирует потери, но лучше, чем ничего.

Он наконец заснул около трех часов утра, размышляя, не была ли старая Япония права, не доверяя Западу. Возможно, его страна ошибалась, открываясь миру. Возможно, изоляция в конечном итоге была безопаснее, чем так называемая западная цивилизация.

На следующий день Хиоки разбудил настойчивый стук в дверь. Он посмотрел на часы. Шесть часов утра. Кто бы это мог быть... Раннее утро не предвещало ничего хорошего.

— Господин Хиоки! Господин Хиоки! Это срочно!

Он узнал голос миссис Хендерсон.

Он открыл дверь. Администраторша всё ещё была в халате, волосы распущены.

— Господин Хиоки, вам нужно это услышать. Об этом говорят в новостях!

Она провела его в гостиную, где потрескивал радиоприёмник. Голос диктора Би-би-си был глубоким, полным торжественности, предвещавшей катастрофу:

«...пожар, опустошивший складское помещение компании Pantechmicon в Кэмден-Тауне. Пожарные боролись с пламенем всю ночь, но не смогли предотвратить почти полное разрушение здания. Первоначальные оценки ущерба составляют миллионы фунтов стерлингов. Считается, что несколько ценных коллекций произведений искусства были уничтожены».

Всё было кончено. Лондонская часть коллекции сгорела за одну ночь. Какое удивительное совпадение. Кэмпбелл приехал повидать его за двенадцать часов до пожара, а теперь Пантехникон горел.

Миссис Хендерсон принесла ему чашку чая, которую он выпил механически, даже не осознавая этого. Чай на вкус был как пепел.

— Прошу прощения, господин Хиоки. Вы сказали мне, что ваши вещи хранятся там...

Он ничего не ответил. Что он мог сказать? Дым, все еще поднимающийся в лондонское небо, уносил с собой сорок лет страсти.

В течение часа пришла телеграмма. Разумеется, от Моррисона:

«Всё разрушено. Мои соболезнования. Ситуация ясна. Спасите Париж, если это возможно. Удачи!»

Теперь остались только произведения, хранившиеся у Обера. Если они вообще ещё там были.

Он вернулся в свою комнату и механически собрал вещи. Париж... Он должен был уехать, несмотря на «советы» Кэмпбелла. Это был его долг перед Мацукатой. И, возможно, это был его последний шанс спасти хоть что-то из этой катастрофы.

Закрывая чемодан, он подумал о Кэмпбелле. Кэмпбелл упомянул, что у него есть сорок восемь часов на размышление. Но поскольку в Лондоне больше нечего было конфисковать, предложение сорвалось. Пожар решил проблему эффективнее любых переговоров.

Оставался Париж. И Обер. И слабая надежда, что во Франции все сложится иначе.

Он ошибался.

ГЛАВА 2: ЗАГОВОР 1944 ГОДА

Париж, октябрь 1944 года

Коллекция сохранилась все эти годы, спрятанная в подвалах Музея Родена под охраной Марселя Обера. Ему пришлось проявить невероятную изобретательность, чтобы помешать нацистам захватить это сокровище. Более того, его непосредственный начальник, Жорж Грапп, открыто сотрудничал с режимом Виши, что привело к его отстранению от должности, а затем и увольнению во время послевоенных чисток. Но в октябре 1944 года события вот-вот должны были резко измениться. В офисах в Матиньоне все еще чувствовался запах оккупации. В переговорной комнате с позолоченными панелями четверо мужчин готовились совершить ограбление в стиле «белых воротничков».

Ну, это не совсем кража. Скорее, грабеж, замаскированный под патриотический акт.

Де Голль председательствовал в своей генеральской форме. Его взгляд скользил по разбросанным перед ним папкам. Он регулярно останавливался на той, что была помечена красным штампом: «Коллекция Мацукаты». Генерал всегда предпочитал прямые действия бюрократической волоките, и эти юридические тонкости явно его раздражали. Тем не менее, он прекрасно понимал, что вновь обретенная им легитимность требует безупречной законности.

Справа от него Рене Плевен, министр финансов временного правительства, нервно сверялся со своими финансовыми прогнозами. Опытный экономист производил расчеты. В его представлении японские произведения искусства превращались во франки. Во множество франков. Плевен нес на себе бремя истощенной Франции; каждый потенциальный источник дохода казался ему спасательным

кругом, даже если он поднимал вопросы, в которые он предпочитал не углубляться.

Напротив него мэтр Генри Торрес читал свои отчеты. Выдающийся юрист искал лазейку. Как он мог узаконить то, что не соответствовало закону? Торрес заработал свою репутацию благодаря умению ориентироваться в серых зонах права.

Наконец, Жак Жожар с волнением рассматривал каталоги фотографий. Директор департамента искусств и литературы понимал важность произведений, находящихся под угрозой. Во время оккупации он рисковал жизнью, чтобы спасти национальные коллекции. Теперь же он оказался в положении вора.

Часы Людовика XV пробили пять часов.

— Господа, — начал де Голль своим громогласным голосом, — мы здесь не для рутинных дел. Речь идёт о культурном будущем Франции. О нашей способности восстановить художественное наследие, истощённое четырьмя годами несчастий. Но речь также идёт о национальном суверенитете. Возрождённая Франция должна отстаивать свои права. Все свои права. Включая те, которые ей дарованы статусом победоносной нации.

Первым выступил Плевен. Он тщательно подготовил свою речь, скрывая нервозность за потоком успокаивающих его слов.

— Генерал, позвольте мне кратко изложить ситуацию.

Он открыл папку с документами, ища в абстракции статистики убежище от собственных опасений.

— Бомбардировки, нацистские грабежи, различные разрушения... Наши музеи потеряли несколько тысяч произведений искусства. Для восстановления наших коллекций нам потребуется два миллиарда франков. Это двадцать полных лет довоенного бюджета культуры.

— Теперь, — продолжил Плевен, — нам невероятно повезло с японской коллекцией Мацукаты, чудесным образом сохранившейся с довоенных времен, в основном в подвалах Музея Родена. Мой отдел оценивает ее более чем в четыреста миллионов франков.

— Четыреста миллионов? — воскликнул Жожар. — Надеюсь, вы шутите? Одна только картина Ван Гога «Спальня в Арле» стоит десятки миллионов!

Возмущение Жожара выдавало его огорчение: тот, кто посвятил свою жизнь сохранению искусства, обнаружил, что обсуждает его цену так, будто это обычный товар.

Плевен пожал плечами.

— Если мы позволим этим произведениям попасть в Японию, мы упустим уникальную возможность. И мы дадим вражеской стране шанс культурно переосмыслить себя.

Торрес, который с самого начала делал заметки, наконец поднял голову.

— Господа, классификация коллекции вызывает вопросы.

Де Голль нахмурился. Генерал ненавидел, когда ему предлагали препятствия, когда он уже принял решение.

— Безусловно, Япония присоединилась к Оси в сентябре 1940 года. Но условия, при которых Франция вступила в войну с этим государством, остаются... скажем так... открытыми для интерпретации.

Взгляд генерала стал жестче. Ему не нравилось, когда его решения подвергались сомнению, особенно по мелочам, которые он считал второстепенными. Де Голль, как правило, игнорировал технические возражения, когда они противоречили его политическим взглядам.

— Господин Торрес, пожалуйста, уточните свой тезис. Разве нашего объявления войны в декабре 1941 года недостаточно для того, чтобы классифицировать Японию как врага?

Торрес нервно кашлянул. Он чувствовал опасность расстроить генерала, но его интеллектуальная честность заставляла его поднять этот сложный вопрос.

— Генерал, проблема проистекает из нескольких факторов, которые нельзя игнорировать. Во-первых, объявление войны никогда не было опубликовано в Официальном журнале Свободной Франции. Это процедурный вопрос. Во-вторых, оно исходило от Французского национального комитета, легитимность которого в то время оспаривалась. Даже некоторыми из наших союзников.

Слышалось лишь тиканье часов. Плевен обменялся обеспокоенным взглядом с Жожаром.

— Есть еще более тревожный момент, — продолжил Торрес. — Виши никогда не объявляла войну Японии. Напротив, он поддерживал нормальные отношения с Токио до августа 1944 года.

Он поднял голову, понимая, что идёт по минному полю.

— Но мы являемся наследниками французского государства в его преемственности. В том числе и многих актов режима Виши, которые нельзя стереть одним росчерком пера.

Де Голль выпрямился, лицо его помрачнело. Генерала охватывала ярость всякий раз, когда упоминалась какая-либо преемственность с режимом Виши, ведь он построил свою легитимность на абсолютном разрыве с Национальной революцией.

— Мэтр Торрес! Неужели вы хотите, чтобы голлистская Франция признала хоть малейшую легитимность действий Петена?

Его голос повысился.

— Несостоятельная позиция!

— Генерал, речь здесь не идёт о легитимизации режима Виши...

— Так в чём же дело?

Торрес снова начал кашлять, понимая, что его состояние ухудшается еще больше.

— Следует признать, что многие действия французского государства в период оккупации до сих пор имеют последствия. Более того, именно поэтому сохраняется юридическая сила многих договоров, заключенных в тот период.

Жожар, знаток художественных вопросов, вмешался, чтобы разрядить обстановку. Директор почувствовал, что настроение генерала становится напряженным, и предпочел вернуть дискуссию к более привычным темам.

— В целом, вопрос... скажем так, юридический вопрос, хотя и важен, не должен заставлять нас упускать из виду исключительную важность происходящего.

Он открыл фотоальбом, находя утешение в созерцании работ перед лицом моральных дилемм, которые его мучили.

— Я внимательно изучил содержимое коллекции. Сокровище высочайшего международного значения: «Спальня в Арле» Ван Гога, которой американцы завидовали нам годами. Три картины Сезанна зрелого периода. Захватывающе красивая «Мон-Сент-Виктуар». Уникальные работы Родена. Несколько гипсовых моделей «Врат ада», которые мастер никогда не хотел продавать...

— Сколько всего работ? — перебил Плевен.

— Примерно триста пятьдесят выдающихся экспонатов. Плюс серия японских гравюр. Одна только эта коллекция могла бы украсить наши национальные музеи.

— Именно! — воскликнул де Голль, ударив кулаком по столу. — Именно поэтому мы не можем упустить такую возможность. Мэтр, я разделяю ваши опасения. Но мы не должны позволять личным чувствам парализовать государство. У вас есть решение?

Торрес знал, чем всё закончится. Генерал, как всегда, принял решение.

— Я подготовил три варианта. У каждого есть свои преимущества и недостатки. Первый прост. Принятие общего указа о вражеской собственности. Япония автоматически попадает под его действие. Вся их собственность на нашей территории немедленно конфискуется.

— В чём преимущества?

— Скорость. Никаких парламентских дебатов, никаких публичных дискуссий. Мы это реализуем, и точка. Юридически это не подлежит обжалованию в соответствии с внутренним законодательством.

— А каковы недостатки?

— Слишком широко. Мы рискуем столкнуться с протестами со стороны нейтральных стран и неудобными дипломатическими требованиями. Соединенные Штаты могут быть встревожены такой жестокостью.

Де Голль отклонил возражение жестом.

— Разве американцы так сильно переживают из-за немецких активов? Разве сам Рузвельт не заморозил все японские активы в 1941 году?

— Безусловно, — признал Торрес, — однако общий судебный запрет привлечет внимание к нашей практике. Второй вариант более деликатный: целенаправленный судебный запрет, касающийся исключительно коллекции Мацукаты. Мы бы сослались на иск французского государства к Японии за военные действия.

— То есть, что?

— Индокитай. Официально Япония захватила наши азиатские колонии. Ущерб оценивается... скажем... в несколько миллиардов. Сбор этих средств становится естественной компенсацией.

Жожар нахмурился.

— Проблема в том, что режим Виши санкционировал японскую оккупацию Индокитая посредством соглашений Дарлана-Като 1941 года. Юридически Япония ничего не украла. Она получила наше разрешение.

— Поэтому я и не советую идти этим путем, — ответил Торрес. — Остается третий вариант, самый тонкий. Мы не трогаем формальную собственность. Мы просто замораживаем коллекцию для «защиты в военное время». Затем мы организуем длительный процесс переговоров в рамках будущего мирного договора. Настолько длительный, что, устав от борьбы, они в конце концов откажутся от своих прав в обмен на несколько символических уступок.

— Как долго? — спросил Плевен.

— Пять лет? Десять? Кто знает? Важно то, что в течение этого времени произведения остаются во Франции. В наших музеях. Под нашим контролем.

Генерал задумался, постукивая пальцами по столу.

— Мне нравится эта идея. Замаскированное под защиту похищение имущества. Очень по-французски, не правда ли? Мэтр Торрес, составьте мне судебный приказ, объединяющий первый и третий варианты. Немедленный арест, а затем бесконечные переговоры.

— Генерал, я должен вас предупредить...

— О чём меня предупредить?

— Если этот приказ будет принят сегодня, завтра он вызовет проблемы. В тот день, когда Япония потребует объяснений, нам будет очень трудно обосновать свои действия. Особенно если, как я опасаясь, наше объявление войны окажется юридически слабым.

Де Голль поднялся, внушая всем свой высокий рост.

«Господин Торрес, вас волнует завтрашний день. А мне нужно восстанавливать Францию уже сегодня. Эта коллекция представляет собой средства, выделенные на культурные нужды за несколько лет. Она может вернуть Парижу статус мировой столицы искусств. Неужели вы всерьез думаете, что я упущу такую возможность из-за юридических соображений?»

Тон выступления не оставлял места для ответа. Торрес опустил взгляд на свои документы.

— Хорошо, генерал. Я составляю приказ.

Генерал повернулся к Плевену.

— Плевен, я рассчитываю на вас в подготовке наших переговорных позиций с союзниками. Нам нужно убедить их в том, что договор дает нам право оставить эти сооружения в качестве военных репараций.

Плевен почувствовал, что препятствия приближаются издалека.

— Как вы думаете, наши союзники это примут?

Наши союзники имеют огромные интересы в Японии. Американцы получают астрономические суммы в качестве репараций. Они никак не могут лишить нас права на компенсацию за наши потери в Индокитае!

Торрес писал как сумасшедший, пытаясь уследить за ходом мыслей генерала и одновременно мысленно выстраивая необходимую юридическую структуру.

— Генерал, чтобы наша стратегия была обоснованной, нам необходимо подробно задокументировать весь ущерб, понесенный Францией в результате японо-германского союза. Наши потери в Индокитае, конечно, но также и весь ущерб, нанесенный войной на Тихом океане нашим экономическим интересам в регионе.

— Отличное замечание! — согласился де Голль. — Я поручаю набережной Орсе составить досье. Чем оно будет

более обстоятельным, тем более неоспоримой будет наша позиция.

Жожар выслушал весь разговор и почувствовал себя все более неловко.

«Генерал... простите, но... не испортим ли мы немного имидж Франции? Это рискует быть воспринято как завуалированное грабеж, не так ли? Наша страна... ну, у нас есть определенная репутация страны, уважающей частную собственность...»

Взгляд де Голля стал жёстким, как арктический лёд. В комнате резко похолодало. Генерал сдерживал ярость по отношению к любым вопросам, касающимся его решений, особенно если они исходили от его ближайших соратников.

— Жожар! Нужно ли мне освежить вашу память?

Он вскочил и начал расхаживать по комнате, как зверь в клетке. Плохой знак. Когда генерал начинал ходить взад-вперед, это означало, что он разволновался, и его раздражение искало выход.

«Мы потеряли десятки тысяч произведений искусства, вы меня слышите? Разграблены, уничтожены, «куплены» нацистами за бесценок! Немцы опустошили наши музеи, американцы грабят все наши рынки искусства, и вы ожидаете, что мы упустим такую возможность?»

Он резко развернулся на пятках, его глаза были темными.

— Нет! Франция обладает законными правами. Она будет их осуществлять.

— Но, конечно же, генерал... Фонд Мацуката существовал задолго до войны. Его владелец, насколько я помню, даже был другом Франции...

— Именно! — воскликнул де Голль. — А где же его знаменитый Музей западного искусства, который он должен был создать в Японии?

Его жесты становились все более театральными, словно он обращался к невидимой аудитории, что выдавало его ораторский темперамент, привыкший к эффектным выступлениям.

«Милитаристская Япония превратила нацию эстетов в военную машину! Благие намерения господина Мацукаты были сметены эволюцией его страны. Мы всего лишь защищаем эти произведения от милитаристского варварства!» Торрес почувствовал нарастающее напряжение в зале. Он попытался вернуть всех к реальности, прежде чем ситуация обострится, опираясь на свой опыт юриста, привыкшего разряжать обстановку.

— Генерал, если мы будем действовать по плану, нашим службам потребуется подготовить убедительные аргументы. Я предлагаю собрать группу экспертов для оценки содержания коллекции.

— Отличная идея! — согласился Плевен, с облегчением переключившись на технические аспекты. — Нам также нужно будет подготовить французское и международное общественное мнение. Операция ни при каких обстоятельствах не должна напоминать оппортунистическую конфискацию.

— Как вы собираетесь это сделать? — спросил Жожар, всё ещё пребывая в шоке от вспышки гнева генерала.

Плевен всё рассчитал в уме.

— Путем акцентирования внимания на нескольких ключевых моментах. Во-первых, военные преступления Японии в Азии. Теперь это хорошо задокументировано, это невозможно отрицать. Во-вторых, их союз с нацистской Германией. И, наконец, весь ущерб, который они нанесли нам в Индокитае. Общественность должна знать, что эта коллекция представляет собой справедливую компенсацию за наши огромные потери.

— А как же культурный аспект? — настаивал Жожар, не сдаваясь.

— С культурной точки зрения мы объясним, что эти западные произведения лучше сохраняются в странах своего происхождения, чем в Японии, где они рискуют быть забытыми в стране, опустошенной войной и занятой восстановлением.

Де Голль кивнул.

— Господа, я вижу, что вы понимаете всю сложность ситуации. Наша встреча остаётся строго конфиденциальной. Никакой письменной записи наших обсуждений не будет. Вам это понятно?

Затем он распределил роли.

— Господин Торрес, мне нужен проект распоряжения максимум в течение сорока восьми часов. Ни минуты больше. Плевен, подготовьте подробную записку о финансовых последствиях с точной оценкой ожидаемой прибыли. Жожар, деликатно выделите наиболее интересные произведения и составьте план их распределения между нашими крупнейшими национальными музеями.

— Генерал, какую дату вы рассматриваете для подписания соглашения? — спросил Торрес, уже мысленно планируя свой график.

— Как можно быстрее. С каждым прошедшим днем возрастает риск того, что японцы попытаются вернуть эти произведения в нейтральную страну. Или что они найдут другие способы вывезти их контрабандой из наших владений.

Он снова сел, выглядя решительным, скрывая за показной решимостью страх, вызванный реакцией общественности.

— После того как приказ будет подписан и опубликован в Официальном журнале, у них больше не будет никаких эффективных средств защиты.

— А что, если наследники Мацуката все-таки оспорят это в наших судах? — настаивал Торрес, размышляя о возможных осложнениях.

Затем де Голль принял мрачное выражение лица, выдав холодность, скрывавшуюся за его патриотическими заявлениями.

— Господин Торрес, задайте себе настоящий вопрос: кто согласится их защищать? Какой французский юрист осмелится выступать против интересов Франции в пользу бывших союзников нацистов? Скажите мне... И даже если найдутся достаточно смелые, на каких основаниях они будут оспаривать это? Наше решение будет иметь силу закона.

Плевен одобрил это твердым кивком: экономист в его душе наслаждался элегантностью операции, которая приносила много денег, ничего не требуя взамен.

Их положение будет очень шатким. И у побежденной Японии не будет никаких рычагов влияния на нас. Напротив, именно Японии понадобится наша добрая воля для ее восстановления.

— Есть еще лучший способ, — добавил Торрес. — Если и будут какие-либо возражения, то только со стороны юристов, которые ставят под сомнение законность наших действий. Мы можем утверждать, что оспаривание наших действий представляет собой акт, противоречащий национальным интересам.

Это замечание произвело сильное впечатление. Даже Жожар, который поначалу относился к этому скептически, начал убеждаться в надежности системы.

Встреча затянулась. Были тщательно проанализированы все практические аспекты: как обеспечить сохранность

коллекции, подробная опись с безопасной транспортировкой в музейное хранилище и тщательно спланированная коммуникация. Именно такие детали отличают успешный проект от полного провала.

Торрес даже представил жесткий график. Распоряжение должно было быть подписано в первую неделю октября, предметы должны были быть немедленно помещены под конфискацию, полная опись должна была быть завершена до конца ноября, а предметы должны были быть переданы в музеи до Рождества.

— А каковы затраты? — спросил Плевен.

— Транспортные и страховые расходы будут вычтены из оценочной стоимости коллекции, — ответил Торрес. — По сути, произведения искусства сами по себе обеспечат свою конфискацию.

— Превосходно, — прокомментировал де Голль. — Операция с нулевыми затратами, которая приносит нам произведения искусства на несколько сотен миллионов франков.

Когда Торрес поднял вопрос об инвентаризации, Жожар воспользовался случаем. Он думал, что сможет ограничить ущерб, сохранить хоть какое-то подобие этики в этой операции.

— Во избежание будущих споров я предлагаю провести инвентаризацию совместной комиссией, в состав которой войдут французские и зарубежные эксперты. Это придаст операции большую достоверность.

— Абсолютно нет! — резко возразил де Голль, выразив недоверие к любому внешнему контролю. — Мы не дадим ни одному иностранцу права контролировать наши действия на нашей территории. Инвентаризация будет проводиться исключительно французскими экспертами.

— Но это чревато проблемами с международным доверием, — робко возразил Жожар. — Другие страны начнут задавать вопросы...

— Международный авторитет Франции измеряется не мнением нескольких иностранных экспертов, — возразил де Голль. — Он измеряется нашей способностью защищать свои интересы.

Когда тем вечером четверо мужчин разошлись, на Париж уже спускалась октябрьская тьма. Они только что заложили основу для того, что впоследствии станет одним из самых скандальных разграблений произведений искусства современной эпохи. Каждый вернулся домой со своей долей ответственности и собственными способами оправдания.

Этот грабеж был тем более жестоким, что он был замаскирован под республиканскую законность. Словно вор в костюме и шелковом галстуке.

В коридорах Матиньона секретари и швейцары занимались своими обычными делами. Они ничего не знали о только что принятом решении. Неведение оберегает совесть.

На улицах Парижа жизнь постепенно возвращалась в нормальное русло. Кафе и театры вновь открылись. Люди наконец-то смогли вздохнуть с облегчением. Никто и представить не мог, что в тишине офисов Республики только что была написана довольно мрачная глава.

5 октября 1944 года, как и планировалось, декрет был подписан лично де Голлем. Текст не оставлял места для толкования. Все имущество, принадлежащее японским гражданам, находившимся на территории Франции, было помещено под превентивную конфискацию «в высших интересах нации».

Жребий был брошен. Фонд Мацуката попал в сети неумолимого механизма, который никогда не отпустит его.

В архивах на набережной Орсе копия распоряжения была помещена в папку с надписью «Японские дела». Другие копии были отправлены в соответствующие министерства. Каждая администрация получила свои конкретные инструкции, написанные зашифрованным языком, который так любят бюрократы. Потому что все должны понимать, даже если ничего не сказано прямо.

Тем временем спецслужбы начали следить за всеми японскими гражданами, всё ещё проживающими во Франции. Каждое их движение, контакты, попытки связаться с зарубежными странами фиксировались в досье. Цель? Предотвратить любые действия, которые могли бы замедлить запланированный захват.

Утром 8 октября, через три дня после подписания соглашения, на главный склад прибыли специализированные группы Министерства финансов. Операция, получившая внутреннее кодовое название «Осенний урожай», была спланирована с военной точностью.

В музее Родена, в отсутствие в тот день главного куратора Жоржа Граппа, в отношении которого был выдан приказ о смещении за сотрудничество с оккупантом, Марселя Обера в семь часов утра вызвали в кабинет двое чиновников в сопровождении судебного пристава.

Неприятное пробуждение.

На протяжении всей своей карьеры он работал на благо франко-японской дружбы, будучи убежден, что искусство способно преодолеть национальные противоречия. Видя, как его усилия рушатся из-за этого маневра, он погрузился в уныние, которое с трудом скрывал.

— Господин помощник куратора, — сказал ему глава миссии, — мы прибыли для проведения инвентаризации и

изъятия японских товаров, хранящихся в вашем учреждении.

Он уверенно передал документ, скрывая за своим бесстрастным видом искреннее смущение от очевидного замешательства Обера.

— Вот распоряжение, которое дает нам на это право. Все изложено черным по белому.

Жизнь, посвященная искусству и франко-японской дружбе, рухнула в нескольких строках. Обер вспоминал вечера, проведенные с Мацукатой за обсуждением живописи. Его охватила мучительная ностальгия по временам, когда искусство, казалось, было способно объединять людей, преодолевая национальные различия.

— Господа, — начал он твердым тоном, — эти работы были доверены мне личным другом. Великим знатоком французского искусства. Господин Мацуката никогда не питал ни малейшей враждебности к нашей стране. Мы годами вместе создавали нечто...

— Господин Обер, — перебил чиновник, — мы здесь не для того, чтобы обсуждать общую политику правительства, а для того, чтобы её реализовывать.

Он механически захлопнул портфель, что позволило ему избежать взгляда Обера.

— Эти товары принадлежат гражданину вражеской страны. Следовательно, они подпадают под действие постановления от 5 октября 1944 года.

Второй чиновник, более молодой и явно невосприимчивый к аргументам в пользу искусства, вмешался в разговор резким тоном.

— Господин помощник куратора, происхождение произведений или благие намерения их владельца не имеют значения. Важно их нынешнее владение. А владелец — японец. Вы понимаете этот нюанс? Дискуссия окончена.

Инвентаризация началась немедленно. В течение нескольких часов эксперты просматривали свои списки, фотографировали каждый предмет и наклеивали печати на все ящики. Это был скрупулезный и беспощадный процесс. Обер, вынужденный наблюдать за этой операцией, видел, как его кропотливая работа превращается в дым. Каждая наклеенная печать была словно гвоздь, вбитый в гроб его мечты. Он думал обо всех выставочных проектах, которые они с Мацукатой задумали, о культурном университете, который они надеялись построить вместе.

Около полудня он предпринял последнюю отчаянную попытку, движимый приливом чувства собственного достоинства.

— Господа, я должен сообщить господину Хиоки, представителю семьи Мацуката в Париже. Он имеет право знать судьбу имущества, находящегося в его распоряжении.

— Сегодня утром наши службы сообщили господину Хиоки, — лаконично ответил глава миссии, испытывая укол сочувствия к наивности собеседника. — Он больше не может получить доступ к этим работам.

Действительно, в восемь часов утра в своей маленькой парижской квартире на улице Вавилон Косабуро Хиоки принимал двух французских полицейских. Он пил чай, как делал это каждый день, — ритуал, который напоминал ему о родине и давал силы пережить изгнание.

Хиоки воплощал в себе все достоинство старшего поколения японцев, воспитанных в уважении к этикету и самообладанию. Но, столкнувшись с крахом дела всей своей жизни, он почувствовал, как его самообладание рушится.

Теперь ему было запрещено приближаться к складским помещениям. Любая попытка связаться с японскими чиновниками или иностранными дипломатами будет расценена как подозрительный поступок.

Подозреваемый. Это слово прозвучало странно. Он, подозреваемый? После стольких лет, проведенных в роли связующего звена между двумя культурами?

Он понимал, что его миссия подходит к концу. На французском языке, выученном им за многочисленные поездки в Европу и которым он владел лучше некоторых парижан, он пытался отстаивать дело, которое, как он уже знал, было проиграно.

— Господин Мацуката...

— Господин Хиоки, — перебил его старший из двух офицеров, — мы просто выполняем приказы начальства. Мы здесь не для того, чтобы судить о достоинствах принятых решений. Мне очень жаль. Ваша личная ситуация будет рассмотрена позже соответствующим отделом.

Эта загадочная фраза вызвала у него мурашки по коже. Он понимал, что его считают нежелательным чужаком. Потенциально опасным, даже. Унижение было тем более болезненным, что резко контрастировало с уважением, которым он пользовался в парижских художественных кругах.

В тот же день после обеда началось перемещение произведений искусства в хранилища Лувра и других музеев. Военные грузовики в сопровождении жандармов незаметно курсировали по Парижу со своим ценным грузом.

Операция не предавалась огласке. Лучше было избегать неудобных вопросов. У журналистов всё равно были другие дела; освобождение Парижа по-прежнему занимало умы всех.

В Лувре Жак Жожар лично наблюдал за прибытием первых ящичков. Он не мог не испытывать странного, противоречивого чувства.

С одной стороны, восторг куратора при виде редких шедевров, предназначенных для обогащения национальных

музеев. Моне, Роден! С другой стороны, гнетущее беспокойство по поводу методов, использованных для приобретения этих сокровищ. Жожар пытался убедить себя, что цель оправдывает средства, но не мог заглушить свою совесть.

Во время оккупации он спас от нацистов так много произведений искусства. Целые ночи он проводил, пряча холсты в подвалах, в замках, чтобы вырвать их из лап Геринга. Он помнил грузовики, уезжающие посреди ночи, молчаливое соучастие. А теперь? Он участвовал в своего рода организованном мародерстве.

Времена меняются, — говорил он себе с негодованием, которое пытался подавить.

— Господин директор...

Его ассистент осторожно открыл ящик с картиной Моне. Он понимал, что имеет дело с чем-то, но также осознавал неоднозначность ситуации.

— ...как нам следует каталогизировать эти работы?

Этот вопрос был решающим. Он определил будущее всей операции и выявил практические проблемы, которые занимали умы администрации.

— Классифицируйте их как «имущество, находящееся под превентивной конфискацией, согласно постановлению от 5 октября 1944 года». На данный момент нет упоминания об окончательном владельце. Мы увидим это позже, в зависимости от развития событий.

— А что насчет публичной демонстрации?

Заместитель выглядел нетерпеливым, разрываясь между волнением и беспокойством. Что и неудивительно, учитывая такие работы Моне...

— Выставка отменена. Работы остаются на хранении до дальнейшего уведомления.

Жожар вздохнул. Он вспомнил времена, когда мог выражать все, что хотел, не задавая себе тысячу вопросов. Благословенное время утраченной невинности.

— Мы не должны оставлять места для потенциальных споров. Абсолютная осмотрительность.

Тем временем на набережной Орсе официальные лица готовили аргументы для будущих мирных переговоров с Японией. В составляемом досье тщательно перечислялся весь ущерб, понесенный Францией в результате японо-германского союза.

Экономические потери в Индокитае оценивались в 12 миллиардов франков, ущерб французским интересам в Тихом океане — в 5 миллиардов, а стоимость военного отвоевания Индокитая — в 3 миллиарда. Что касается морального и культурного ущерба, то его количественная оценка оказалась невозможна. Общая сумма репараций составила не менее 20 миллиардов, что значительно превышает оценочную стоимость коллекции.

Произведениям Мацукаты предстояло расплатиться за Пёрл-Харбор и союз с Гитлером. Хотя их владелец не имел к этому никакого отношения. Хотя он коллекционировал их из любви к искусству, а не из расчетов.

В бухгалтерской логике администрации психологические нюансы не принимались во внимание.

И кроме того, кто будет проверять счета?

Вечером 8 октября 1944 года де Голль получил подробный отчет об операции. Все прошло гладко. Во французских музеях все было в безопасности, бывший японский охранник находился под наблюдением, и никаких протестов до набережной Орсе еще не дошло.

Генерал бегом просмотрел документ. Его занимали другие мысли. Американцы, коммунисты...

— Отлично. Нам нужно подготовиться к следующему этапу. Превратить эту временную секвестрацию в окончательное приобретение. Разумеется, максимально законным путем.

В своей небольшой парижской квартире Косабуро Хиоки узнал по телефону о полном конфискации имущества. Анонимный голос, вежливый, но твердый, объяснил ему, что активы г-на Мацукаты теперь «находятся под защитой французского государства».

Хиоки чувствовал, как в нем закипает гнев. Воспитанный в уважении к авторитетам, он не мог представить себе открытого сопротивления.

В тот же вечер он написал телеграмму в Токио:

«Коллекция полностью конфискована французскими властями. Стоп. Правительственное постановление от 5 октября 1944 года. Стоп. Ситуация отчаянная. Стоп. Прошу срочных инструкций. Стоп. Хиоки».

Он перечитал это три раза. Потом четыре. Каждое слово застревало у него в горле. Каждая «остановка»... **Использованное вместо точек или традиционных знаков препинания, это звучало как похоронный звон по делу всей его жизни.**

Ответ так и не придёт.

Япония? Разгромлена, разрушена. Защищать частные интересы за границей стало невозможно, когда вся страна изо всех сил пыталась прокормить свое население. Коллекция Мацукаты исчезла в лабиринте французской бюрократии.

Как и многое другое в этом мире, всё рушилось.

Ни Хиоки, ни даже французские деятели не подозревали, что только что создали взрывоопасный прецедент. Впервые демократическое государство использовало собственные

законы для конфискации частной коллекции под предлогом войны.

Дело Мацукаты только начиналось. Его ждало долгое будущее.

Три месяца спустя, в январе 1945 года, стоял пронизывающий холод. Жожар спустился в резервации Лувра, ища утешения в созерцании произведений и размышлениях над ними.

В тщательно вентилируемых сводчатых подвалах шедевры Мацукаты теперь были сложены в горы. Расставлены, подписаны, каталогизированы. Как будто они всегда там были. Но Жожар прекрасно понимал, что ничто уже никогда не будет прежним.

Жожар остановился перед картиной «Спальня в Арле» Ван Гога. Холст словно дышал под искусственным светом, почти оживая в своей позолоченной раме. Однажды, гораздо позже, он окажется в музее Орсе. Миллионы посетителей будут восхищаться им. Но сколько из них узнают о его сомнительном происхождении?

Через несколько недель посылаются письма с возмущением. От специалистов по японскому искусству. От коллекционеров. И от нескольких французов. Все будут кричать о несправедливости, обвиняя в краже под видом чего-то другого.

«Время покажет», — сказал он себе с фатализмом, который убедил его лишь отчасти.

В Матиньоне де Голль подписал другие указы, и его мысли обратились к новым вызовам.

Ручка скользнула по бумаге. Восстановление страны требовало этого. Все средства были оправданы, даже самые сомнительные. Он давно понял, что величие нации

измеряется не ее угрызениями совести, а ее способностью к действию.

Угрызения совести? В мирное время. Мы еще не были к этому готовы, совсем нет. Торрес, со своей стороны, готовил другие дела. Другие «легализации» вражеской собственности.

В конце 1944 года у Франции были другие приоритеты, помимо сердечных дел.

В Токио, среди дымящихся руин столицы, о коллекции Мацукаты уже никто не думал.

У страны были более насущные проблемы, чем оплакивание нескольких картин, утраченных в Париже. Во-первых, выживание. Питание. Восстановление.

И вот, триста пятьдесят шедевров сменили владельцев. Без шума, без насилия. Просто с помощью тихой силы республиканского закона.

ГЛАВА 3: ПЕТЛЯ ЗАТЯГИВАЕТСЯ

Париж, ноябрь 1944 года

Эйфория освобождения. Но подспудное беспокойство по поводу необходимости восстановления всего. Париж зализывал раны, как мог. Разрушенные здания по-прежнему представляли собой безобразие. Доски заколачивали разбитые витрины магазинов. У продуктовых магазинов выстраивались длинные очереди.

На улице Риволи, в офисах Управления государственного имущества, царила оживленная атмосфера. Это были те самые офисы, где всего несколько месяцев назад пособники режима Виши тщательно организовывали разграбление еврейской собственности. Новая республика, новые хозяева.

Бернар Доривал осматривал первые ящики, только что поступившие в резерв Национального музея современного искусства, где он работал помощником куратора под руководством Жана Кассу. Он олицетворял собой тех интеллектуалов, которые пережили войну, не утратив любви к искусству, и при этом сохранили патристическое видение культуры.

За его ученым обликом скрывалась суровость, которую выявила война. Он научился оправдывать неоправданное, когда того требовали обстоятельства, сохраняя при этом свою совесть рассуждениями о высших интересах искусства.

Напротив него Пьер Жакоме руководил операцией. Директор государственного имущества знал все тонкости дела. Будучи выпускником Высшей нормальной школы, он досконально знал работу своей администрации.

— Господин Доривал...

Жакоме жестом указал на ряды ящиков. Огромное складское помещение с металлическими стеллажами напоминало собор хранения. Он прогуливался между ящиками, его

взгляд был полон жадности, он предвкушал признание, которое получит за эффективное проведение всей операции.

— Поверьте, наши эксперты видели и похуже. В данном случае речь идёт о «буквально невероятном» качестве.

— Знаете, за все эти годы войны мы наблюдали, как наши национальные коллекции опасно беднели. Бомбардировки довершили дело. В результате, по сравнению с крупными американскими или британскими учреждениями, мы бледнеем.

Доривал не скрывал своего возбуждения. Внутренний голос напёпывал ему, что обстоятельства приобретения имеют мало значения по сравнению с красотой этих произведений.

— Господин директор...

Он сделал паузу, подбирая слова.

— Это приобретение — настоящая находка, учитывая наши вопиющие пробелы в современном искусстве...

Он подошел к ящику, положил на него руку с почти религиозным благоговением, словно искал прощения через единение с искусством.

— Только представьте. Наконец-то наши музеи смогут конкурировать с величайшими учреждениями мира!

— Вы говорите о приобретении, — осторожно перебил Жакоме. — Давайте помнить, что официально это превентивное изъятие. Эти произведения пока не принадлежат французскому государству. Давайте будем осторожны с терминологией.

Доривал многозначительно улыбнулся.

— Конечно, вы правы насчет формы. Но между нами говоря...

Он понизил голос, словно соучастник. Дрожь от чувства вины и удовольствия пробежала по его телу, когда он упомянул о неурегулированности их предприятия.

— Думаете, де Голль упустил бы такую возможность? Я готов поклясться, что эти работы обогатят наши национальные коллекции. Это лишь вопрос времени.

Жакоме согласно кивнул. Он подошел к одному из самых больших ящиков. С хирургической точностью он вскрыл пломбы. Чрезвычайные меры предосторожности. Несколько слоев защитной ткани.

— Давайте посмотрим...

Он развернул упаковку с невероятной деликатностью.

Когда появилась картина, они потеряли дар речи. *Спальня Ван Гога в Арле*. Полотно излучало насыщенные цвета, столь характерные для голландского мастера. Неописуемые синие оттенки кровати и стен великолепно сочетались с желтыми стульями и полом.

Голос Доривала дрожал.

— Это еще более... поразительно, чем все, что я мог себе представить, изучая репродукции. Посмотрите на эти пастозные мазки на подушках! Эта интенсивность, которая пробирает до глубины души! И композиция... кажущаяся простой, но невероятно изысканная. Ван Гог такого уровня во французских коллекциях! Вы понимаете, что это значит для нашего международного престижа?

— А сколько бы стоил этот предмет сам по себе на рынке?

Доривал поднял руки к небу.

— Такое произведение не продаётся на обычном рынке, оно передаётся из поколения в поколение. Это часть всемирного наследия. Если бы его когда-нибудь выставили на аукцион — что было бы кошунством — оно превзошло бы всё, что можно себе представить.

— Именно это послание необходимо донести до общественности. Эти произведения — не просто военная добыча. Это культурное наследие, которое Франция обязана сохранять и показывать миру.

Инвентаризация продолжалась. Открытие за открытием. Были представлены сокровища, терпеливо собранные Мацукатой за годы страстного коллекционирования.

— Смотрите!

Доривал пристально смотрел на холст, который только что распаковали.

— *«Гора Сент-Виктуар» Сезанна.* Этот геометрический контур, анализ провансальского света... И эта картина Гогена *«Женщины Таити»* с этими охрами и алыми тонами, которые звучат как экзотическая мелодия...

Закрыв последний ящик из этой партии, Жакоме перешел к более доверительному тону.

— Доривал, я должен сообщить вам, что на самом высоком уровне существует некоторая обеспокоенность по поводу того, как мы... скажем так, действовали.

— Какие именно опасения?

Жакоме инстинктивно понизил голос, словно боясь любопытных ушей. Он питал склонность к секретности и интригам — это был, как и любой другой способ избежать монотонности своих обязанностей.

— Что ж, на набережной Орсе опасаются реакции, которую может вызвать наше... присвоение. Раздаются голоса, обвиняющие нас в завуалированном присвоении чужого имущества, что противоречит французским традициям.

— Какие голоса?

Тон Доривала стал жестче, и он начал расхаживать по комнате, в его гневе едва скрывалось нервное напряжение.

— Карьерные дипломаты, несколько скрупулезных юристов, интеллектуалы, связанные с художественным сообществом... Пока ничего особо организованного нет, но это может развиваться.

Доривал поднялся.

— Подождите, подождите! Мы говорим о стране, которая проводила агрессивную экспансионистскую политику по всему Тихому океану, уничтожив целые районы западной цивилизации в регионе. И теперь нас будут упрекать за то, что мы возмещаем себе ущерб их активами?

Он пришёл в ярость, словно негодование освободило его от собственных сомнений.

— Но это справедливая компенсация!

— В этом вопросе я с вами полностью согласен, — сказал Жакоме, сделав паузу. — Но вы знаете так же хорошо, как и я, что общественное мнение, особенно в англосаксонском мире, может быть подвержено сентиментальным аргументам, которые заслоняют реальность.

— Какие сентиментальные аргументы?

В голосе Доривала явно слышалось раздражение.

Жакоме вытащил из своего кожаного портфеля внушительную стопку документов. Он обожал эти моменты, когда держал информацию в руках, когда мог оценить свое влияние на события.

— В последние недели в наши службы поступило несколько писем от семьи Мацуката, пересланных Красным Крестом. А также письма от видных японских деятелей искусства, которые, скажем так, красноречиво просят о реституции.

Он развернул рукописное письмо на французском языке.

— Они подчеркивают, что Кодзио Мацуката был большим ценителем искусства, бескорыстным меценатом и что он

собрал свою коллекцию исключительно в культурных и благотворительных целях.

Доривал резко прервал его.

— И что? Как эти благие намерения что-либо изменят?

— Итак, — терпеливо продолжил Жакоме, — эти гуманитарные и культурные аргументы могут найти благосклонную аудиторию. Наши художники, наши искусствоведы, наши писатели восприимчивы к таким призывам. Они могут воспринять наши действия как посягательство на священные права на художественную собственность.

— У вас есть какие-нибудь конкретные примеры?

— Пока это не было обнародовано, но в нескольких парижских салонах появились сообщения о тревожных разговорах. Говорят, что такие личности, как Рене Гимпель и Жан Кокто, выразили свои опасения.

Эта новость потрясла Доривала. Гимпель и Кокто... Не кто-то там. Он почувствовал, как его уверенность пошатнулась.

— В таком случае нам нужно взять инициативу в свои руки. Контролировать коммуникацию по этому вопросу.

Их разговор прервало незаметное появление Франсуа Мэти. Дипломат из Министерства иностранных дел осторожно толкнул дверь. Он выглядел немного нервным, что выдавало напряженность, назревавшую в коридорах власти.

— Господа...

Он дождался приглашения продолжить.

— Я здесь, чтобы проинформировать вас о последних событиях, касающихся мирных переговоров с Японией, которые имеют прямое отношение к делу Мацукаты.

— Что нового?

Жакоме устало указал на кресло. День был долгий, и обязанности тяжело давили на его плечи.

Мэти сел и достал несколько запечатанных конвертов.

— Американцы уже готовятся к капитуляции. Они хотят организовать в относительно недалеком будущем всеобщую мирную конференцию, чтобы урегулировать судьбу побежденной Японии. Конференция должна состояться в ближайшие годы, вероятно, в Сан-Франциско или Вашингтоне. На ней обязательно будет рассмотрен важнейший вопрос военных репараций.

Доривал наклонился вперед, его глаз блеснул.

— А какова официальная позиция Франции по этим репарациям?

— Именно в этом и заключается главная цель моего визита.

Мэти принял загадочный тон.

— Министр иностранных дел хочет, чтобы мы как можно скорее составили полный список наших требований. Коллекция Мацукаты вписывается в эти общие рамки.

— Как вы планируете обосновать его интеграцию?

— Мы представим коллекцию в качестве репараций в натуральной форме за значительный ущерб, понесенный Францией и ее гражданами в результате японской агрессии и действий, предпринятых их союзниками против наших интересов. Специалисты на набережной Орсе в настоящее время подсчитывают этот ущерб. Они приходят к колоссальным суммам.

— Можете примерно оценить масштаб?

— Первоначальные, пока предварительные оценки, касаются главным образом разрушений, понесенных нашими гражданами, проживающими в Тихом океане, затонувших кораблей, уничтоженных торговых предприятий...

Мэти немного посчитал в уме.

— Коллекция представляет собой весьма скромную компенсацию по сравнению с фактически понесенным ущербом.

Доривал был буквально вне себя от ликования, найдя подтверждение собственным доводам.

— Видите! Это не произвольное разграбление или незаконное присвоение, а справедливая компенсация. Эти произведения по праву принадлежат нам как военные репарации!

Мэти сдерживал свой энтузиазм сдержанностью опытного дипломата. Он слишком часто сталкивался с неожиданными поворотами событий, чтобы поддаваться эйфории, и его недоверие часто защищало его от неудач.

— Однако будьте осторожны, пока ничего не решено окончательно. Нам придётся вести твёрдые переговоры с нашими союзниками, особенно с американцами, у которых могут быть свои взгляды на распределение японского имущества, доступного для репараций.

— Что вы имеете в виду?

В голосе Жакомета прозвучала нотка тревоги.

— Я имею в виду, что американцы склонны рассматривать весь Тихий океан как свою исключительную сферу влияния. Поэтому они могут оспорить наше право на существенные репарации в регионе, утверждая, что наши интересы там второстепенны по отношению к их собственным.

— А какие у нас есть варианты противодействия этому возражению?

— Мы подготовили очень убедительный аргумент.

Мэти вновь обрел уверенность в себе.

— Во-первых, мы должны подчеркнуть наши давние права и экономические инвестиции в различные части Тихого океана. Во-вторых, мы должны акцентировать внимание на

наших человеческих и материальных жертвах в этой войне: павших солдатах, убитых или депортированных мирных жителях, разрушенных объектах и уничтоженной торговле.

— А что насчет культурного аспекта?

Доривал не мог не вмешаться. Его область компетенции предоставляла ему возможность блеснуть и обосновать свою позицию.

— С культурной точки зрения, цель состоит в том, чтобы представить коллекцию как выдающийся элемент художественного наследия, которое Франция, благодаря своим давним традициям и всемирно известным музеям, особенно способна сохранять, изучать и популяризировать.

Жакоме выглядел довольным.

— Мне кажется, аргументация хорошо построена.

Мэти заговорщически наклонился вперед, явно довольный своим результатом.

— А есть еще кое-что лучше. Следует утверждать, что эта коллекция, состоящая преимущественно из работ французских и европейских художников, в некотором смысле возвращается на родину. Ван Гог, Гоген, Сезанн, Роден... Все эти художники родились, жили и творили в Европе. Их работы больше подходят для европейских музеев, и особенно французских, чем для японских.

Это замечание потрясло Доривала: это было именно то отпущение грехов, которого он так ждал.

— Это решающий аргумент! Произведения, в некотором смысле, возвращаются домой. Мы просто исправляем аномалию.

Дискуссия продолжилась. Мэти представил последнюю информацию о внутренней ситуации в Японии.

— Страна полностью разорена, у правительства не осталось места для маневра.

— А что насчет общественного мнения в Японии?

— Японское общественное мнение в первую очередь озабочено вопросами выживания. Грозит голод, города разрушаются, экономика опустошена. Коллекция европейского искусства не входит в число ее первоочередных задач.

— А что насчет японской интеллигенции? Художественных кругов?

Доривал не сдавался, стремясь устранить любые препятствия на пути к своей цели.

Они либо погибли во время бомбардировок, либо были полностью дезорганизованы. Довоенная Япония была сметена этим конфликтом. На восстановление уйдут годы.

Около семи часов вечера, когда на Париж опустилась ноябрьская ночь, трое мужчин наконец завершили свои долгие консультации. Они заложили основы всеобъемлющей стратегии, которая должна была превратить временный захват в постоянное присвоение, стратегии, тем более грозной, что она основывалась на, казалось бы, неопровержимых аргументах.

— Господа...

Жакоме встал, выглядя довольным и испытывая удовольствие от хорошо выполненной работы.

— ...Я считаю, что у нас есть все необходимые элементы. Мэти, я рассчитываю на вашу тесную координацию наших действий с набережной Орсе. Доривал, продолжайте инвентаризацию и подготовьте включение этих работ в наши национальные коллекции.

В последующие недели французская пресса начала упоминать «японскую коллекцию», пополняющую фонды наших национальных музеев. Общественное мнение было готово к мысли, что эти произведения теперь принадлежат французскому культурному наследию.

В специализированных журналах появились тщательно написанные статьи. В них объяснялось, что Франции суждено хранить и популяризировать эти шедевры. Авторитетные журналисты заявляли, что эти произведения лучше сохранятся и будут изучаться во французских музеях, чем в Японии.

В Токио, в городе, в значительной степени лежащем в руинах, Кодзиро Мацуката, тяжело больной, с возрастающей тревогой следил за развитием ситуации во Франции.

В своем доме в Камакуре, чудом уцелевшем после американских бомбардировок, глава семьи созерцал немногие произведения искусства, которые он сохранил в Японии. Эти картины и скульптуры, свидетельствующие о его многолетней страсти к искусству, жестоко напоминали ему о масштабе понесенной утраты.

— Сорок лет коллекционирования...

Он что-то прошептал своей дочери Хане, которая преданно наблюдала за ним. Его голос слегка дрожал.

— ...сорок лет путешествий по Европе, встреч с художниками, переговоров с дилерами... И всё это только для того, чтобы увидеть, как мои работы конфискует государство, которое претендует на звание цивилизованного...

Хана, разделявшая художественную страсть отца, попыталась его утешить. Но сама она верила в это лишь наполовину. В глубине души она и так всё знала.

— Отец, возможно, это временно. Когда вернется мир, когда отношения нормализуются, Франция признает свою вину и вернет твою коллекцию...

Старик печально покачал головой. Он всегда был проницателен. Слишком проницателен.

— Нет, дочь моя. Я знаю, как работают правительства. Если у них есть что-то ценное, они этого не отпустят. Мои работы навсегда потеряны для нашей семьи.

Его произведения, приобретенные с такой любовью, стали пешками в безжалостной игре, которая обрекла их на исчезновение из семейного наследия.

Что еще более серьезно, этот случай создал важный прецедент в международном праве в сфере искусства.

Этот прецедент получит широкое распространение и вдохновит на множество других актов грабежа. Каждый раз они будут облечены в одни и те же респектабельные аргументы: справедливость, высший культурный интерес, возвращение к художественным истокам.

На набережной Орсе было создано специальное подразделение во главе с опытным дипломатом для решения этого деликатного вопроса. Его цель была ясна: превратить фактическое присвоение в официальную победу.

— Искусство дипломатии, — объяснил глава подразделения своим коллегам, — заключается в том, чтобы облечь наши национальные интересы в видимость международного права. Мы не берём, мы возвращаем. Мы не конфискуем, мы восстанавливаем. Мы не грабим, мы возвращаем западное искусство на родину.

Умелое выражение. Он гордился им, наслаждаясь своим семантическим кульбитом, превращавшим кражу в акт правосудия.

Подобную риторику вскоре переняли все французские участники процесса. В сообщениях, в официальных статьях прессы постоянно повторялась одна и та же лексика: «реституция», «возмещение ущерба», «законное возвращение», «справедливость».

Наиболее примечательным аспектом стало то, как легко эта терминология укоренилась во всех соответствующих кругах.

Кураторы музеев говорили о «репатриации» произведений. Юристы говорили о «легализации» ситуации. Дипломаты упоминали о «нормализации» культурных связей.

Слово «конфискация» больше никто не произносил; оно стало табу.

Изменение смыслового содержания не было случайностью. Оно стало результатом тщательно спланированной коммуникационной стратегии. Были даны точные указания: запрещать любую лексику, которая могла бы подразумевать насильственное присвоение, отдавать предпочтение нейтральным терминам и подчеркивать культурные и образовательные аспекты операции.

Всего за несколько месяцев дело Мацуката превратилось в историю успеха в глазах французской общественности. Франции удалось защитить свои интересы, одновременно обогатив свое художественное наследие. Любая потенциальная критика была заглушена хором похвал.

Лишь немногие несогласные в парижских интеллектуальных кругах продолжали выражать сомнения. Но их голоса легко заглушались официальной версией событий, тем более что большинство французов совершенно не были осведомлены о деталях этого дела.

Рене Гимпель, хотя и изначально колебался, в конце концов поддержал позицию правительства. Социальное давление и собственные мирские амбиции преодолели его сомнения: *«Эти произведения находят свою истинную духовную родину во Франции. У искусства нет национальности, но у него есть избранная земля».*

Его заявление на публичной конференции вызвало сенсацию. Последние остатки сопротивления рушились один за другим.

Жан Кокто, очарованный идеей увидеть шедевры Ван Гога на выставке в Лувре, отозвал свои первоначальные

возражения. Искусствоведы, привлеченные перспективой детального изучения ранее недоступных произведений, стали восторженными сторонниками.

Приманка Ван Гога. Непреодолимая, даже для самой чувствительной совести.

К концу декабря 1944 года операция была завершена внутри страны. Все произведения были учтены, помещены на хранение и административно включены в национальные коллекции. Больше ни один французский голос не поднимался, чтобы оспорить это присвоение.

Оставалось лишь закрепить победу на международной арене. Это была самая сложная задача, поскольку необходимо было убедить союзников в правоте французской позиции.

Первые неофициальные контакты с Вашингтоном были обнадеживающими. Американцы, занятые подготовкой к окончанию боевых действий и восстановлением Азии, имели мало времени, чтобы посвятить его этому вопросу. Они не видели серьезных возражений против того, чтобы Франция вернула себе работы французских художников, приобретенные японским коллекционером.

Представление фактов, сколь бы предвзятым оно ни было, имело преимущество в ясности. Ван Гог был европейцем, Гоген и Роден — французами... Логично было, что их работы должны храниться в Европе, а не в Японии.

Британцы, традиционно обеспокоенные вопросами частной собственности, были более сдержанны.

Но их возражения касались скорее формы, чем сути. Они хотели, чтобы французская процедура скрупулезно учитывала внешние признаки.

«Никаких проблем», — уверенно ответили французские дипломаты. «Мы будем действовать в строгих рамках закона о военных репарациях. Всё будет по правилам».

Эта уверенность успокоила Лондон, особенно учитывая, что сами британцы проводили аналогичные операции с немецким имуществом, находившимся на их территории.

Таким образом, к началу 1945 года позиция Франции укрепилась на всех фронтах. Внутри страны царила единодушная поддержка, и союзники не выдвинули непреодолимых возражений. Протестовать могла только Япония, но Япония уже не существовала как независимый игрок.

Значит, дело Мацукаты закончилось? Вовсе нет. Оно только вступало в свою самую долгую фазу: фазу оправданий задним числом и компромиссов с реальностью.

Потому что рано или поздно придется объяснять миру, как и почему Французская Республика присвоила собственность частного лица, единственным преступлением которого было то, что он родился японцем.

Но на тот момент, когда Европа медленно выходила из самой разрушительной войны в своей истории, моральные соображения имели мало значения. Главное было достигнуто. Франция обладала одной из лучших в мире коллекций современного искусства.

Была ли коллекция собрана японским меценатом, приобретена добросовестно или конфискована силой — всё это теперь принадлежит прошлому. Историю, как всегда, пишут победители.

В данном случае победителями стали французские хранители музеев, чьи музеи пополнились шедеврами, французские дипломаты, сумевшие защитить национальные интересы, и французские лидеры, сумевшие превратить военное поражение в культурный реванш.

Только проигравшие — старый, больной аристократ в своем доме в Камакуре и его скорбящая семья — понимали истинную человеческую цену этого «грабежа».

В парижских салонах люди начали с удовольствием обсуждать будущие выставки.

— Вы можете в это поверить? Картина Ван Гога в Лувре!

Светские дамы потирали руки. Искусствоведы готовили свои восторженные рецензии. Студенты-художники представляли, что смогут изучить эти легендарные произведения вблизи.

Никто не задавался вопросом, откуда они взялись. Или, вернее, люди предпочитали не задавать себе этот вопрос слишком часто.

Доривал, со своей стороны, начал реорганизацию залов Музея современного искусства. Он представлял себе расположение картин, идеальное освещение, которое подчеркнуло бы цвета Ван Гога, идеальное размещение скульптур Родена. Это было воплощение его мечты как куратора.

Он больше не задавался вопросом о его происхождении. Или, если и задавался, то очень недолго, после чего переключался на что-то другое.

Жакоме, со своей стороны, завершал последние приготовления. Каждое произведение необходимо было внести в список, каталогизировать и включить в национальный реестр.

Мэти продолжал курсировать между Парижем и столицами союзников. Необходимо было поддерживать давление, чтобы никто не смог бросить вызов французским успехам.

В Японии Мацуката с каждым днем слабел. Новости из Франции лишь усиливали его отчаяние.

Его дочь Хана изо всех сил старалась не терять надежду. Она писала письмо за письмом французским властям, защищая отца, повторяя, что у него были благие намерения и искренняя любовь к западному искусству. Но её письма

терялись в лабиринтах французской бюрократии. Когда они наконец доходили до адресата, их просто откладывали, не дожидаясь дальнейшего разбирательства. Иногда их даже не читали. Не хватало времени на эмоциональные потрясения японцев.

Механизм был приведен в движение. Теперь ничто не могло его остановить.

Через несколько месяцев, максимум через несколько лет, коллекция Мацукаты станет французской. Специалисты по искусству напишут диссертации об этих «приобретенных» после войны работах. Туристические гиды будут восхвалять чудеса французского национального наследия. Школьники узнают, что Франция обладает одной из лучших в мире коллекций импрессионистского искусства.

И никто не вспомнит этого японца, который был одержим любовью к искусству до такой степени, что посвятил все свое состояние его коллекционированию.

Эта эпоха сотрет Кодзиру Мацукату с лица земли. Останутся лишь его произведения, теперь навсегда французские.

Или почти.

ГЛАВА 4: СЕКРЕТНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Сан-Франциско, лето 1951 года

Летом 1951 года в отеле Fairmont в Сан-Франциско царило оживление. Этот роскошный отель, расположенный на холме Ноб-Хилл, уже несколько недель принимал делегации из пятидесяти одной страны, прибывшие для переговоров о мирном договоре, который должен был положить конец войне на Тихом океане. По крайней мере, официально.

За всей этой помпезностью и красивыми речами о примирении каждый претендовал на свою долю добычи. Спустя шесть лет после Хиросимы и Нагасаки остатки Японской империи нужно было разделить. Жажда была ненасытной, даже если никто не осмеливался говорить об этом открыто.

В зале «Лавр» на пятом этаже из окон открывался беспрепятственный вид на залив и остров Алькатрас. За длинным столом собрались четверо мужчин. Цель их встречи? «Вопросы военных репараций». На самом деле все было гораздо сложнее: завершение работы над статьей 14 будущего договора, которая определит, кто что получит из японских активов, разбросанных по всему миру.

Морис Шуман олицетворял послевоенные французские амбиции. Будучи министром иностранных дел и бывшим участником Сопротивления, он принадлежал к поколению, которое пережило многое и было полно решимости вернуть Франции ее законное место. Его документы были испещрены рукописными заметками. Он нес на себе раны униженной нации, и за его дипломатической маской скрывалась жажда мести. Он жил в тени поражения 1940 года, и каждые переговоры предоставляли ему возможность восстановить свою запятнанную репутацию. Его учтивость

едва скрывала непоколебимую решимость, закаленную в Сопротивлении, где компромиссы часто достигались ценой человеческих жизней.

Напротив него Джон Фостер Даллес был чем-то озабочен. Специальный представитель президента Трумана, будущая правая рука Эйзенхауэра, знал, что решения, принимаемые в этой комнате, окажутся решающими. Юрист по образованию, он хорошо разбирался в тонкостях международного права. Для него моральные соображения должны были уступить место политическим нуждам. В коридорах Вашингтона он усвоил, что сентиментальности нет места в государственных делах. Однако за его бесстрастным видом скрывалась глубокая тревога по поводу подъема коммунизма в Азии.

Сэр Оливер Фрэнкс, стоявший справа от него, защищал британские интересы с той приветливостью, которой славилось Министерство иностранных дел. Ветеран лондонского Сити и Уайтхолла, он умело ориентировался в сложностях торговли и геостратегии. Британцы стремились как к умиротворению Японии, будущего союзника против Советского Союза, так и к сохранению своих экономических позиций в Азии. Фрэнкс воплощал британское искусство примирения непримиримых противоречий. Его элегантная одежда и безупречные манеры скрывали жесткую хватку, отточенную за годы работы в финансовых кругах Лондона. Он понимал, что Британская империя рушится, и каждые переговоры были арьергардной операцией по сохранению влияния Лондона.

Перед тремя западными лидерами Сигэру Ёсида выглядел смирившимся с поражением. Премьер-министр Японии с достоинством нес бремя оккупированной страны. Будучи бывшим послом, он знал правила игры. Но у него практически не было пространства для маневра. Япония, находящаяся под американской опекой, не была в состоянии

вести переговоры. За безупречными манерами Ёсида скрывал глубокую горечь. Будучи дипломатом старой закалки, он всегда верил в преимущества переговоров. Теперь ему предстояло расплачиваться за ошибки, которые не были его виной, защищать страну, чьи милитаристские лидеры разрушили все ее надежды на мирное величие.

Всем было известно, что за пустой риторикой скрывается раздел тысяч единиц японского имущества, включая коллекцию Мацукаты, которая семь лет не давала покоя Парижу.

Даллес нарушил молчание. В его голосе звучала усталость; недели монотонных переговоров истощили его терпение.

— Господин Шуман, должен признаться, что ваша позиция по вопросу частной японской собственности представляет для нас определенные трудности. Администрация Трумана стремится сделать Японию надежным союзником в борьбе против коммунистов. Слишком жесткий подход рискует вызвать недовольство среди японского населения. Это было бы контрпродуктивно.

Шуман ответил улыбкой, которая нисколько не выдавала его истинных намерений. Он научился скрывать свои мысли.

— Господин Даллес, я хотел бы напомнить вам о нескольких фактах, которые порой забываются в эйфории примирения. Франция понесла значительные материальные и человеческие потери в результате японской агрессии в Индокитае. Не говоря уже о соучастии Японии в деятельности нацистской Германии. Наши претензии соответствуют международному праву, тому самому праву, в разработке которого Соединенные Штаты принимали участие после 1918 года.

Французский министр в глубине души понимал, что Франции необходимо нанести решительный удар или смириться с сохранением статуса второстепенной державы.

Унижение 1940 года всё ещё преследовало его, и каждая уступка, вырванная у бывших врагов, представляла собой небольшую месть прошлому.

Он открыл перед собой картонную папку с надписью «Конфиденциально — Ущерб в Индокитае».

— Наши службы оценили ущерб более чем в двадцать миллиардов франков. Разрушение инфраструктуры, потеря производства, массовые убийства французских мирных жителей... Список можно продолжать. Совершенно справедливо, что мы должны вернуть часть этих сумм в виде японских активов, расположенных на нашей территории.

Сэр Оливер вмешался с присущей британцам учтивостью. Но его замечания были далеко не так безобидны, как казалось.

— Мы все хотим сделать Японию оплотом против советского экспансионизма в Азии. Это подразумевает определенное... великодушие с нашей стороны.

Фрэнкс взвешивал каждое слово. За его приветливым фасадом kloкотало глухое раздражение. Британская империя рушилась, и ему приходилось иметь дело с американцами, которые диктовали свои условия. Он, познавший величие викторианской империи, беспомощно наблюдал за ее упадком. Каждые переговоры напоминали ему, что Лондон теперь всего лишь младший партнер Вашингтона.

Он повернулся к Ёсиде.

— Кроме того, господин премьер-министр, мы хотели бы узнать вашу позицию по вопросу частной собственности.

Ёсида внимательно слушал разговор, взвешивая каждое слово. Он говорил с крайней осмотрительностью лидера оккупированной страны. В его голосе чувствовалось всё его разочарование. Всю свою карьеру он верил в западную цивилизацию, в её ценности справедливости и честной

игры. Война разочаровала его, показав, что демократии могут быть столь же безжалостными, как и авторитарные режимы, когда на карту поставлены их интересы.

— Господа, правительство Японии понимает законность ваших требований относительно военных репараций. Мы готовы взять на себя ответственность за ущерб, причиненный агрессивной политикой нашей страны в период с 1937 по 1945 год.

Он стремился выразить несогласие, не создавая при этом впечатления, что оспаривает волю победителей. Он, выступавший за умеренность, стал свидетелем расчленения своей страны людьми, прикрывавшимися добродетелью.

— Однако необходимо проводить различие между государственной собственностью Японии, которая может быть законно конфискована в качестве государственной компенсации, и частной собственностью наших граждан, которая имеет иной статус в соответствии с западными правовыми традициями.

Замечание, произнесенное с почтением, заставило Этьена Вассёра вспыхнуть от раздражения. Французский заместитель представителя знал дело досконально; именно поэтому его и выбрали. Вассёр страдал от несбывшихся амбиций человека, который надеялся занять высший пост, но довольствовался второстепенными ролями. Он компенсировал это чрезмерным рвением в выполнении своих обязанностей.

— Господин премьер-министр, это различие не так однозначно, как вы утверждаете. Существует множество случаев, когда официально частная собственность использовалась для финансирования военных усилий вашей страны или была приобретена за счет прибыли, полученной от ваших военных завоеваний. Возьмем конкретный пример: знаменитая коллекция западного искусства, собранная Кодзиро Мацукатой, в настоящее

время находится во Франции, где она была законно передана под секвестр с 1944 года.

Ёсида надул губы. В его голосе прозвучала нотка раздражения, которую он больше не мог скрывать.

— Господин Вассёр, вы предполагаете, что вся частная собственность Японии будет вызывать подозрения и может быть конфискована на том основании, что она способствовала нашим военным усилиям?

— Нет, мы не проводим политику неизбирательной конфискации, — ответил Вассёр с притворной любезностью, которая никого не обманула. — Что касается коллекции Мацукаты, то она была собрана промышленником, чьи сталелитейные и судостроительные компании внесли значительный вклад в военные усилия Японии. Мацуката возглавлял верфи Кавасаки, которые построили значительную часть вашего военного флота. Несколько линкоров и авианосцев, участвовавших в Пёрл-Харборе и тихоокеанской кампании, были построены на его верфях. Поэтому справедливо считать, что его личное состояние, а следовательно, и его коллекция произведений искусства, были накоплены благодаря прибыли от военной промышленности.

Аргументация раскрыла всю глубину софистики Вассёра. Он мастерски превращал приблизительные оценки в неоспоримые истины, а корреляции — в причинно-следственные связи.

Эта аргументация вызвала сенсацию. Даллес счёл необходимым вмешаться, не столько из сочувствия к японцам, сколько из заботы о сохранении регионального баланса.

— Господин Вассёр, о какой коллекции вы говорите, каков её текущий статус?

Шуман, желавший ответить вместо Вассёра, обратился к одному из своих советников, который вручил ему специально подготовленную для этого случая записку на четырех страницах.

— Господин Даллес, эта уникальная коллекция была законно передана под секвестр французскими властями в соответствии с указом от 5 октября 1944 года о вражеской собственности. Она включает в себя несколько сотен бесценных произведений западного искусства.

— И вы считаете, что это следует конфисковать в качестве военных репараций? — спросил сэр Оливер.

— Именно так, — подтвердил Шуман. — Это представляет собой оправданную компенсацию в свете значительного ущерба, понесенного Францией. Более того, логично, что эти работы французских или европейских художников должны оставаться на континенте своего происхождения.

Французский министр продемонстрировал все свое риторическое мастерство. За его аргументами скрывалась твердая убежденность. Франция имела право, более того, обязанность, вернуть то, что она потеряла в результате войны и оккупации. Для Шумана этические императивы были роскошью, которую могли позволить себе только абсолютные победители.

Ёсида выразил свой протест с необычайной для столь сдержанного дипломата яростью. Его последние иллюзии относительно честности Запада только что рухнули.

— Господа, я должен напомнить вам несколько важных фактов. Мацуката был большим ценителем западного искусства, просвещенным меценатом, который собрал свою коллекцию исключительно в культурных целях.

Премьер-министр Японии осознал, что, несмотря на все юридические уловки, в которые это было облечено, он стал свидетелем триумфа силы над законом. Он, всю жизнь

веривший в достоинства дипломатии, открывал для себя ее истинную природу: борьбу за власть, замаскированную под дебаты идей.

Вассёр скорчил проничную гримасу, которая красноречиво говорила о том, что он думал.

— Господин премьер-министр, благие намерения господина Мацукаты, какими бы достойными они ни были, к сожалению, не отменяют объективного факта, что его коллекция была сформирована благодаря прибыли тяжелой промышленности, которая затем в больших количествах служила вашему военному аппарату против западных демократий.

Он наклонился к Ёсиде с притворно сочувствующим выражением лица. Вассёр наслаждался этим моментом доминирования. На протяжении всей своей карьеры ему приходилось склоняться перед теми, кто был могущественнее его. Теперь же у него наконец появилась возможность проявить эту власть.

— Франция просто возвращает себе то, что по праву принадлежит ей, в виде репараций. В этом нет никакой личной неприязни к господину Мацукате.

Истинные ставки в переговорах становились очевидны. Даллес, стремясь сохранить баланс на конференции, попытался перенаправить дискуссию в другое русло. Американец начал терять терпение. Эти европейские споры о культурном престиже казались ему пустяковыми по сравнению с вызовами начинающейся холодной войны.

— Господа, я предлагаю подойти к проблеме с более конкретной точки зрения. Реальный вопрос заключается в том, должна ли статья 14 договора предоставлять странам-союзникам право конфискации всего японского имущества, находящегося на их территории, или же целесообразнее

установить различия в зависимости от характера этого имущества.

Шуман немедленно воспользовался возможностью расширить дискуссию, чтобы лучше продвинуть свою особую позицию. Французский министр умел превращать конкретные случаи в общие принципы.

— Господин Даллес, именно это мы и предлагали с самого начала. Статья 14 должна четко предусматривать, что каждая союзная держава имеет суверенное право сохранять всю японскую собственность в пределах своей территориальной юрисдикции без исключения и без ограничений.

— Но мне эта формулировка кажется чрезмерно широкой, — возразил сэр Оливер. — Теоретически она допускает произвольные конфискации без контроля и возможности обжалования.

Фрэнкс выражал искреннюю обеспокоенность. Бывший банкир знал, что доверие является основой любой международной экономической системы. Чрезмерно систематические конфискации грозили дестабилизировать её.

— Нет, — ответил Вассёр, — потому что эти конфискации будут регулироваться национальным законодательством каждой из стран-союзников. Следовательно, будут гарантированы возможности обжалования в компетентных национальных судах.

Ёсида покачал головой с горечью, которую больше не пытался скрывать.

— Господин Вассёр, гарантии, о которых вы говорите, носят чисто теоретический и, следовательно, иллюзорный характер. На практике ни один национальный суд никогда не вынесет решения в пользу гражданина Японии против правительства своей же страны.

Это замечание на мгновение смутило французскую делегацию. Ёсида только что указал на фундаментальное лицемерие предлагаемой системы.

Шуман быстро вернул себе инициативу.

— Господин премьер-министр, вы преувеличиваете ситуацию. Французские суды независимы и строго уважают права собственности. Но они также уважают законность действий правительства, предпринимаемых в наилучших интересах нации.

— Иными словами, — пробормотал Ёсида с разочарованной ясностью в глазах, — у наших граждан в конечном итоге не будет эффективных средств защиты от ваших решений о конфискации.

— Вы представляете ситуацию в слишком негативном свете, — возразил Шуман. — Речь идет просто о применении классического международного права военных репараций, которое существует на протяжении веков в отношениях между цивилизованными государствами.

Французский министр использовал главный аргумент своей эпохи: сославшись на «цивилизацию», чтобы оправдать неоправданное. Шуман не поддался на собственную софистику, но государственные соображения возобладали над моральными. Франция должна была вернуть себе свое место, чего бы это ни стоило.

Даллес, внимательно выслушавший этот показательный диалог, тщательно взвешивал свои слова. Американский государственный деятель понимал, что становится свидетелем развития механизма легализованного грабежа, но необходимость возобладала над моральными принципами.

— Господа, после тщательного рассмотрения аргументов, представленных обеими сторонами, я полагаю, что мы

сможем найти разумное соглашение, которое примирит интересы различных сторон.

Прежде чем продолжить, он проконсультировался со своими советниками.

— Статья 14 могла бы предоставить странам-союзникам право сохранять японскую собственность, находящуюся на их территории, в качестве части военных репараций, но с оговоркой, что это право должно осуществляться в соответствии с их национальным законодательством и с уважением к их традициям.

— Это разъяснение не меняет сути проблемы, — возразил Ёсида. — Оно даже усугубляет ситуацию, поскольку придает видимость законности конфискациям, которые останутся произвольными.

Премьер-министр Японии почувствовал, как земля уходит из-под ног. Всё его мировоззрение рушилось. Он, веривший в западные идеалы, обнаружил, что они — всего лишь лоск, прикрывающий земные желания.

— Возможно, — откровенно признал Даллес, что удивило собравшихся, — но это имеет преимущество в сохранении видимости и поддержании минимальных рамок. Каждая страна-союзник останется суверенной в применении собственного понимания справедливости.

В этом и заключалась вся философия американца. Убеждения не имели значения, если соблюдались формальности.

Сэр Оливер кивнул в знак согласия, явно испытывая облегчение.

— Этот компромисс кажется мне разумным и сбалансированным. Он защищает интересы стран-союзников, сохраняя при этом рамки, исключая откровенный произвол.

Шуман внутренне ликовал. Он добился именно того, ради чего приехал в Сан-Франциско: неоспоримой международной основы для легитимизации конфискации коллекции Мацукаты и всего остального японского имущества во Франции.

— Господин Даллес, всё это нас вполне устраивает.

Ёсида понял, что проигрывает битву. Его заключительные аргументы не смогли ослабить решимость западных стран. Разгромленная и оккупированная Япония больше не имела средств для защиты частной собственности своих граждан за рубежом. Разочарование, охватившее его, было соразмерно надеждам, которые он возлагал на эту конференцию. Он наивно полагал, что сможет апеллировать к западной совести. Он обнаружил, что у совести есть географические границы.

Следующие дни были потрачены на доработку последних деталей. Официальное согласование окончательного текста всеми делегациями было крайне важно. Каждая запятая имела значение. Каждый нюанс мог стоить миллионы.

8 сентября 1951 года Сан-Францисский оперный театр превратился в театр лицемерия. Сорок восемь стран торжественно подписали мирный договор в присутствии сотен журналистов. Статья 14.2.1, ставшая результатом жестких переговоров, в своей окончательной версии предусматривала, что каждая союзная держава имеет право *«захватывать, удерживать, ликвидировать или иным образом использовать все имущество, права и интересы Японии и японских граждан, находящихся на ее территории»*.

Казалось бы, безобидное предложение, затерявшееся в массе положений о репарациях. В действительности оно предрешило судьбу коллекции Мацукаты и тысяч других объектов японского имущества, разбросанных по всему миру. Эти предметы никогда не вернутся к своим

владельцам, которые теперь лишены каких-либо возможностей для защиты своих прав.

Вскоре после подписания соглашения французская пресса устроила настоящий фестиваль недобросовестности. Официальные службы тщательно проинформировали своих контактов. *Le Figaro* смело вышла с заголовком: «Франция возвращает себе японские шедевры». *Le Monde* научно объяснила, что «эти работы французских художников возвращаются на родину». Сама *L'Humanité* приветствовала «демократизацию доступа к искусству путем передачи частных коллекций в национальные музеи».

Французское общественное мнение, в значительной степени не осведомленное о реальных проблемах, в подавляющем большинстве одобрило это. Кто мог оспорить право Франции требовать компенсацию от своих бывших врагов? Несколько отдельных голосов в наиболее информированных художественных кругах робко осмелились поставить под сомнение моральную легитимность этого масштабного присвоения.

Сложно сплетенная машина достигла своего совершенства. Коллекция Мацуката была утрачена для своих наследников, запутавшись в паутине настолько замысловатой, что на распутывание всех ее сложных механизмов потребовались бы десятилетия.

Что еще более серьезно, этот случай создал важный прецедент, который вдохновил на множество других «законных» случаев присвоения имущества. Всякий раз, когда государство хотело присвоить иностранную собственность, оно могло сослаться на Сан-Францисский договор и французскую интерпретацию статьи 14.

В последующие месяцы этот юридический прецедент применялся повсеместно. Британцы использовали его для конфискации немецких плантаций в Малайе. Австралийцы использовали его для захвата японских активов в южной

части Тихого океана. Даже некоторые страны Южной Америки ссылались на него при национализации иностранных компаний.

Дело Мацуката почти случайно породило новое понятие: «культурная репарация». Согласно теории, разработанной постфактум французскими юристами, государство, ставшее жертвой агрессии, могло присвоить культурные ценности агрессора не только в качестве финансовой компенсации, но и для «обогащения национального культурного наследия».

Эта доктрина была систематизирована в нескольких докторских диссертациях, научных статьях в специализированных журналах и материалах курсов по международному публичному праву. Всего за несколько лет то, что изначально было оппортунистическим присвоением, превратилось в уважаемую теорию. Гениальность французской операции заключалась в превращении акта применения силы в правовой принцип.

В Японии человеческие последствия этой кражи ощущались жестоко. Семья Мацуката, оплакивающая смерть главы семейства в июне 1950 года, беспомощно наблюдала за ликвидацией их художественного наследия.

Хана Мацуката, старшая дочь покойного коллекционера, часто собирала оставшихся в живых членов семьи в родовом доме в Камакуре. Эти собрания, пронизанные глубокой меланхолией, свидетельствовали о страданиях семьи перед лицом системы, развернутой против них.

— Мои дорогие братья, — заявила она на одной из таких встреч осенью 1951 года, читая газеты, сообщавшие о подписании договора, — пресса объясняет, что правительство приняло условия союзников. Они говорят, что это ради восстановления страны, ради нашего будущего.

Но мы прекрасно знаем, что это значит: коллекция нашего отца потеряна. Потеряна навсегда.

В ее голосе звучала горькая покорность. Хана унаследовала от отца страсть к искусству, а также проницательность в понимании международной расстановки сил. Она знала, что ее семья расплачивается за ошибки милитаристского режима, который она всегда не одобряла.

Хироши Мацуката, младший сын и наследник семейного бизнеса, разрушенного оккупантами, смотрел на немногие западные произведения искусства, пережившие войну и все еще украшавшие гостиную. В руках он держал смятое письмо, одно из последних, написанных их отцом перед смертью.

«Наш отец был прав, беспокоясь в последние несколько месяцев. Помнишь, Хана? Он больше не мог спать, ходил по дому взад-вперед. У него было предчувствие, что французы никогда не вернут ему его произведения искусства. Ближе к концу он часто говорил мне: *„Они нашли способ сделать кражу законной, Хироши. Это дьявольски элегантно“*. Я думала, он преувеличивает, что болезнь делает его пессимистом...» В его голосе звучала тяжесть глубоко укоренившейся вины. Хироши винил себя за то, что не воспринял всерьез тревоги отца. Он считал, что вопросы искусства второстепенны по сравнению с экономическими проблемами восстановления.

Косуке, младший из братьев, вмешался, воспользовавшись трогательной наивностью самых маленьких детей.

«Но ведь мы не можем обратиться во французский суд? Нанять адвокатов? Изложить свою позицию? Должен быть какой-то способ... Папа пользовался уважением во Франции, у него были связи, друзья в художественных кругах...»

Хана печально покачала головой. Она уже изучила все эти варианты, незаметно связалась с несколькими знакомыми в Париже. Ее разочарование было соразмерно тем надеждам, которые она лелеяла.

«На какие деньги, мой бедный Косукэ? Наше имущество конфисковано, наши предприятия разрушены, наша семья разорена. И даже если бы у нас были средства, которых у нас нет, поверь мне, ты представляешь, что французский суд вынес бы решение в пользу японцев? Мы стали изгоями, бывшими врагами, которых едва терпят».

Она встала и направилась к веранде, выходящей в семейный сад, где несколько западных скульптур все еще свидетельствовали о страсти ее отца к живописи. Вид этих скульптур, брошенных на произвол судьбы из-за отсутствия средств на их поддержание, разбивал ей сердце.

«Братья мои, для меня уже не так важна сама коллекция. Да, конечно, это больно. Но больше всего меня возмущает мысль о том, что такая цивилизованная страна, как Франция, может присвоить имущество частного коллекционера... Папа так восхищался этой страной. У него были друзья, свой распорядок дня. И вот как они ему благодарны. Это смерть искусства, которое преодолевает границы и национальную ненависть».

Этот разговор наглядно показал человеческую драму, скрытую за делом Мацукаты. Но кого это волновало?

Французские власти, занятые решением практических аспектов присвоения коллекции, не имели времени на подобные сетования. Основное внимание уделялось организации интеграции коллекции в национальное наследие. Им необходимо было предпринять конкретные, видимые действия.

Осенью 1951 года Жак Жожар запустил масштабную программу по реставрации и каталогизации конфискованных произведений. Были сформированы группы для оценки состояния каждого экспоната и создания подробных записей. Началась масштабная административная реорганизация.

— Господа, — заявил Жожар, — на нас лежит ответственность — и я подчеркиваю это слово — за сохранение и популяризацию этого наследия. Мы должны показать миру, что Франция была наиболее подходящей страной для хранения этих шедевров. Мы не можем допустить, чтобы говорили, будто мы захватили военные трофеи.

За его публичным самоуверенным видом скрывались угрызения совести, которые мучили его по ночам. Будучи членом Сопротивления во время оккупации, он рисковал жизнью, чтобы спасти национальные коллекции от нацистских амбиций. Теперь же он оказался в положении грабителя, против которого боролся. Абсурдность ситуации не ускользала от его внимания, но он подавлял её во имя общего блага Франции.

Бернар Доривал, отвечавший за надзор за операцией, принимал в ней активное участие. Он питал всепоглощающую страсть к современному искусству, граничащую с одержимостью.

— У нас есть уникальная возможность произвести революцию в наших национальных коллекциях! Благодаря этим работам наши музеи наконец-то смогут на равных конкурировать с Метрополитен-музеем, Музеем современного искусства, Национальной галереей...

Доривал питал глубоко укоренившееся личное разочарование. Будучи куратором второго эшелона на протяжении всей своей карьеры, он увидел в деле Мацукаты возможность оставить свой след во французском искусстве.

Его несбывшиеся амбиции наконец нашли выход в этом амбициозном проекте.

В июне 1952 года Лувр открыл свои двери выставкой под названием «Заново открытые шедевры: западное искусство на службе французской культуры».

На открытии присутствовал сам министр национального образования. По коридорам музея прошла вся парижская элита: искусствоведы, светские дамы, ищущие культурных впечатлений, и обычная публика на престижных открытиях выставок.

«Великолепное дополнение!» — гласил заголовок газеты *France Dimanche*. Другие газеты поддержали это мнение. Такой же энтузиазм был очевиден среди посетителей, которые толпились перед картинами. Многие открывали для себя произведения, которые никогда бы не ожидали увидеть по эту сторону Атлантики.

В специализированных журналах эксперты соревновались друг с другом в эрудиции. Проводились углубленные анализы значимости коллекции, публиковались научные статьи о ее вкладе во французское наследие. Царило единодушие.

Ну, почти.

Несколько смутьянов, в основном из крайне левых кругов, деликатно подняли сомнительные обстоятельства этого «обогащения». Но их протесты затерялись в шумихе официальных поздравлений. К тому же, кому хотелось слушать зануд, когда можно было восхищаться Моне и Ренуаром?

Французская общественность быстро приняла коллекцию Мацукаты, как будто она всегда была частью национального культурного ландшафта. Таким образом, миссия выполнена. Свершившийся факт сам по себе создал легитимность.

Но у каждого тонкого механизма есть свои недостатки. И этот был основан на большой ажи.

Вопреки официальным пропагандистским заявлениям, Кодзиро Мацуката был отнюдь не «военным спекулянтом». Его компании, безусловно, внесли свой вклад в промышленное развитие Японии, но, как и все компании в его стране, он был вынужден делать это в условиях диктаторского милитаристского режима.

Ещё более тревожным является то, что его коллекция относится к периоду до войны. Далеко не являясь воплощением японской агрессии, коллекция символизировала Японию, открытую миру и уважающую другие культуры.

Правда, замалчиваемая официальной французской версией, надолго останется в тени.

Тем временем в климатически контролируемых хранилищах Лувра и других французских музеев конфискованные произведения молчаливо свидетельствовали о человеческой трагедии, которую никто не хотел видеть. И слышать.

На тот момент, в конце 1952 года, дело казалось закрытым. Семье Мацуката, потерявшей близких и разорившейся, оставалось лишь оплакивать память своего патриарха.

Смерть Кодзиро Мацукаты лишила семью самого уважаемого лидера. Только его детям останется горькая память обо всем этом.

Хана Мацуката посвятила этому остаток своей жизни, терпеливо собирая все документы, относящиеся к коллекции ее отца, надеясь, что однажды правда восторжествует — надежда, которая в 1952 году казалась довольно тщетной. Лишь в конце 1958 года дело начало двигаться.

ГЛАВА 5: КОМЕДИЯ РЕСТИТУЦИИ

Ла Буассери, Коломбей-ле-Дю-Эглиз, декабрь 1958 г.

Присвоение всей коллекции Мацукаты после Сан-Францисского мирного договора никого не удовлетворило. Французское государство, безусловно, могло оставить себе всё. Но уже несколько месяцев казалось уместным жест в поддержку хороших отношений с Японией. Рассматривалась частичная реституция. Это был добровольный акт, представленный как щедрый...

Генерал де Голль, вернувшийся к власти несколькими месяцами ранее после алжирского путча 13 мая 1958 года, теперь занимал пост председателя Совета министров. Выходные он провел в своей частной резиденции «Ла Буассери» в Коломбе-ле-Дё-Эглиз. Это было плодотворное пребывание. Вся суббота была посвящена чтению многочисленных документов, в частности, проекта постановления, касающегося коллекции Мацуката, подготовленного министром юстиции Мишелем Дебре.

В то понедельничное утро генерал готовился вернуться в отель «Матиньон», где находился глава правительства.

Около 8 утра автомобиль DS 19, за рулем которого сидел шофер Франсис Марру, был готов. Генерал сел на заднее правое сиденье. Обычно это место было зарезервировано для его жены Ивонн. Но поскольку она была больна, в тот день она не поехала. На переднем сиденье адъютант, полковник Гастон де Бонневаль, дал сигнал к отправлению. Выпускник Сен-Сира, он сначала служил на Леванте, а затем присоединился к Сопротивлению. Арестованный гестапо в 1943 году, он был депортирован в концлагерь Маутхаузен и освобожден в 1945 году. Будучи доверенным лицом генерала, он был его верным спутником в «годы пустыни» — трудный период, когда де Голль не занимал никаких

государственных должностей и отошел от активной политической жизни.

Генералу с трудом удавалось привыкнуть к гидропневматической подвеске своего нового автомобиля, от которой его тошнило. Ему гораздо больше нравился 15-сильный 6-цилиндровый переднеприводный автомобиль, на котором он ездил раньше. И все же именно этот DS 19 спас ему жизнь несколько лет спустя во время покушения на Петти-Кламара. Несмотря на две изрепеченные пулями шины, Citroën продолжил путь до аэропорта Виллакубле благодаря автоматической регулировке подвески и независимой системе колес.

Колонна, состоявшая из машины сопровождения и двух мотоциклистов жандармерии, двигалась уже почти час.

Генерал подал Бонневалью знак, попросив сделать перерыв и размять ноги. Когда пришло время трогаться дальше, он пригласил его сесть рядом. Бонневаль был польщен этим жестом близости со стороны великого человека.

— Бонневаль, у меня есть несколько вопросов к вам по одному делу, которое меня беспокоит.

Де Голль, который был примерно на двадцать лет старше своего адъютанта, часто обращался к нему за советом. Разница в поколениях была для него бесценна, позволяя взглянуть на ситуацию с другой стороны.

— Генерал, я в вашем полном распоряжении.

Де Голль быстро объяснил Бонневалью, что происходит. Он кратко изложил ему проект постановления, предложенный Дебре.

— Бонневаль, если бы мы вернули японцам некоторые из хранящихся у нас произведений искусства, как вы думаете, общественное мнение было бы шокировано? Отреагировала бы пресса негативно?

— Генерал, я ни в коем случае не являюсь экспертом в этом вопросе. Боюсь, моя точка зрения вам мало чем поможет. Но я думаю, что в данный момент население больше озабочено событиями в Алжире. Матери обеспокоены тем, что армия мобилизовала призывников. Каждый день десятки солдат погибают или получают ранения в столкновениях. Что касается прессы, то она в целом настроена к вам враждебно по принципу. Это японское дело мало кого заинтересует. У общественного мнения есть гораздо более насущные проблемы...

— Да, но на международном уровне нет ли риска, что это нанесет нам ущерб?

— Генерал, с ноября прошлого года все министерства иностранных дел мучаются советским ультиматумом Никиты Хрущёва западным державам с требованием вывести войска из Западного Берлина в течение шести месяцев. В этом контексте вряд ли второстепенный вопрос коллекции Мацукаты вызовет какой-либо ажиотаж.

— Спасибо, Бонневаль. Как всегда, ваша точка зрения безупречна и полна здравого смысла...

Было 11:30 утра. Двести шестьдесят три километра, разделявшие «Ла Буассери» и отель «Матиньон», были преодолены без происшествий.

Де Голль немедленно отправился в свой кабинет, где было назначено совещание. В прихожей его полчаса ждали несколько сотрудников. После традиционных приветствий можно было начинать обсуждение.

— Генерал, — заявил Дебре, указывая на разложенный на столе переплетенный документ, — с помощью этого текста, который я отправил вам на прошлой неделе, мы сможем разрешить сложный вопрос о коллекции Мацукаты.

Сохраняя, разумеется, наши важнейшие культурные интересы.

Дебре был юристом по образованию, но политиком по призванию. Де Голль, которому уже приходилось лично заниматься этим сложным вопросом в 1944 году, когда коллекция была передана под секвестр, снова пересматривал статьи проекта указа с тем же вниманием, которое он уделял вопросам национального суверенитета.

— Господин министр юстиции, напомните мне условия соглашения, которое заключили наши представители с Японией. Я хочу убедиться, что мы не уступаем ничего, что могло бы поставить под угрозу нашу позицию.

— Генерал, достигнутое нами соглашение благоприятно для наших интересов. Наиболее важным аспектом является окончательный и безотзывный отказ, полученный нами от наследников Мацуката от всей коллекции, включая принадлежащие нам произведения. Соглашение также охватывает все процессуальные аспекты. Оно будет ратифицировано компетентными японскими органами и зарегистрировано в соответствии с надлежащими международными процедурами.

Андре Мальро, министр-делегат по вопросам информации, внимательно выслушал. Затем он выступил с той же выразительностью, которая была характерна для всех его речей об искусстве. В его случае эстетическая страсть сосуществовала с чрезмерным пристрастием к высокопарности, граничащей с нелепостью.

— Генерал, это соглашение умело сохраняет ядро наших приобретений, создавая при этом видимость международной щедрости. Франция сохраняет восемнадцать наиболее важных произведений. Взамен мы «предлагаем» остальную часть коллекции Японии — около трехсот менее значимых работ — для размещения в специально построенном музее в Токио. Таким образом, мы

превращаем вынужденную реституцию в великолепный жест примирения.

— Расскажите подробнее о том, почему наследники приняли это соглашение, — спросил де Голль с подозрением главы правительства, научившегося не доверять переменчивости союзов и позиций.

Министр иностранных дел и хитрый дипломат Морис Кув де Мюрвиль торжественно достал из своего кожаного портфеля несколько официальных писем, украшенных объемными печатями.

— Генерал, мы получили от наследников ясное и неоспоримое заявление об отказе. Вот официальное письмо, подписанное их представителем, Сабуро Мацукатой. В этом документе он прямо и окончательно отказывается от всех нынешних и будущих прав на всю коллекцию своего покойного отца.

Он осторожно развернул документ.

— Мы несколько месяцев вели переговоры, чтобы получить этот документ. Он охватывает не только возвращаемые произведения, но и, что наиболее важно, те, которые сохраняются. Наследники официально отказываются от любых последующих судебных исков.

Де Голль внимательно изучил документ, вникая в каждое слово. Он ненавидел эти сделки, где его воображаемое величие сталкивалось с мелочностью повседневной жизни.

— Кажется ли вам этот отказ от претензий окончательным и неоспоримым? Проверили ли наши юристы все его аспекты?

— Безусловно, — подтвердил Жорж Помпиду, тогдашний руководитель аппарата генерала. — Мы тщательно изучили все формальные аспекты. Никаких недостатков предъявить нельзя.

Помпиду, выпускник Высшей нормальной школы и знаток классической литературы, начал свою карьеру учителем в марсельской средней школе, прежде чем присоединиться к Государственному совету, а затем к Ротшильду. Работа в банковской сфере научила его искусству выгодных сделок, но также породила тревожную одержимость деньгами, которая резко контрастировала с его утонченными литературными вкусами. Он лично контролировал финансовые аспекты переговоров. Он знал рыночную цену и понимал, что Франция заключает выгодную сделку.

— Кроме того, — добавил он, — восемнадцать работ, которые мы оставляем себе, составляют более 80% от общей стоимости. Мы снимаем себе сливки, а сыворотку отдаем, если позволите так выразиться.

Мальро лирично изложил свою концепцию операции.

— Генерал, это дело иллюстрирует величие и культурную щедрость вечной Франции! Мы не эгоистично храним эти шедевры в наших запасниках, как заурядные частные коллекционеры. Мы дарим их японскому народу, чтобы он мог открыть для себя западное искусство, сохраняя при этом наиболее репрезентативные произведения для обогащения нашего национального наследия.

Он страстно жестикулировал, лихорадочно моргая — этот тик усиливался, когда он слишком увлекался.

— Это культурная дипломатия на самом высоком уровне, генерал! Франция в полной мере принимает на себя роль цивилизаторской нации и превращает спор в инструмент влияния!

— Мальро, — вмешался де Голль, — вы знаете так же хорошо, как и я, что мы ничего не «дарим». Мы просто возвращаем то, что больше не можем морально удерживать, сохраняя при этом то, что нас больше всего интересует.

Резкое замечание генерала на мгновение заставило Мальро замолчать, он лишь смущенно кивнул в знак согласия. Едва заметный румянец выдавал его смущение. Даже в самых искренних своих порывах он сохранял достаточную ясность ума, чтобы оценить пределы своей риторики. Дебре, стремясь перевести дискуссию на практические вопросы, признал ясность рассуждений де Голля, восхищаясь при этом умением генерала сразу переходить к сути дела.

— Генерал, вы правильно поняли реальные ставки этой операции. Но с точки зрения общественного восприятия внутри страны и на международном уровне важно, чтобы частичное возмещение ущерба воспринималось как по-настоящему щедрый жест Франции по отношению к Японии. Это внесет значительный вклад в укрепление связей между нашими двумя странами в то время, когда нам нужны союзники в Азии.

Кув де Мюрвиль, учитывая долгосрочные последствия, разъяснил основные вопросы, лежащие в основе всех переговоров.

— Этот вопрос вписывается в более широкие рамки нашей новой азиатской политики, генерал. Япония становится ключевым экономическим партнером Европы. Мы крайне заинтересованы в поддержании прекрасных отношений с Токио в условиях растущей мощи Китая. Наши французские экспортеры значительно укрепляют свои позиции на японском рынке, наши производители заключают важные контракты со своими японскими партнерами, а наши банки открывают филиалы в Токио. В этом контексте было бы глупо позволять культурному спору, отравляющему наши двусторонние отношения, разрастаться. И все это из-за нескольких картин, которые никогда не покидают наши запасники... Я деликатно связался с Робертом Шуманом, членом Комитета по иностранным делам Национального собрания. Он хорошо

знаком с этим вопросом, поскольку представлял Францию во время переговоров по Сан-Францисскому договору в 1951 году. Его мнение ясно: наши нынешние интересы диктуют необходимость возвращения большей части коллекции в Японию.

— Пусть будет так, — заявил де Голль. — Но давайте вернемся к конституционным аспектам операции. Почему необходимо действовать посредством указа, а не через обычные законодательные каналы?

Прямой и неловкий вопрос вызвал заметное смущение за столом. Дебре обменялся смущенным взглядом с Помпиду. Его личные амбиции подталкивали его к тому, чтобы угодить де Голлю, но его юридическое образование предупреждало его об опасностях авторитаризма.

— Генерал, обычный законодательный процесс потребовал бы месяцев, даже лет парламентских дебатов со всеми вытекающими отсюда неопределенностями. Постановление, которое находится в рамках регулирующих полномочий, позволяет нам двигаться гораздо быстрее и избежать публичных дебатов, которые могли бы стать неловкими для правительства. Можете ли вы представить, чтобы депутаты-коммунисты воспользовались этим вопросом? Или, что еще хуже, чтобы убежденные голлисты обвинили нас в «распродаже национального наследия»?

— Неловко? В каком именно смысле, господин министр юстиции? — настаивал де Голль со своим неукротимым любопытством. У него был особый дар чувствовать, когда от него что-то скрывают.

Дебре колебался. В нем жил юрист, боровшийся с духом придворного.

— Что ж, генерал... некоторые члены оппозиции могут поддасться искушению пошпионить. И, возможно, даже некоторые из нашего собственного большинства. Они

могут усомниться в точных обстоятельствах, при которых мы присвоили эту коллекцию в 1944 году. Лучше избегать разжигания этих старых, бессмысленных споров.

Кув де Мюрвиль вмешался незаметно, и на мгновение его сдержанность взяла верх над преданностью.

— Кроме того, парламентские дебаты неизбежно предоставят трибуну наследникам Мацукаты. И всем тем, кто хотел бы оспорить нашу версию событий.

Де Голль нахмурился. Опасно. Те, кто его знал, понимали, что это значит. Его самолюбие не могло вынести, если бы его прошлые решения подвергались сомнению, особенно те, которые были приняты в хаосе освобождения.

— Господа, я искренне надеюсь, что вы не намекаете на то, что решение о присвоении коллекции в 1944 году, которое я сам принял и за которое несу ответственность, было ошибочным? Или морально предосудительным?

— Нет, конечно, нет, генерал! — ответил Дебре. — Абсолютно нет! Но вы же знаете, как проходят парламентские дебаты... Они часто уходят в сторону второстепенных вопросов. И нашим оппонентам это нравится.

Мальро почувствовал необходимость разрядить обстановку. Министр культуры обладал способностью направлять дискуссии в более благоприятное русло, и его интеллектуальное тщеславие парадоксальным образом служило коллективным интересам.

— Генерал, этот указ также представляет собой значительное преимущество. Это не рутинная административная мера, а важный политический акт. Акт, который соответствует вашему видению французского величия и культурного влияния нашей страны в мире.

Де Голль выглядел спокойнее. Удачно подобранные комплименты всегда оказывали на него такое воздействие,

подпитывая потребность в признании, которая, как ни странно, сосуществовала с его открытым презрением к общественному мнению.

— Хорошо, господа. Но соответствует ли данное постановление положениям нашей Конституции?

Все понимали, что ступают на сомнительную с конституционной точки зрения почву. Но никто не осмеливался признаться в этом открыто генералу.

Помпиду умело решился на этот шаг. Его банковское образование научило его обходить юридические препятствия, не идя на компромиссы.

— Генерал, Конституция — это живой документ. Она должна адаптироваться к конкретным требованиям действий правительства. Данный указ соответствует духу наших институтов.

— Помпиду, — ответил де Голль, — Конституция — это не гармошка, которую можно растягивать в зависимости от обстоятельств. Она была написана с точностью, чтобы определять порядок действий государственных органов.

Дебре понял, что ситуация становится критической. Он решил выложить все карты на стол.

— Генерал, мы все хотим, чтобы вы подписали это постановление, потому что оно решает проблему, которая нас беспокоит и начинает обострять наши отношения с Японией. С чисто конституционной точки зрения, это постановление может быть не совсем ортодоксальным, но оно, несомненно, отвечает наилучшим интересам Франции.

Эта грубая откровенность парадоксальным образом успокоила де Голля. Он ценил прямое общение, предпочитая грубую правду дипломатическим уклончивым фразам, которые ему не нравились.

— Господин министр юстиции, я ценю вашу искренность. Хорошо. Но не просите меня верить, что эта процедура

безупречна с конституционной точки зрения. Мы все знаем, что это не так.

Дебре немедленно воспользовался этой возможностью.

— Генерал, это означает, что вы согласны подписать?

Де Голль взвесил все «за» и «против» своего решения. Его реализм, закаленный в невзгодах, в конечном итоге возобладал над его идеалами.

— Да, господин министр юстиции, я согласен подписать. Но при одном абсолютном и не подлежащем обсуждению условии: указ должен быть составлен таким образом, чтобы в полной мере сохранить честь и достоинство Франции. Мы ни в коем случае не должны выглядеть как обычные расхитители или произвольные конфискователи.

Мальро поспешил успокоить де Голля по этому важнейшему вопросу, его патриотические чувства звучали в унисон с чувствами генерала.

— Генерал, в преамбуле указа подчеркивается традиционное величие Франции и ее цивилизаторская роль. Мы особо подчеркиваем, что частичная реституция осуществляется «в духе примирения и культурного сотрудничества между Францией и Японией». Это свидетельствует о французской щедрости по отношению к бывшему противнику.

— А что конкретно касается восемнадцати основных произведений, которые мы сохраняем?

— Мы торжественно заявляем, что эти произведения призваны «обогащать французское культурное наследие на благо всех». И что они будут «выставляться в наших самых выдающихся национальных музеях для художественного просвещения наших граждан и гостей со всего мира». Никто никогда не сможет обвинить нас в мелочности или эгоизме. Де Голль кивнул, убежденный формулировкой, которая сохранила имидж Франции. Он нашел способ примирить

свои политические интересы со своим представлением о величии Франции.

— Меня это устраивает, господа. Вопрос о Мацукате улажен. Он взял свою золотую ручку с гербом Республики и подписал указ твердым и решительным жестом.

Но в нескольких сотнях метров от Матиньона, в небольшой пристройке к Пале-Рояль, атмосфера была явно менее торжествующей. Андре Буживаль, советник Министерства культуры, в десятый раз перечитывал текст указа. Тщательная профессиональная совесть, унаследованная от его подготовки в качестве судьи, не позволяла ему закрывать глаза на самые вопиющие нарушения. Напротив него, в комнате, стены которой были заставлены полками, переполненными папками, Пьер Мойно, генеральный инспектор музеев, открыто выражал свои опасения. Он построил свою репутацию на честности, граничащей с жесткостью, но которая снискала ему уважение всех коллег.

— Андре, — заявил Мойно, — этот указ вызывает у меня серьезную обеспокоенность с этической точки зрения. Мы объективно одобряем сомнительную с конституционной точки зрения процедуру, направленную на сокрытие столь же сомнительного присвоения.

Буживаль горько одобрительно кивнул, его лицо было измождено многонедельной бессонницей.

— Именно об этом я думаю уже несколько недель, Пьер. Статья 92 Конституции просто не может служить правовой основой для этого художественного пожертвования. Для этого потребуется закон, должным образом принятый парламентом, с публичным обсуждением и возможностью внесения поправок.

— А с какими конкретными рисками мы столкнемся, если этот указ однажды будет оспорен в Государственном совете? Наследниками или независимыми юристами?

Буживаль долго размышлял.

— Честно говоря, Пьер, я не знаю, что произойдет. И именно это меня беспокоит. Государственный совет традиционно уважает prerogatives правительства во внешней политике. Он избегает вмешательства в детали нашей дипломатии. Но он также, как правило, очень привержен соблюдению конституционных процедур. И он не колеблется осуждать злоупотребления властью. Проблема в том, что мы оказались в серой зоне. Это дело затрагивает аспекты права собственности, конституционного права, международного права... Нет четкой судебной практики по подобным гибридным ситуациям.

— А с юридической точки зрения, как ты считаешь, в чём заключается наша самая слабая позиция? Та, которая с наибольшей вероятностью создаст нам проблемы в долгосрочной перспективе?

Буживаль не колебался ни секунды.

— Без сомнения, это фундаментальный вопрос объявления войны Японии. Чем внимательнее я изучаю факты, тем больше понимаю, что наш официальный статус воюющей стороны в отношении Японии зиждется на крайне хрупком фундаменте. Возможно, даже на несуществующем.

Мойно открыл перед собой толстую папку, набитую архивными документами и пожелтевшими телеграммами. Его внимание к деталям привело его к некоторым тревожным открытиям.

— Я поручил провести исследование. Оно подтверждает выявленные недостатки, касающиеся отсутствия официальной публикации декларации о войне.

Он достал несколько листов бумаги.

— Ещё более серьёзным является то, что о заявлении войны так и не было официально сообщено соответствующим японским властям ни напрямую, ни через третье государство. Согласно строгому международному праву, объявление войны, которое не было опубликовано или уведомлено, не имеет юридической силы.

— Значит, мы никогда не находились в состоянии законной войны с Японией? — с возрастающим удивлением спросил Буживаль.

— Совершенно верно, Андре. И если мы никогда официально не находились в состоянии войны с Японией, то указ 1944 года, классифицирующий японских граждан как «граждан вражеского государства», совершенно лишен юридической основы. Вся система конфискации рухнет.

Буживаль встал и направился к террасе с видом на сады Пале-Рояль.

— Пьер, мы являемся свидетелями возведения, казалось бы, прочных строительных лесов, но на самом деле они покоятся на шатком фундаменте.

— Что ты имеешь в виду?

Буживаль вернулся, сел и разложил свои файлы на столе.

— Внимательно обдумай логическую последовательность событий. Постановление 1944 года основано на состоянии войны с Японией, которого юридически никогда не существовало. Сан-Францисский договор 1951 года распространяется на «вражескую собственность», но если бы мы никогда не воевали с Японией, то японская собственность во Франции не являлась бы «вражеской собственностью» согласно международному праву. Постановление подтверждает правомерность дарения произведений искусства, которое должно подпадать под исключительную юрисдикцию законодательного органа...

— Вы всерьез думаете, что все это здание однажды может рухнуть, как карточный домик?

— Я думаю, мы создали неустойчивую структуру. Достаточно будет, чтобы кто-то через десять, двадцать или тридцать лет набрался смелости, располагал финансовыми ресурсами и необходимой поддержкой, чтобы всерьез оспорить это положение дел в соответствующих судах. И все рухнет.

Их разговор был внезапно прерван появлением Бернара Антониоза. Племянник генерала по браку — советник Андре Мальро по вопросам культуры — прибыл с последними указаниями премьер-министра. Он, казалось, спешил и был не в настроении разговаривать.

— Господа, дело Мацукаты должно быть закрыто. Генерал больше не желает слышать никаких споров ни в какой форме.

Антониоз говорил так, словно не терпит возражений. Буживаль посчитал, что ему следует действовать осторожно.

— Господин Антониоз, у нас есть некоторые... опасения относительно долгосрочной надежности всей этой системы.

— Какие опасения?

В его голосе явно чувствовалось нетерпение. Мойно начал свои объяснения, подробно описывая каждый недостаток, каждое несоответствие, которое он заметил. Антониоз слушал. Но выражение его лица предвещало что-то недоброе.

— Господа, эти мелочи, безусловно, интересны с интеллектуальной точки зрения. Но давайте не будем упускать из виду главные вопросы и высшие интересы Франции.

Ах, эти «высшие интересы»... Буживаля не обманули.

— Что поставлено на карту?

— Во-первых, — объяснил Антониоз с пренебрежением избранных, — коллекция Мацукаты представляет собой значительное обогащение нашего наследия. Восемнадцать основных произведений, которые мы сохраняем, стоят десятки миллионов франков. Возможно, даже больше, учитывая их уникальность. Во-вторых, благодаря этим шедеврам наши музеи привлекают значительное количество иностранных посетителей. Культурное влияние, международный престиж...

— А что насчет внешних связей? — спросил Мойно.

— Частичное возмещение ущерба демонстрирует наше великодушие по отношению к бывшему врагу. Это способствует сближению с Японией, которая становится все более важным экономическим партнером для Европы.

Антониоз изложил свою аргументацию так, словно заучил урок наизусть. Великодушие... слово звучало пикантно, если учесть, что себе оставляли лучшие произведения.

— Конечно, господин Антониоз, но если основы всей операции хрупки... — настаивал Буживаль с мужеством, о существовании которого он и не подозревал.

— Господин Буживаль, я должен напомнить вам один факт. Генерал де Голль подписал указ сегодня утром. Следовательно, он имеет силу закона на всей территории Франции. Никто не может его оспорить.

Жест Антониоза не подлежал обжалованию. Но Мойно это не испугало.

— Мы не можем игнорировать конституционные нормы нашей Республики!

— Господин Мойно, Конституция должна служить величию Франции, а не препятствовать ему формалистическими соображениями. Постановление служит интересам нации.

Двое мужчин поняли, что столкнулись с логикой, которая намного превосходила их интересы. Бонапартистская концепция, в которой государственный разум превосходил все правила.

18 декабря 1958 года указ был торжественно опубликован в Официальном журнале. С его высокопарными заявлениями о франко-японском примирении и французской культурной щедрости пропагандистская машина немедленно заработала на полную мощность.

Вопреки ожиданиям полковника де Бонневалея, французская пресса, в значительной степени находившаяся под влиянием правительственных источников, приветствовала *«щедрую президентскую инициативу»*. На первой полосе газеты *L'Aurore* красовался заголовок *«Де Голль щедро предлагает шедевры Японии»*. В редакционной статье на полстраницы *La Croix* поясняла, что *«эта благородная инициатива свидетельствует об универсальном призвании Франции и ее цивилизаторской роли»*. *France-Soir* одобрила это, говоря о *«демократизации доступа к искусству»*. *L'Écho d'Alger* даже опубликовала на первой полосе иллюстрированный репортаж с цветными фотографиями и интервью, подчеркивающий *«французское величие»*. Несколько несогласных робко осмелились поставить под сомнение первоначальное приобретение коллекции. Но эти сдержанные критические замечания быстро заглушил хор пиар-кампаний, организованных правительством.

В Токио, в атмосфере традиционной чайной в районе Гиндза, Сигэхару Мацумото, зять Кодзио Мацукаты и главный японский переговорщик, перечитывал условия соглашения об отказе от претензий, которое его заставили подписать. Его охватывала глухая ярость. Привыкший к утонченности, он осознавал пределы вежливости перед

лицом жестокости властных отношений. Мэтр Такеши Ямамото, один из самых уважаемых адвокатов в коллегии, пытался его успокоить. Он тоже сомневался в законности этого принудительного соглашения, но его мудрость привела его к реалистичному взгляду на вещи.

— Господин Мацумото, объективно у вас не было другого выбора на этих переговорах. Все козыри были в руках Франции, а мы находились в состоянии абсолютной слабости.

Ямамото медленно пил свой зелёный чай.

— Мэтр Ямамото, боюсь, я растратил культурное наследие своего тестя. Эти восемнадцать работ, которые они оставляют себе, составляют основу всей коллекции.

Он достал подробный список из своего портфеля.

— Ван Гог, Гоген, Сезанн, Роден... Все, что придает коллекции международное значение, остается во Франции. Мы, конечно, получаем обратно триста работ, но это второстепенные произведения, подготовительные эскизы, работы малоизвестных художников...

— Я понимаю вашу печаль, — сочувственно сказал Ямамото. — Но давайте посмотрим правде в глаза. Без этого соглашения, каким бы несовершенным оно ни было, вы бы ничего не вернули. По крайней мере, оставшаяся часть вернется в Японию и сможет быть выставлена в будущем Токийском музее западного искусства.

— В каких унижительных условиях! Нам приходится самим строить музей специально для этих произведений, отказываться от своих прав на экспонаты, находящиеся во Франции, и мириться с тем, что эта частичная реституция преподносится как щедрый жест со стороны французских властей...

Он резко поставил чашку, гнев взял верх над его утонченными манерами.

— Это унижение, господин Ямамото! Мы вынуждены благодарить наших грабителей за то, что они вернули нам хотя бы часть украденного!

Ямамото кивнул, осознавая несправедливость ситуации. Его многолетний опыт в юриспруденции научил его ограниченности международной системы перед лицом грубой силы.

— Господин Мацумото, мы не можем эффективно оспорить решения Франции. Судя по всему, Сан-Францисский договор предоставляет им все права на японскую собственность, расположенную на их территории.

— Но действительно ли этот договор применим к нашей ситуации? — внезапно спросил Мацумото с новой надеждой.

Этот вопрос удивил адвоката, который с интересом поднял голову.

— Что вы имеете в виду?

— Что ж, я поручил своим самым компетентным коллегам провести небольшое исследование. Оказывается, Франция никогда официально не воевала с Японией. В этих обстоятельствах статья 14 Сан-Францисского договора не должна применяться к частной собственности моего тестя.

Ямамото резко наклонился вперед. Путь, по которому он никогда раньше не ступал.

— Можете подробнее рассказать о своем анализе? На какие документы вы опираетесь?

Мацумото достал папку из портфеля. Его руки слегка дрожали — не от нервозности, а от волнения.

— Посмотрите, мэтр. Мы месяцами изучали японские архивы и рассекреченные американские документы.

Мацумото начал подробно объяснять недостатки, которые, как считали французские власти, им так эффективно удавалось скрывать. Ямамото слушал. Он мысленно подсчитал ничтожные шансы на то, что кто-либо сможет бросить вызов французской системе.

— Господин Мацумото, подобное противостояние продлится годами. И самое главное, весь французский государственный аппарат объединится против нас. Вы уверены, что хотите ввязываться в такую авантюру?

Мацумото смотрел ему прямо в глаза. Его голос стал жестче, в нем читалась решимость, обычно скрывавшаяся за его вежливым поведением.

— Ради чести моего тестя, да. И ради памяти о его коллекции тоже. А потом... ради правды, мэтр Ямамото. Я готов сражаться до конца. Даже если это меня погубит.

Эта идея постепенно зарождалась в умах наследников Мацуката. Они наконец начали понимать, что лишение собственности — столь искусно замаскированное — основывалось на гораздо более шатких основаниях, чем кто-либо хотел верить.

Но вот в чем дело: в 1958 году у них не было ни денег, ни связей, ни необходимой адресной книги. Де Голль был у власти, Франция торжествовала, и французское величие было на пике...

В подвалах Лувра и других храмов французского искусства восемнадцать шедевров, хранившихся во Франции, продолжали свою безмолвную жизнь.

Указ от 18 декабря 1958 года официально предрешил судьбу коллекции Мацукаты.

Однако этот указ содержал в себе семена собственного падения. Формализуя «возвращение» нескольких второстепенных произведений, сохраняя при этом лучшие

из них, он признавал, что Франция, возможно, не имеет абсолютного права на всю коллекцию. Небольшая трещина в безупречном французском здании. Расщелина, которую много лет спустя будут использовать другие, более настойчивые и лучше подготовленные.

Провозглашая французскую «щедрость», указ привлек внимание к вопросу, который Париж предпочел бы оставить в прошлом. Непреднамеренная огласка спора, который власти надеялись замять.

Наконец, опираясь на конституционно сомнительную процедуру, это создало хрупкий прецедент. Игра в палочки, которая могла рухнуть при малейшем изменении прецедентного права.

Все эти недостатки были совершенно неизвестны французским властям.

Дело Мацукаты было далеко не закончено. Оно лишь вступало в новую фазу: фазу осмысления и созревания. Долгую, очень долгую. Герои 1958 года исчезали один за другим — смерть брала свое, — но их решения продолжали отравлять жизнь их преемников.

Этот случай поднял вопросы, выходящие за рамки эпох и режимов. Можно ли присваивать чужую культурную собственность во имя государственного разума? Оправдывает ли цель все средства, когда речь идёт о культурной политике? Имеет ли государство, заявляющее о своей демократии, право нарушать собственные принципы, как только на карту поставлены его интересы?

Конечно, это были неловкие вопросы. Но кого это волновало в 1958 году?

«Комедия возмещения ущерба» сработала идеально.

Чтобы дело Мацукаты вновь всплыло на поверхность, пришлось ждать потрясений конца XX века — падения Берлинской стены, глобализации, появления новых

международных стандартов в отношении культурных ценностей.

Но это уже другая эпопея. Эпопея, которая будет разворачиваться в мире, совершенно отличном от мира 1958 года. В мире, где государства больше не смогут так легко присваивать сокровища своих соседей, ссылаясь на их священные интересы.

ГЛАВА 6: ГОДЫ ЗАБВЕНИЯ

Париж, 1975 год

Рев отбойных молотков эхом разносился по огромному залу бывшего вокзала Орсе. В воздухе висели клубы гипсовой пыли. Место напоминало архитектурное поле битвы: искореженные металлические балки, зияющие стены и разрушенные полы. Именно здесь, в этом хаосе, должен был родиться будущий храм французского искусства.

Франсуаза Кашен, главный куратор и будущий директор Музея Орсе, осторожно переступала через обломки, каблучки ее туфель стучали по потрескавшемуся бетону. На ней был ее неизменный черный костюм, тот самый, который она оставляла для важных встреч, и она сжимала в руках желтую папку с надписью «Коллекция Мацукаты». Рядом с ней медленно продвигался Мишель Лаклотт, директор Музеев Франции. Его безупречный костюм резко контрастировал с апокалиптической картиной, окружавшей их.

Кашен наблюдала за работой со смешанным чувством восхищения и опасения. Дочь известного хирурга и внука знаменитого коммунистического активиста Марселя Кашена, она училась в Институте искусства и археологии, проявив непреодолимую страсть к искусству в очень раннем возрасте.

— Мишель, посмотрите на это! — воскликнула Франсуаза Кашен, широко указывая на огромный центральный неф. — Мы могли бы разместить здесь всю коллекцию импрессионистов. Моне напротив Ренуаров, Дега в нише в глубине... А этот свет! Этот естественный свет, падающий сюда, — это именно то, что нам нужно для пастельных картин.

Лаклотт рассеянно кивнул, его взгляд скользил по планам в руке. Он был чем-то озабочен. Настоящий аппаратчик, он

поднялся по всем ступеням иерархии культурного управления благодаря умелому сочетанию подлинной компетентности и откровенного оппортунизма. Он преуспел в искусстве компромисса, этом интеллектуальном упражнении, позволяющем примирить непримиримое.

— Франсуаза, нам нужно серьезно поговорить об экспозиции работ Мацукаты. Вчера вечером мне позвонили из офиса министра. Они... как бы это сказать... обеспокоены тем, насколько широко может быть освещено происхождение этих работ.

— Обеспокоены? — повторила Кашен с оттенком иронии.

— Что их беспокоит? То, что в наших коллекциях хранятся самые красивые картины Ван Гога и Гогена в мире?

Мимо них прошел рабочий, толкавший тачку, полную мусора. Лаклотт подождал, пока тот отъедет, прежде чем продолжить, инстинктивно понизив голос.

— Вы прекрасно понимаете, о чём я говорю, Франсуаза. Эта коллекция — бомба замедленного действия. Если журналисты начнут копать в обстоятельствах её приобретения...

— Её приобретение? Вы имеете в виду её конфискацию, Мишель? Давайте называть вещи своими именами.

Лаклотт поморщился. Он ненавидел, когда Кашен становилась такой прямолинейной. В их кругах предпочитали эвфемизмы и окольные пути, все, что позволяло им не называть вещи слишком прямо. Склонность коллеги к словесному неподчинению вызывала у него дискомфорт.

— Именно так, — продолжил он, нервно оглядываясь по сторонам. — Это именно те слова, которых нам следует избегать. Послушайте, я подготовил служебную записку. Я вам её зачитаю.

Он достал из портфеля напечатанный документ и начал читать монотонным голосом.

— *«Директива о представлении произведений из бывшей коллекции Маукуата. В соответствии с указаниями Министерства культуры рекомендуется использовать нейтральную номенклатуру в отношении происхождения этих произведений. Следует использовать следующие термины: «Национальная коллекция», «Приобретение французским государством», «Анонимное дарение». Любое явное упоминание коллекции Маукуата должно быть предварительно подтверждено Директоратом музеев Франции».*

Кашен прервала его, натянуто рассмеявшись.

— Анонимное дарение? Надеюсь, вы шутите? Речь идёт о коллекции из нескольких сотен крупных произведений, а не о картине, подаренной старой тётушкой!

— Знаю, — вздохнул Лаклотт, убирая документ. — Если мы начнём рассказывать всю историю целиком — о секвестре военного времени, о провалившихся послевоенных переговорах, о фарсе 1958 года — у нас возникнет грандиозный скандал. А новому музею это совсем не нужно. Они шли, обходя строительные леса, где рабочие были заняты укреплением арки. Шум был оглушительным, но, как ни парадоксально, придавал их разговору интимность. Кашен чувствовала, как в ней нарастает гнев, гнев из-за компромиссов, на которые ей приходилось идти по профессии. Гнев, смешанный с ненавистью к себе, потому что она знала, что в конце концов сдастся.

— Знаете, что меня больше всего во всем этом беспокоит? — наконец спросила Кашен. — То, что мы делаем именно то, в чём упрекаем немцев за нацистские хищения. Мы это скрываем, преуменьшаем, делаем вид, что ничего не произошло.

— Сравнение излишнее, Франсуаза. Обстоятельства совершенно разные.

— Правда? Иностраннный коллекционер собирает коллекцию во Франции. Начинается война. Государство конфискует его имущество. Война заканчивается. Государство сохраняет за собой имущество. Объясните мне принципиальную разницу, я слушаю.

Лаклотт резко остановился и повернулся к ней лицом. Этот разговор пробуждал сомнения, которые он предпочитал держать в себе. Вся его карьера зависела от его способности верно служить государству, несмотря на все его противоречия. Сомнения в этой преданности пугали его больше, чем он хотел бы признать.

— Разница в том, что Мацуката был японцем, Япония была врагом, и существовал надлежащий международный договор. Сан-Францисский договор, вам это ничего не напоминает? Всё законно.

— Законно, возможно. Морально — безусловно, нет.

— С каких это пор мораль стала руководить политикой? — возразил Лаклотт.

Они прибыли в то место, которое впоследствии станет великой галереей импрессионистов. Пространство было огромным, залитым проникающим золотистым светом. Кашен остановилась посреди комнаты, медленно поворачиваясь, чтобы осмотреть все вокруг. В такие моменты ее страсть к искусству вновь брала верх.

— Именно здесь я хочу разместить *«Спальню в Арле»*, — заявила она. — Прямо в центре, с верхним освещением. Она станет изюминкой коллекции.

— Отличная идея, — согласился Лаклотт. — Эта картина Ван Гога исключительна. Вибрация желтых тонов, искаженная перспектива комнаты... Это настоящий шедевр. Посетители будут стекаться, чтобы увидеть ее.

— И нигде не будет упомянуто, что она из коллекции Мацукаты?

— Упомянем лишь то, что необходимо упомянуть: «Масло на холсте, 1888 год, коллекция Музея Орсе». Вот и всё.

Их прервал глухой удар. Рабочий сверлил стену в нескольких метрах от них, поднимая облако белой пыли. Они отошли, капляя. Лаклотт чувствовал тяжесть этой государственной лжи, которую он помогал распространять. Моральная усталость просвечивала в его жестах, в его молчании, в тех моментах, когда его маска ревностного государственного служащего незаметно трескалась.

— На прошлой неделе я встречался с Кулонжем, куратором отдела живописи, — продолжила Капен, когда они благополучно вошли внутрь. — Он рассказал мне интересную историю. Оказывается, в 1960-х годах один из наследников Мацуката приезжал в Лувр, чтобы посмотреть работы из коллекции.

— Ну и что?

— Он заплакал. В буквальном смысле заплакал перед картиной Сезанна, которая принадлежала его деду. Кулонж, тогдашний помощник куратора, не знал, куда смотреть. Он предложил ему платок и проводил до выхода, пообещав, что за работами будут хорошо ухаживать.

— Это трогательно, — прокомментировал Лаклотт. — Но это не меняет ситуации. Теперь эти работы — французские.

За тысячи километров отсюда, в жилом районе Дайканьяма в Токио, Сабуро Мацуката созерцал дзен-сад с веранды своего традиционного дома. В руках у него была выпцветшая фотография отца, Кодзио Мацукаты, позирующего перед парижской коллекцией в 1920-х годах. На стене позади него висели несколько картин, которые теперь украшают французские музеи. Сабуро был одним из тех японцев, кого постигло поражение, разрывавшихся между гордостью за предков и национальным унижением. Будучи человеком чести согласно традиционным нормам, он, тем не менее,

должен был научиться идти на сделки с совестью перед лицом реальности. Эта двойственность поглощала его: сохранение достоинства семьи при одновременном принятии бессилия. Потеря коллекции отца символизировала для него все капитуляции его эпохи. Его жена, Митико, молча подошла и поставила рядом с ним чашку теплого саке. Её мучительная покорность была свойственна японским жёнам, привыкшим успокаивать задетое самолюбие своих мужей, никогда их не осуждая. И всё же, порой, при столкновении с мучительными воспоминаниями Сабура, в её взгляде прорывалась тоска.

— Ты всё ещё смотришь на эти фотографии, — нежно прошептала она. — Это только усиливает боль.

— Как я могу забыть, Митико? — ответил он, не отрывая взгляда от фотографии. — Отец посвятил свою жизнь этой коллекции. Он хотел создать музей в Японии, чтобы знакомить наш народ с западным искусством.

— Сабура, пора перевернуть страницу.

Он медленно покачал головой. Такое упрямство в заикливании на этом вопросе свидетельствовало о неспособности пережить горе.

— Перевернуть страницу? Когда каждый год миллионы туристов восхищаются нашими картинами в Париже, даже не зная, что они были украдены? Нет, Митико. Я не могу перевернуть страницу. Не раньше, чем восторжествует справедливость.

Он отложил фотографию и взял чашку саке в свои морщинистые руки, наслаждаясь теплом, разливающимся по ладоням.

— Вчера я получил письмо от куратора Музея Родена, — продолжил он. — Они организуют выставку французской скульптуры XIX века. Они хотят взять на время несколько

работ, которые они «любезно вернули» нам в 1958 году. Они оставляют себе шедевры и просят нас одолжить им обрезки, которые они сообразовали нам вернуть.

— Что ты собираешься ответить?

— Ничего. Я не буду отвечать. Пусть разбираются со своей совестью, если она у них вообще есть.

Между ними воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим плеском небольшого бамбукового фонтанчика в саду. Митико наконец села рядом с мужем, нежно положив руку на его руку. Этот жест, повторявшийся тысячу раз за эти годы, выдавал как её непоколебимую любовь, так и усталость от размышлений Сабуро.

— Кенджи взрослеет, — заметила она. — Он задает все больше и больше вопросов о своем прадеде. На днях он спросил меня, почему у нас дома нет картин в западном стиле, хотя Кодзиро был большим коллекционером.

— Что ты ему сказал?

— Правда. Что они во Франции. Но у меня не хватило смелости объяснить ему, как они туда попали. Это тебе решать; это твоё семейное наследие.

Эта ответственность за передачу наследия тяготила его. Как он мог сохранить память, не запятнав невинность? Как он мог передать правду, не посеяв ненависти?

— Как объяснить десятилетнему ребенку, что миром управляет закон сильнейшего? Что прекрасные понятия, которым его учат в школе — справедливость, равноправие, уважение — всего лишь пустые слова, когда речь идет об отношениях между народами?

— Он поймет. Дети понимают больше, чем мы думаем.

— Возможно. Но я бы хотел избавить его от этой боли как можно дольше. Пусть он еще немного поверит, что мир справедлив.

Париж, Директорат музеев Франции, 1976 год.

Зал заседаний Директората музеев Франции на улице Валуа напоминал военный совет. Десяток высокопоставленных государственных служащих и музейных кураторов внимательно слушал, как директор Леон Тюлье представлял план, разработанный им совместно с генеральным секретарем министерства.

Тюлье принадлежал к тому типу высокопоставленных государственных служащих, для которых государство стало религией. Выпускник Высшей нормальной школы, агреше, он почитал это учреждение с пылом верующего. Эта абсолютная преданность и привела его на вершину. В деле Мацукаты он видел лишь проблему коммуникации, намеренно игнорируя этические аспекты.

— Дамы и господа, — начал он своим глубоким, размеренным голосом, — перед нами стоит непростая задача. Наши национальные коллекции содержат произведения, которыми гордятся наши музеи. Но мы должны управлять сложным наследием, связанным с их приобретением. Канцелярия министра попросила нас определить четкий и последовательный план действий.

Он встал и начал расхаживать взад-вперед. Эта привычка ходить выдавала в нем нервозность, которую он пытался скрыть.

— Коллекция Мацукаты представляет собой значимые произведения, — продолжил он. — Речь идёт о коллекции, имеющей существенную рыночную стоимость. Но помимо финансового аспекта, на кону стоит наша международная репутация.

Жак Куониам, генеральный инспектор музеев, счел необходимым вмешаться. Он пережил несколько кризисов

и придерживался философии, которая позволяла ему не придавать моральным вопросам большого значения.

— Если позволите, мне кажется, мы излишне драматизируем ситуацию. Какова рекомендация фирмы?

Тюлье вернулся на свое место, приняв торжественную позу, которую он обычно оставлял для важных объявлений.

— Генеральный секретарь предлагает четкий подход: постепенное удаление. В течение десяти лет мы удалим все упоминания о коллекции Мацуката из наших официальных документов. Работы, конечно, останутся в экспозиции, но их происхождение будет постепенно... скажем так... нейтрализовано.

— Что вы имеете в виду? — спросил куратор из Лувра.

— Иными словами, мы собираемся полностью их интегрировать. Больше никаких особых упоминаний, никаких отличий. Они станут «произведениями Лувра» или «музея Орсе». Как будто они всегда там были.

— А как же архивы? Существующие каталоги? — возразил Куониам.

— Конечно, доступ к архивам останется для исследователей-специалистов. Мы же не в Советском Союзе. Что касается каталогов, то они будут заменены новыми, очищенными изданиями.

Луи Базен, бывший заведующий отделом в Лувре, приглашенный в качестве консультанта, взял слово. В свои восемьдесят с лишним лет он обладал свободой слова, которой не позволяли себе его более молодые коллеги.

— Я был там в 1951 году во время переговоров по договору. В то время я был моложе, но присутствовал на некоторых встречах. То, что мы сделали, было... как бы это сказать... креативным с юридической точки зрения. Мы воспользовались слабостью побежденной Японии, чтобы

легализовать то, что, будем честны, было чистой и простой конфискацией.

— Господин Базен, — перебил Тюлье, — мы здесь не для того, чтобы переписывать историю, а чтобы управлять настоящим.

— Именно так, — парировал Базен с присущей возрасту дерзостью. — Управление настоящим требует понимания прошлого. А прошлое говорит нам о том, что мы движемся по мутным водам. Японцы восстанавливаются экономически. Они не будут молчать вечно.

— Тем более важно действовать, пока они ещё молчат, — заключил директор.

Встреча продолжилась. Они обсуждали практические детали: как изменить надписи на произведениях искусства, как проинформировать сотрудников музея, как отвечать на вопросы журналистов или исследователей. Тюлье вел дискуссии с таким авторитетом, который едва скрывал его собственные сомнения. В моменты уединения он остро осознавал тот фарс, в создании которого сам принимал участие.

Музей Орсе, 1978 год

Музей всё ещё строился, но некоторые залы уже приобретали законченный вид. В будущей галерее постимпрессионистов команда техников работала вокруг монументального деревянного ящика. Внутри находилась картина Ван Гога *«Спальня в Арле»*, только что прибывшая из запасников Лувра.

Жан-Пьер Мойсин, недавно назначенный куратор, руководил операцией с явным волнением. Для него это был первый опыт работы такого масштаба. Сын мелких лавочников, он прошел все ступени карьерной лестницы благодаря своему таланту и целеустремленности,

демонстрируя при этом особую чувствительность, свойственную новобогатым.

— Осторожно! — крикнул он грузчикам. — Это картина Ван Гога, а не буфет из ИКЕА!

Мужчины, привыкшие к прихотям кураторов, продолжили свою работу с профессиональным спокойствием. Медленно и осторожно картину извлекли из ящика и поместили на специально сконструированный мольберт.

Мойсин подошел, замороженный. Неистовство желтых тонов, странность перспективы, ощутимая отстраненность, исходящая из этой пустой комнаты... Все было на месте, нетронутое, ошеломляющее.

— Господин Мойсин?

Он обернулся. За ним стояла молодая женщина в белом халате.

— Да?

— Шарлотта Шенье, отдел документации. Мне нужно проверить информацию, указанную на этикетке этого произведения.

Она открыла свою папку и начала читать с усердием начинающего архивариуса.

— Итак... Винсент Ван Гог, *«Спальня в Арле»*, октябрь 1888 года, масло на холсте, 57,3 х 73,5 см. Что касается происхождения картины, у меня есть информация: *«Коллекция Мацуката, Париж, приобретена около 1921 года; конфискована французским государством в 1944 году; Луврский музей, 1951 год; передана в музей Орсе в 1978 году»*. Это правильно?

Мойсин, явно смущенный, слегка покраснел. Молодая идеалистка Шарлотта Шенье олицетворяла собой все то, чем он был до того, как узнал правила музейной игры.

— Фактически, мы получили новые указания относительно происхождения. Для этой работы необходимо указать «Коллекция Музея Орсе».

Документалистка посмотрела на него с изумлением.

— Но... это неправильно. У этой работы есть происхождение, задокументированная хронология. Мы не можем её стереть!

— Это не мои приказы, мадемуазель Шенье. Они исходят сверху. С очень высокого положения.

— Но это же абсурд! — возразила она. — Любой студент искусствоведческого факультета знает, что эта картина из коллекции Мацукаты. О ней упоминают десятки публикаций!

Мойсин подошел к ней и понизил голос.

— Послушайте, я понимаю ваше разочарование. Меня это тоже беспокоит. Но у нас есть очень четкие указания. Коллекция Мацукаты официально больше не существует. Эти работы всегда принадлежали французским музеям. Такова новая правда.

— Новая истина? — недоверчиво повторила она. — Мы что, в «1984» Оруэлла?

— Мадемуазель Шенье, если вы дорожите своим положением, я советую вам беспрекословно следовать инструкциям. Это дружеский совет.

Молодая женщина закрыла свою папку с документами, ее идеализм пошатнулся под шокот от первого столкновения с институциональным лицемерием.

— Хорошо. «Коллекция Музея Орсе». Но не просите меня гордиться этой ложью.

Она резко развернулась и в ярости ушла. Мойсин смотрел ей вслед. Он вспомнил свое негодование, когда узнал правду об этих произведениях. Но со временем привыкаешь ко

всему. Возможно, именно эта способность к моральной адаптации больше всего пугала его в самом себе.

В этом и заключается настоящий урок музейного дела.

Токио, 1981 год

Кенджи было шестнадцать лет. Высокий для японского юноши, в круглых очках, придававших ему вид ученика, он проводил большую часть свободного времени в муниципальной библиотеке Сибуи. В тот день, листая книгу об импрессионизме, он наткнулся на репродукцию картины *«Спальня в Арле»*. Подпись гласила: *«Музей Орсе, Париж»*.

Заинтригованный чем-то, что он не мог точно определить, он продолжил читать книгу. Далее, в главе о коллекционерах начала XX века, он обнаружил черно-белую фотографию. Его сердце замерло. На ней был его прадед, Кодзиро Мацуката, позирующий перед коллекцией картин. И среди этих картин, отчетливо видна была *«Спальня в Арле»*.

Он снова взглянул на подпись к репродукции. *«Музей Орсе, Париж»*. Ни слова о Мацукате. Ничего. Как будто его прадеда никогда не существовало.

В тот же вечер он столкнулся со своим дедом. Кенджи обладал юношеским нетерпением, когда дело касалось невысказанных семейных тайн, но также и особой интуицией, позволявшей ему распознавать ложь взрослых. Он унаследовал упрямство своего прадеда, но еще не понимал его скрытых мотивов.

— Оджи-сан, я нашёл кое-что странное в библиотеке.

Сабуро Мацуката поднял взгляд от газеты. Он годами боялся этого момента, разрываясь между желанием сохранить невинность своего внука и долгом передать семейную память.

— Правда? Что это?

Кенджи положил перед собой открытую книгу.

— Это же прадедушка на фотографии, правда? Со всеми этими картинами?

Он слегка побледнел, но сохранил спокойствие.

— Да, это он.

— А вот эта картина, это Ван Гог, которая находится в музее Орсе?

— Да.

— Так почему же музей не упоминает, что это принадлежало нам?

Сабуро медленно сложил газету. Настал момент, которого он так боялся. Он должен был рассказать внуку правду. Эта мучительная передача информации представляла собой одновременно и бремя, и ответственность.

— Садись, Кенджи. Это долгая история. И тягостная.

В течение двух часов он рассказывал всё. Его голос дрожал, выдавая эмоциональную тяжесть этой истории, которую он прокручивал в голове тысячу раз.

Кенджи слушал, сжав кулаки. Этот подросток жестоким образом открывал для себя, что миром управляет не справедливость, а сила. Это откровение ознаменовало конец его невинности, но также и рождение воли, которая будет поддерживать его до конца жизни.

— Но... но это же воровство! — воскликнул он, когда дед закончил говорить.

— Да. Но это кража, легализованная международным договором. А это делает её неприкосновенной.

— Неприкосновенной? Ничто не является неприкосновенным! Мы могли бы нанять юристов, привлечь внимание международной прессы, устроить скандал!

Сабуро печально покачал головой. Многолетние неудачи сделали его фаталистом, возможно, даже слишком фаталистом перед лицом юношеской энергии.

— Я пытался, Кенджи. Годами. Но французы стерли следы, переписали события. Для них эти произведения всегда были французскими.

— Значит, мы сдадимся? Мы позволим им победить?

Сабуро посмотрел в глаза внуку. Он увидел в них страсть, которая напомнила ему о собственном отце. Это пламя было одновременно его надеждой и страхом: надеждой на то, что справедливость наконец восторжествует, и страхом увидеть, как Кенджи сгорит в стремлении, которое уже отравило его собственное существование.

— Нет, мы не сдаёмся. Мы ждём. Мы готовимся. Однажды представится возможность. И в тот день мы должны быть готовы. Вот почему ты должен учиться, Кенджи. Изучай право, иностранные языки, познавай, как устроен мир. Одной лишь силы недостаточно, чтобы вернуть то, что у нас украли. Нам нужны интеллект, терпение и, прежде всего, мы должны знать врага лучше, чем он знает себя.

Париж, Гран-Пале, 1985 год.

Выставка *«Век французского искусства: 1885–1985»* в Гран-Пале стала культурным событием года. Её должен был открыть сам президент Франсуа Миттеран. За кулисами кипела работа. Франсуаза Капен, ныне директор Музея Орсе, вместе со своей командой руководила заключительными приготовлениями.

Капен достигла пика своей карьеры. Каждый профессиональный успех напоминал ей о жертвах, которые она принесла, чтобы туда попасть.

Дело Мацукаты высветило ее внутренние противоречия. Любительница искусства против деловой женщины, интеллектуалка против государственного служащего.

— Что значит, картель Гогена не готов? — воскликнула она, сверля взглядом свою помощницу.

«У нас небольшая проблема, госпожа директор. В каталоге 1979 года эта картина Гогена указана как происходящая из коллекции Мацуката. Но в наших новых документах об этом происхождении нет ни слова. Журналисты могут задать вопросы...»

Дело Мацукаты становилось для нее обузой. С каждой выставкой, с каждой предоставленной на временное пользование работой, оно всплывало, словно обвиняющий призрак. Она чувствовала взгляд самих произведений искусства, словно они требовали справедливости.

— Послушайте, всё ясно. В каталоге 1979 года была ошибка. Вот и всё. Если вы спросите, вы скажете, что дальнейшие исследования установили истинное происхождение произведения.

— Но, мадам, журналисты-специалисты знакомы с этим делом. Например, Поль Журдан из *Le Figaro* в *семидесятых годах написал несколько статей о коллекции Мацукаты...*

— Тогда он поймет, что в его интересах не разжигать старые споры, — ответила она. — У музея Орсе прекрасные отношения с *Le Figaro*. Мы регулярно предоставляем им произведения для их мероприятий. Было бы жаль, если бы это изменилось, не так ли?

Послание было ясным: кнут и пряник. Тех, кто будет подчиняться, вознаградят. Остальные... Такой способ использования власти выявил в Кашен ту жесткость, которой у нее не всегда была. Система изменила ее, сама того не осознавая.

Вечером в день открытия присутствовала вся парижская культурная элита. Министры, послы, коллекционеры, искусствоведы... В своей речи Франсуа Миттеран восхвалял *«французского гения»* и *«Париж, мировую столицу искусства»*. Ни слова о конфискованных зарубежных произведениях, составлявших значительную часть выставки.

В толпе мужчина наблюдал за происходящим с ироничной улыбкой. Юкио Танака, парижский корреспондент газеты *«Асахи Шимбун»*, делал заметки. Он свободно говорил по-французски и досконально знал дело о коллекции Мацуката. Его дядя по материнской линии работал у Кодзио Мацуката в 1930-х годах. Танака был одним из тех японских журналистов, в которых одновременно присутствовало уважение к французской культуре и негодование по поводу несправедливости. Эта двойственность отражалась в его работе: восхищение западным искусством, негодование по поводу разграбления. Он сделал правду о Мацукате своим личным крестовым походом.

После выступлений он подошел к Франсуазе Кашен во время коктейльного приема.

— Уважаемая госпожа директор, меня зовут Юкио Танака, газета *«Асахи Шимбун»*. Великолепная выставка. Меня особенно впечатлил раздел, посвященный постимпрессионизму.

— Спасибо, господин Танака. Музей Орсе гордится тем, что обладает одной из лучших коллекций в мире.

— Действительно. У некоторых из этих работ увлекательная история. Например, эта картина Гогена, разве не входила в коллекцию, собранную моим соотечественником Кодзио Мацукатой?

Улыбка Кашен незаметно застыла. Она узнала этот журналистский приём. Мягкий подход перед решающим ударом.

— Думаю, вы ошибаетесь, господин Танака. Эта картина Гогена всегда была частью французских национальных коллекций.

— Правда? А у меня тут репродукция каталога выставки 1927 года в галерее Жоржа Пети, где эта работа четко обозначена как принадлежащая Мацукате...

Он достал из кармана ксерокопию и передал её директрисе. Она едва взглянула на неё, приняв надменное выражение лица, которое обычно приберегала для нежелательных посетителей.

— В каталогах той эпохи часто встречались ошибки, господин Танака. Наши нынешние исследования гораздо надежнее.

— Понятно, — ответил журналист с улыбкой, предвещавшей недоброе. — Ошибки. Как удобно. Скажите, госпожа директор, сколько работ из коллекции Мацукаты сейчас украшают стены ваших музеев?

Кашен напряглась. Этот журналист начинал ее серьезно раздражать, и она чувствовала, как нарастает знакомое раздражение всякий раз, когда кто-то осмеливался бросить вызов ее авторитету.

— Господин Танака, я не понимаю, что вы пытаетесь сказать, но...

— Я ничего не подразумеваю, мадам. Я задаю ясный журналистский вопрос. Вопрос, на который вы предпочитаете не отвечать. Это ваше право. Но это также и мое право расследовать то, что очень напоминает организованное хищение.

— Советую вам быть очень осмотрительными в своих высказываниях, господин Танака. Клевета карается по французскому законодательству.

— А как насчет кражи? Наказуема ли кража по французскому законодательству, госпожа директор?

С этими словами он вежливо поклонился и ушёл, оставив Франсуазу Кашен в ярости. Она подала знак Мишелю Лаклотту, который в это время беседовал с итальянским послом.

— Мишель, у нас проблема. Тот японский журналист вон там. Он копает в деле Мацукаты.

Лаклотт нахмурился. Приближающаяся пенсия делала его менее склонным к конфликтам. Он мечтал завершить свою карьеру в мире и покое.

— Танака? Да, я знаю его по репутации. Настоящая заноза в заднице. Что ему нужно?

— По всей видимости, он устраивает скандал. У него есть документы того периода, он задает вопросы...

— Я этим займусь. У меня хорошие связи в японском посольстве в Париже. Они не заинтересованы в том, чтобы этот вопрос всплыл снова. Франко-японские отношения сейчас превосходны; они не собираются портить их из-за нескольких картин.

Несколько дней спустя Юкио Танака получил звонок от своего редактора из Токио. Сообщение было ясным: никакой статьи о коллекции Мацукаты. «Двусторонние отношения» имели приоритет над журналистскими расследованиями. Танака понял, что задел за живое. Эта цензура только укрепила его решимость, но ему пришлось отложить свои разоблачения до более подходящего момента.

Камакура, 1990

Кенджи было двадцать пять лет. Он окончил юридический факультет Токийского университета и только что поступил в Гарвард. Но перед отъездом в Соединенные Штаты он хотел в последний раз поговорить со своим дедом, здоровье которого ухудшалось.

Он лежал в постели в своей комнате. Его взгляд оставался острым и решительным. Сабуро чувствовал, как силы покидают его, но эта физическая слабость сопровождалась психологическим освобождением. Находясь на грани смерти, он больше не боялся говорить правду, какой бы горькой она ни была.

— Кенджи, подойди ближе, — пробормотал он слабым голосом.

Молодой человек опустился на колени рядом с футоном. Кенджи жил с юношеским нетерпением, желая всего немедленно. Но, стоя перед умирающим дедом, он учился терпению. Этот урок сдержанности окажется бесценным в грядущих сражениях.

— Да, оджи-сан?

— В сундуке, вон там... Там черная лакированная коробка. Принеси ее мне.

Кенджи повиновался. Коробка была тяжелой, украшенной золотыми мотивами, изображающими летящих журавлей. Сабуро с трудом открыл ее, обнаружив пачки документов.

— Здесь собрано всё, что мне удалось сохранить о коллекции. Оригинальные описи, переписка с парижскими дилерами, фотографии... И самое главное, вот это.

Он предъявил официальный документ с печатью французского правительства.

— Акт о секвестре 1944 года. Подписан неким Полем Дюмоном, временным администратором. Этот документ доказывает, что Франция действительно конфисковала коллекцию. Пусть говорят что хотят, но этот документ неопровержим.

— Оджи-сан, с этим мы можем...

— Подождите. Это еще не все.

Он достал еще одну стопку бумаг.

— Конфиденциальные протоколы переговоров 1951 и 1958 годов. Один сочувствующий мне японский дипломат передал их мне в шестидесятые годы. Они ясно показывают, как французы манипулировали переговорами, как они воспользовались нашей послевоенной слабостью, чтобы узаконить свою кражу.

Кенджи, ошеломленный, пролистал документы. Эти бумаги представляли собой нечто гораздо большее, чем просто семейное наследство. Это был целый юридический арсенал для борьбы за правду. Но также и ужасное бремя для двадцатипятилетнего человека.

— Но это же огромная проблема! Мы можем спровоцировать международный скандал!

— Возможно. Но мы должны действовать эффективно. Французы сильны; они привыкли к подобным спорам. Нам придётся выбрать подходящий момент. И прежде всего, нам понадобятся союзники. В одиночку мы ничего не сможем сделать.

Он взял внука за руку. Этот простой жест нес в себе всю тяжесть передачи из поколения в поколение: надежды, сожаления, ответственность.

— Кенджи, я, наверное, не доживу до конца этого. Но у тебя есть время. У тебя есть ум. У тебя есть решимость. Пообещай мне, что никогда не сдашься. Пообещай мне, что ты отдашь должное памяти Кодзиро.

— Я обещаю вам, оджи-сан. Я верну нашу коллекцию. Или, по крайней мере, я раскрою правду.

Сабуро Мацуката умер три недели спустя. Его похороны были скромными, в соответствии с его пожеланиями. Но в сердце Кенджи горело неугасимое пламя...

Париж, Музей Орсе, 1993 год.

Софи Мартине была молодой аспиранткой, специализирующейся на изучении французских музейных коллекций. Для своей диссертации она интересовалась происхождением постимпрессионистских работ. Однажды, изучая архивы Музея Орсе, она наткнулась на тревожную аномалию.

Софи, происходящая из семьи среднего класса, относилась к искусству с искренней страстью, лишенной социальных расчетов, которыми руководствовались ее старшие.

— Простите, — обратилась она к архивариусу, женщине лет шестидесяти с строгим пучком. — Я ищу документы о приобретении этой группы работ, но нахожу только документы после 1960 года. Где оригиналы?

Архивариус бегло взглянула на список. Она проработала в этом учреждении тридцать лет, балансируя между требованиями исследовательской работы и административными ограничениями. Этот опыт сделал ее осторожной.

— Ах, эти произведения... Оригинальные файлы хранятся в специальном хранилище.

— В специальном резерве? Почему?

— Это конфиденциальные документы. Для ознакомления с ними вам необходимо разрешение руководства.

— Конфиденциальная информация? Как документы о закупках, которым пятьдесят лет, могут считаться конфиденциальными?

Архивариус помедлил, затем наклонился к ней, понизив голос. Несмотря на годы конформизма, она сохранила похвальное чувство профессионализма. Она умела отличать интересы учреждения от интересов истины.

— Послушайте, мадемуазель, один совет: не заикливайтесь на этих работах. Сосредоточьтесь на чем-нибудь другом для своей диссертации. Это сэкономит вам много хлопот.

— Проблемы? О чём вы говорите?

Архивариус огляделся, чтобы убедиться, что они одни.

— Последняя аспирантка, которая попыталась углубиться в эти материалы, получила отказ в защите своей диссертации. Официально — из-за «недостаточной методологии». Неофициально же... скажем так, она сунула свой нос не туда.

— Вы хотите сказать, что в этом музее ведется активная цензура по определенным темам?

— Я ничего не говорю. Я просто даю вам дружеский совет, вот и всё. Если вы хотите ознакомиться с этими документами, отправьте письменный запрос руководству. Но не удивляйтесь, если вам откажут.

Софи покинула архив, потрясенная. Она, считавшая себя сотрудницей храма знаний и культуры, обнаружила гораздо более мрачную реальность. В тот же вечер она обсудила это со своим научным руководителем, профессором Бернаром Дрюсне.

Дрюсне был одним из тех учёных, кто пережил майские события 1968 года, сохранив при этом свои идеалы. Принципиальный, он колебался между горьким скептицизмом и затаённой надеждой на то, что правда однажды восторжествует.

— Ах, Софи, ты точно подметила одну из самых сокровенных загадок французского музейного мира: коллекцию Мацуката.

— Вам известно об этом?

— Конечно, я знаю. Все специалисты знают. Но это табуированная тема. Мы об этом не говорим.

— Но это возмутительно! Это совершенно неэтично!

Профессор устало посмотрел на неё. Столько лет он наблюдал, как блестящие студенты рушатся под натиском реалий университетской системы...

— Софи, вы молоды и полны идеализма. Это хорошо. Но позвольте мне объяснить, как устроен наш маленький мир. Французские музеи — влиятельные институты. Они тесно связаны с политической, экономической и медийной властью. Любой, кто осмеливается подвергнуть сомнению их методы работы, быстро оказывается на обочине. Никаких грантов, никаких должностей, никаких публикаций. Короче говоря, академическая смерть.

— Значит, мы будем молчать? Мы примем ложь?

— Мы идём на компромисс. Мы находим выход. Мы изучаем что-то другое. Или, если мы достаточно смелы, мы ждём. Мы собираем доказательства, и однажды, когда обстоятельства станут благоприятными, мы наносим удар. Но этот день ещё не настал, поверьте мне.

— И когда же он придёт?

Дрюсне грустно улыбнулся. Он давно задавал себе этот вопрос.

— Когда японцы станут достаточно экономически сильными, чтобы оказывать давление. Когда международное общественное мнение будет осведомлено об этих проблемах. Когда старые консерваторы, построившие свою карьеру на этой лжи, умрут. Терпение, Софи. Правда всегда в конце концов восторжествует. Но иногда на это нужно время.

Бостон, Гарвардская юридическая школа, 1995 год.

Кенджи учился на последнем курсе докторантуры.

Его диссертация была посвящена теме «Реституция произведений искусства в международном праве: тематические исследования». Официально это была нейтральная тема. Неофициально же это была боевая машина против Франции.

Гарвардский университет преобразил Кенджи. Застенчивый студент превратился в опытного стратега, в совершенстве овладевшего кодами западной власти. Но это преобразование сопровождалось болезненной потерей невинности. Он научился скрывать свои эмоции, рассчитывать свои действия, манипулировать отношениями.

Его научный руководитель, профессор Роберт Кроуфорда, известный специалист по международному праву, предупреждал его. Он принадлежал к той блестящей, но робкой американской академической элите, которая больше заботилась о сохранении своей репутации, чем о защите справедливости.

— Кенджи, ваша работа актуальна. Но вы ходите по тонкому льду. Франция очень чувствительна к этим вопросам. Если вы хотите опубликовать свою диссертацию, вам нужно быть очень осторожным в формулировках.

— Профессор, при всем уважении, за пятьдесят лет существования сдержанность ни к чему моей семье не привела.

— Что вы предлагаете?

— Косвенный подход. Вместо того чтобы напрямую нападать на Францию из-за коллекции Мацукаты, я создам прецеденты. Покажу, как другие страны возвращали произведения, конфискованные во время войны.

Кроуфорда улыбнулся, восхищаясь мастерством своего ученика.

— Это хорошо. Но на это потребуется время.

— У меня есть время. И самое главное, у меня есть то, чего не было у моего деда: доступ к международным связям. Гарвард — это пропуск во весь мир. Выпускники здесь повсюду: в юридических фирмах, в СМИ...

— Вы хотите создать сеть?

— Да. Сеть сторонников, потенциальных союзников. Люди, которые, когда придёт время, смогут поддержать наше дело. В последующие месяцы Кенджи неуклонно реализовывал свою стратегию. Он посещал все конференции по вопросам законодательства в сфере охраны культурного наследия, устанавливая контакты и ненавязчиво закладывая основы своей будущей кампании. Он встречался с журналистами, юристами и учеными. Каждому он рассказывал о деле Мацуката, не проявляя навязчивости, а лишь настолько, чтобы вызвать у них интерес.

Однажды вечером на конференции в Нью-Йорке он познакомился с Сарой Филдман, юристом, специализирующейся на реституции произведений искусства, похищенных во время Холокоста.

Сара носила в себе это особое чувство вины выживших, превратившееся в воинственную энергию, направленную на восстановление справедливости. Она сразу узнала в Кенджи ту же унаследованную рану, ту же жажду возмещения ущерба, которая им двигала.

— Вы напоминаете мне о наших собственных битвах, — сказала она ему после того, как он рассказал о деле Мацукаты. — Разница в том, что у нас есть общественное сочувствие. Все признают несправедливость Холокоста. Но конфискованная японская коллекция... Знаете, у меня есть связи в американских СМИ. Если хотите, я могу начать распространять эту историю. Пока что незаметно. Просто чтобы заложить основу.

— Спасибо, я принимаю вашу помощь.

Этот союз ознаменовал начало нового этапа в борьбе Мацуката.

Париж, Директорат музеев Франции, 1997 год.

В своем отделанном деревом кабинете в Директорате музеев Франции новый директор Луи Монье внимательно слушал доклад своих советников. Он сменил Тюлье на посту директора с амбициозной целью модернизации учреждения, но столкнулся с теми же дилеммами, что и его предшественник. Рядом с ним Франсуаза Арман, заместитель генерального секретаря министерства, старательно делала записи.

Монье принадлежал к той группе высокопоставленных государственных служащих, которые были обучены современным методам управления, но столкнулись с инерцией, унаследованной от прошлого. Он колебался между стремлением к прозрачности и корпоративистскими рефлексам, между провозглашенной современностью и убежденным консерватизмом.

— У нас потенциальная проблема. Наши службы мониторинга СМИ зафиксировали растущую популярность темы «Коллекции Мацукаты» в англоязычной прессе. За последние месяцы в американских и британских специализированных журналах появилось несколько статей.

— Что это значит? — спросила Франсуаза Арман, которую только что назначили на эту должность.

Монье выступил.

— Это давнее дело, госпожа Генеральный секретарь. Японская коллекция, конфискованная во время войны и включенная в наши национальные коллекции. С юридической точки зрения все в порядке. Сан-Францисский договор 1951 года предоставляет нам все права. Но...

— Но?

— Но с этической и медийной точки зрения все сложнее. Если дело выйдет из-под контроля, мы рискуем оказаться в той же ситуации, что и швейцарские музеи с нацистским

золотом. Это катастрофа для нашего имиджа. В канцелярии министра обеспокоены.

Франсуаза Арман, недавно прибывшая из центральной администрации, открывала для себя эти «серые зоны», которым ее не учили в Национальной школе управления (ENA). Это знакомство с реалиями власти тревожило ее больше, чем она хотела признать.

— Какие у нас есть варианты?

— Первый вариант. Ничего не делать и надеяться на лучшее. Рискованно, но возможно. Второй вариант. Взять инициативу в свои руки. Обсудить этот вопрос, взять на себя ответственность, объяснить контекст. Третий вариант. Вести переговоры с японцами конфиденциально. Вернуть несколько символических произведений в обмен на молчание по поводу остальных.

— Какова ваша рекомендация?

Монье колебался.

— Лично я склоняюсь к третьему варианту. Но это решение выходит за рамки нашей компетенции. Оно потребует одобрения кабинета министров.

— Кто являются нынешними наследниками? Являются ли они склонными к судебным разбирательствам?

— Главным наследником является Кенджи Мацуката, правнук Кодзиро Мацукаты. Юрист с образованием, полученным в Гарварде, в настоящее время является партнером в крупной токийской юридической фирме. По данным наших источников, именно он пытается организовать ненавязчивую медиакампанию.

— Мы можем с ним встретиться?

— Мы можем попробовать. Но, судя по тому, что мы о нём знаем, он не удовлетворится крошками. Он хочет вернуть всё. Или, по крайней мере, публично признать причинённый вред.

— Давайте начнём с оценки того, что у нас есть из этой коллекции. Сколько произведений, их ценность, их значение для наших музеев. Затем посмотрим, возможна ли конфиденциальная встреча. Но прежде всего, подготовим план оборонительных коммуникаций. Если дело выйдет из-под контроля, мы должны быть готовы к ответным действиям. Я сообщу об этом кабинету министров.

— Хорошо, мадам. Но этот случай выявляет более масштабную проблему. Наши музеи переполнены произведениями сомнительного происхождения. Если мы уступим Мацукате, мы создадим брешь, в которую бросятся все.

— Я знаю. Но сейчас 1997 год, а не 1951. Мир изменился. Мы должны адаптироваться или страдать. Министр это понимает.

Токио, Ямамото и партнёры, 1998

Кенджи Мацуката, ныне партнер в одной из самых престижных юридических фирм Японии, созвал совещание. За столом сидела его команда, состоящая из двух молодых японских юристов, специалиста по искусству и Сары Филдман, специально приехавшей из Нью-Йорка.

Преображение Кенджи было поразительным. Этот целеустремленный молодой человек стал успешным юристом.

— На каком этапе мы находимся? — спросил Кенджи.

Слово взял эксперт по искусству, профессор Ямада.

— Я завершил полную инвентаризацию коллекции на основе документов вашего деда.

— Ориентировочная цена?

— По текущим рыночным ценам, стоимость работ, все еще находящихся во Франции, составляет от 800 миллионов до

1,2 миллиарда долларов. Одна только *«Спальня в Арле»* оценивается более чем в 100 миллионов долларов.

Сара Филдман вмешалась.

— Дело не только в деньгах. Речь идёт о культурном наследии провидца, которое было украдено.

— Безусловно, — согласился Кенджи. — Именно на этом нам и нужно сделать акцент. Не на финансовом аспекте, а на моральном, культурном и человеческом.

Один из молодых юристов, Нукага, задал вопрос с той смелостью, которая присуща неопытности.

— Мэтр, я изучил Сан-Францисский договор. Статья 14, кажется, на стороне французов. Как можно обойти это юридическое препятствие?

Кенджи улыбнулся. Он годами работал над этим вопросом в Гарварде, постоянно совершенствуя свои аргументы.

— Я много об этом думал. Мы не можем оспаривать сам договор, это правда. Но мы можем утверждать, что Франция вышла за рамки того, что позволял договор. В договоре говорилось о «военных репарациях». Однако коллекция Мацукаты не являлась военной собственностью. Это была частная коллекция, собранная задолго до конфликта путем законных покупок. Франция не имела права считать ее «репарациями».

— Это блестяще! — воскликнула Сара. — Вы оспариваете не сам договор, а его неправомерное применение.

— А у меня есть ещё кое-что. Посмотрите на этот документ. Он вывел на экран официальное письмо, датированное 1946 годом.

— Это письмо французского правительства моему деду, в котором признается, что коллекция была «помещена под временную охрану». Это письмо доказывает, что даже

Франция первоначально признала необходимость возвращения коллекции.

— Тогда почему её не вернули? — спросил Нукага.

— Ошпортунизм. В период с 1946 по 1951 год Франция осознала ценность того, чем обладала, и изменила свою позицию. Это вопиющая недобросовестность.

Добавил профессор Ямада.

— Я также обнаружил кое-что интересное в архивах французского МИДа на Кэ-д'Орсе. Внутренние служебные записки, в которых французские дипломаты признают, что конфискация коллекции Мацукаты была «юридически рискованной», но «политически целесообразной». Они знали, что воруют, но всё равно сделали это.

— Отлично, — заключил Кенджи. — У нас есть доказательства. Сара, как вы видите дальнейшее развитие событий?

Сара на мгновение задумалась.

— Нам нужно продолжать оказывать давление на СМИ. У меня есть контакты в *New York Times*, которые были бы очень заинтересованы в крупной статье. Но нам также нужен какой-то толчок.

Это заставит французов отреагировать.

Париж, Музей Орсе, 2000

Было ноябрьское утро. Музей только что открылся, и начали прибывать первые посетители. Среди них выделялся элегантный гость в черном пальто, шагавший уверенной походкой.

Кенджи Мацуката остановился перед картиной «Спальня в Арле». Впервые в жизни он своими глазами видел полотно, принадлежавшее его прадеду. Его переполнили эмоции. Яркие желтые тона, искаженная перспектива, одиночество,

исходящее из этой пустой комнаты... Все это должно было находиться в музее в Токио, доступном для японцев.

Он оставался там неподвижно в течение нескольких долгих минут.

— Трогательно, не правда ли?

Кенджи обернулся. На него смотрела элегантная женщина с легкой улыбкой. Он мгновенно узнал Франсуазу Кашен, бывшего директора музея. Ей сообщили, что Кенджи Мацуката находится в Париже сорок восемь часов, и она надеялась, что он приедет в музей Орсе. Она отчаянно хотела встретиться с ним, несомненно, чтобы успокоить свою совесть. Она ждала его визита уже несколько часов.

— Мадам Кашен, полагаю?

— Вы меня знаете?

— Я знаю, кто вы. Так же, как, полагаю, вы знаете, кто я.

Улыбка Кашен исчезла. Возраст и выход на пенсию сделали её менее воинственной.

— Господин Мацуката. Я подозревала, что вы когда-нибудь придете.

— А как вы себя чувствуете, мадам, видя меня перед этой картиной, украденной у моей семьи?

Кашен напряглась, но в её взгляде промелькнула новая уязвимость.

— Слово «украдено» — это слишком сильно сказано, господин Мацуката. Эта работа была получена на законных основаниях...

— Избавьте меня от официальной речи, — перебил Кенджи. — Мы оба знаем, что произошло. Мой вопрос: как вы с этим живёте?

Кашен помолчала немного, а затем ответила более мягким голосом.

— Господин Мацуката, я посвятила свою жизнь искусству. Сохранению его, его показу и развитию любви к нему. Эти произведения, независимо от их происхождения, являются неотъемлемой частью французского культурного наследия. Миллионы людей видели их, изучали их и любили их. Разве это не является формой справедливости?

— Справедливость, построенная на несправедливости, остаётся несправедливостью, мадам. Мой прадед хотел создать музей в Японии. Вы разрушили его мечту.

— Я ничего не разрушила, господин Мацуката. Мне досталась ситуация, которая сложилась задолго до меня.

— Путем удаления всех упоминаний об их истинном владельце?

Кашен честно не стала скрывать своё смущение.

— Это было... распоряжение. Я не была согласна, но...

— Но вы это применили. Как и все остальные. Из-за трусости, из корысти — это не имеет значения. Вы все соучастники.

Он снова повернулся к картине.

— Однажды, мадам, этот Ван Гог вернется в Японию. Возможно, не при моей жизни, но когда-нибудь.

— Возможно, господин Мацуката. Но пока что оно здесь. Разве это не лучше, чем хранить его в частном сейфе?

— Ложная дилемма, мадам. Это могло бы находиться в музее в Токио, доступном для японцев, которые никогда не смогут позволить себе приехать в Париж. Но ваше евроцентрическое видение не может этого себе представить, не так ли?

С этими словами он резко развернулся и ушел, оставив Франсуазу Кашен наедине с картиной. Она почувствовала что-то вроде вины. Эта прямая конфронтация с одной из жертв дала трещину в её моральной обороне.

В тот же вечер она позвонила Мишелью Лаклотту.

— Мишель, я встретила Кенджи Мацукату сегодня утром. В музее.

— И?

— Он не сдастся, Мишель. Для него это вопрос чести. Вопрос справедливости. Он дойдёт до конца.

— Что вы предлагаете?

— Возможно, пришло время... пересмотреть нашу позицию. Сделать жест. Прежде чем разразится скандал.

— С возрастом ты становишься слишком сентиментальной, Франсуаза. Мы ничего не вернем. Эти работы французские. Здесь нет места для обсуждений.

Кашен повесила трубку, обеспокоенная. Ее мучили сомнения. Правильный ли выбор они сделали за все эти годы? Или же они были всего лишь организаторами преступления, замаскированного под законное приобретение?

Время шло. Ничего не менялось. Сдержанное, но эффективное давление удерживало дело Мацукаты в тени. Мало-помалу, неумолимая решимость Кенджи Мацукаты ослабевала. После многих лет борьбы Кенджи Мацуката, с разбитым сердцем, наконец сдался, измученный масштабом задачи. Он не смог сдержать обещание, данное деду: посвятить всю свою энергию тому, чтобы коллекция наконец вернулась в Японию. Время еще не пришло для того, чтобы проблема мародерства стала серьезной социальной проблемой... Делу предстояло всплыть на поверхность лишь в 2020-х годах... наконец.

ГЛАВА 7: ВОЗРОЖДЕНИЕ БОРЬБЫ

Серет, офис НПО Retour et Restitutions, август 2024 г.

В офисах организации Retour et Restitutions воздух был наполнен сладким ароматом Средиземноморья. Пьер Бертье основал эту неправительственную организацию в 2019 году с единственной целью: вернуть украденное.

Со временем его команда усовершенствовала свои методы. Научно-консультативный совет расширился: в него вошли специалисты по искусству, юристы, эксперты по происхождению произведений искусства...

Пьер Бертье правил этим маленьким миром с пылом новообращенного. Недавно вышедший на пенсию профессор агреже, он променял свои лекции на личный крестовый поход, который, наконец, дал ему ощущение полноценного существования.

Он был живым парадоксом. С одной стороны, его интеллектуальная строгость и работоспособность внушали уважение — он мог проводить целые ночи, изучая архивы, движимый ненасытным любопытством, которое сделало его блестящим специалистом в своей области. Его феноменальная память и дар синтезировать огромные объемы сложной информации делали его грозным противником. Но за этой же интенсивностью скрывались уязвимости: перфекционизм, граничащий с одержимостью, инстинктивное недоверие к любому, кто не разделял его взглядов, и, прежде всего, склонность считать себя единственным обладателем истины.

Бертье обладал определённым интеллектуальным высокомерием, которая пронизывала его межличностные отношения. Он плохо слушал, часто перебивал и проявлял явное нетерпение всякий раз, когда его доводы не сразу понимали. Коллеги ценили его компетентность, но боялись

его перепадов настроения, когда он упускал какую-то деталь. Он исправлял чужие ошибки с едва скрываемым удовольствием, словно собирая доказательства своего превосходства. Парадоксально, но эта же требовательная строгость, которая делала его сложным в работе, одновременно являлась и его силой. Ничто не ускользало от него; ни одна официальная ложь не могла выдержать его пристального внимания.

Его кабинет напоминал кабинет солдата, готовящегося к финальному наступлению. На стенах были развешаны карты мира, утыканные цветными булавками. Красным обозначались нацистские грабежи, которые еще не были урегулированы, синим — то, что колонизаторы забрали с собой, зеленым — государственные конфискации, желтым — «сомнительные приобретения» крупных музеев. Головокружительная география глобальных грабежей.

На его столе лежали стопки тщательно промаркированных папок. Договоры международного права соседствовали с каталогами выставок, аннотированными его собственной рукой. Его переписка с исследователями со всего мира доказывала, что он терпеливо плел свою паутину. На стене репродукция картины *«Спальня в Арле»*, казалось, наблюдала за его исследованиями. Ежедневное напоминание о том, что за каждой папкой скрываются мужчины, женщины и истерзанная красота. Бертье часто созерцал эту картину, черпая из нее своего рода утешение, компенсирующее его личное одиночество — ведь его борьба постепенно отрезала его от нормальной социальной жизни.

Бертье поднял глаза, когда постучала его секретарь. Принятая на работу с самого начала, она разделяла его страсть к безнадежным делам. Он ценил ее непоколебимую преданность.

— Господин Бертье, на связи Таро Хагиуда из Токио. По поводу дела Мацукавы.

Он ждал этого звонка целую неделю. Его переполняли нетерпение и тревога.

— Отлично, соедините меня с ним.

Бертье поднял трубку. Хагиуда, доктор исторических наук и выдающийся специалист по современной японской культуре, входил в эту сеть исследователей, которые отказывались забывать. На кону стояло гораздо больше, чем просто консультация.

— Доктор Хагиуда, доброе утро. Спасибо, что перезвонили. В ответном голосе чувствовалось его сильное разочарование. Небольшая задержка в спутниковой связи ничуть не уменьшила этого чувства.

— Господин Бертье, это я должен вас поблагодарить. Мы хорошо знакомы с вашими исследованиями хищений культурных ценностей. Мы с большим интересом следим за вашей борьбой... и, надо сказать, с надеждой.

Тон Хагуды выдавал масштаб травмы. Мацуката был не просто именем в каталоге. Он был национальной раной, которая отказывалась заживать.

— Что касается коллекции, я должен сказать вам правду. Это наша незаживающая рана. Восемьдесят лет спустя она всё ещё болит. Кодзиро Мацуката был гением, провидцем, который хотел сблизить наши культуры. И то, что французы с ним сделали...

Его голос слегка дрогнул.

— ...мы восприняли это как удар в спину.

За юридическими аспектами скрывались разрушенные жизни. Мацуката хотел построить мосты, но его камни были украдены.

— Я понимаю эмоциональный аспект. Но мне нужны конкретные доказательства. В противном случае, мы просто будем топтаться на месте в суде.

Бертье на собственном горьком опыте убедился, что одного лишь негодования в отношении музеев недостаточно. Необходимы веские, проверяемые и неопровержимые доказательства. Его природное недоверие, обостренное годами проигранных битв, требовало именно такой строгости.

— Что именно содержится в ваших национальных архивах? Неопубликованные оригинальные документы? И самое главное — важнейший вопрос — удалось ли вам найти наследников?

Из Токио до него донесся вздох. Хотя несправедливость была очевидна, ее исправлению мешали реалии прошедшего времени.

— В этом и трагедия, господин Бертье. Семья Мацуката... исчезла. Рассеяна по ветру катастрофами XX века.

Последовавшее объяснение раскрыло всю жестокость судьбы. Тихоокеанская война, поражение 1945 года, семилетняя американская оккупация, социальные потрясения — всё это сговорилось, чтобы разбросать японские семьи, словно опавшие листья на ветру.

«Некоторые потомки до сих пор живут в Японии, но в других префектурах. Жёны сменили фамилии, что всё осложняет. Другие бежали в Америку в 1950-х и 60-х годах, когда страна ещё находилась в плачевном состоянии. Есть также некоторые в Европе, несколько человек во Франции и Германии. Но самое худшее, господин Бертье, это то, что многие даже не знают, что имеют на что-либо право».

Ситуация представляла собой вынужденную диаспору, следствие травм современной Японии. Семьи рассеялись по необходимости, выживая как могли среди руин своего мира.

— Естественное невежество или преднамеренная амнезия? — спросил Бертье, и любопытство взяло верх над состраданием.

— К сожалению, и то, и другое. Война разорвала семейные узы, это факт. В Соединенных Штатах некоторые потомки хорошо известны и мобилизованы к концу 1990-х годов, в частности, некий Кенджи Мацуката, который сейчас живет в Японии, но, похоже, больше не проявляет активности в этом вопросе. Тем не менее, он связывался с прессой, читал лекции, писал статьи, горы свернул... Но последние пятнадцать лет — ничего. Многие другие также предпочли забыть. Перевернуть страницу, сосредоточиться на будущем, похоронить прошлое, слишком тяжелое, чтобы его нести. Знаете, после 1945 года выживание было важнее, чем выдвижение требований.

Бертье был знаком с этим механизмом. Он наблюдал его и в других случаях лишения собственности. Жертвы предпочитали амнезию, а не столкновение со слишком болезненными воспоминаниями. Отрицание вполне устраивало тех, кто лишал собственности. Эта реальность одновременно раздражала и печалила его — того, кто никогда не мог забыть ни малейшей несправедливости.

— На практике это блокирует всё?

— Не обязательно, но это усложняет ситуацию. Как можно подать иск от имени людей, которые не знают о своих правах? Как можно мобилизовать наследников, которые даже не знают, что у них есть наследство? Французские власти могут сказать: *«Никто ничего не требует, поэтому все в порядке»*.

— Возможно, у меня есть зацепка. Во французском праве, и прошу прощения за мой жаргон, существует понятие «управление делами». Статьи 1301 и далее Гражданского кодекса.

Унаследованная от римского права и усовершенствованная за два столетия юриспруденции, она позволяет кому-либо эффективно действовать от имени другого лица, даже без его ведома. Этот механизм может изящно обойти

препятствие в виде разрозненных наследников. Короче говоря, можно действовать без мандата, но в интересах представляемого лица. При условии, конечно, что можно доказать, что это в интересах потомков Мацуката, даже если они об этом не знают... Теоретически это может позволить моей НПО действовать на законных основаниях от имени наследников. Даже без их явного согласия, если это действие выгодно им, — пояснил Бертье.

После этого предложения воцарилась задумчивая тишина. Хагиуда наконец продолжил, в его голосе звучало явное любопытство.

— Подход интересный, признаю. Но я хотел бы задать вам вопрос, который меня лично волнует...

— Я вас слушаю.

«Вы уверены, что наследники действительно захотят, чтобы такое болезненное дело вновь всплыло на поверхность? Прошло восемьдесят лет, господин Бертье. Многие восстановили свою жизнь, занялись другими делами. Зачем снова всё это ворошить?»

Бертье на несколько мгновений замолчал, обдумывая каждое слово. Эти размышления заставили его вернуться к собственным мотивам. Действовал ли он ради жертв или для удовлетворения своей личной потребности в справедливости? Граница между этими мотивами порой оставалась размытой.

«Ваш вопрос свидетельствует о вашем уважении к жертвам. Это, безусловно, заслуживает похвалы. Но, видите ли... помимо частных интересов наследников, это дело поднимает вопросы, выходящие далеко за рамки отдельного случая семьи Мацуката. Можем ли мы с моральной точки зрения оставить безнаказанными акты государственного хищения культурного наследия, даже давно совершаемые? Можем ли мы смириться с тем, что организованная амнезия

и течение времени стирают самые вопиющие культурные преступления? Разве нет долга помнить, обязанности восстановить правду? Хотя бы для того, чтобы почтить память жертв и предотвратить повторение подобных несправедливостей... Этот вопрос выходит далеко за рамки семьи Мацуката. Он касается будущего международной культурной справедливости».

Хагиуда медленно кивнул.

— Ваша точка зрения мне близка. Знаете, несправедливость в Японии продолжает нас беспокоить. Это одна из тех коллективных ран, которые никогда по-настоящему не заживают. Наши интеллектуалы и исследователи до сих пор регулярно говорят об этом.

Сердце Бертье забилося быстрее. Осознание масштабов японской трагедии укрепило его решимость.

— Но на практике, — продолжил Хагиуда, — как вы намерены действовать? Французское правительство не станет легко отказываться от произведений такой важности. Эти картины — одни из жемчужин ваших национальных музеев; они привлекают множество посетителей. Экономические и культурные ставки весьма высоки, не так ли?

Возражение было разумным. И совершенно точным.

— Изначально я всерьёз рассматривал возможность обратиться напрямую в компетентные французские суды. Это был наиболее естественный шаг, рекомендованный классической доктриной.

— И вы отказались от этого подхода?

— К сожалению, да. По конкретным и... как бы это сказать... обескураживающим причинам.

Бертье обнаружил, что французская судебная система систематически враждебно относится к действиям,

оспаривающим национальные хищения культурных ценностей.

— Мой недавний опыт общения с Государственным советом Франции убедил меня в том, что этот путь не только тупиковый, но и может повлечь за собой серьезные финансовые санкции. Этот суд отказывается признать право моей организации подавать иск по делам, касающимся национального наследия, — пояснил он.

— Можете привести конкретные примеры?

Бертье открывал свои документы с точностью исследователя, привыкшего документировать свои утверждения. Но также и с подавленной яростью человека, которому когда-то отказали. Эти неудачи задели его гордость как юриста.

— Недавно я обращался в Государственный совет по двум аналогичным делам. В первом, касающемся разграбления Летнего дворца в Пекине франко-британскими войсками в 1860 году, 23 ноября 2022 года мое ходатайство было признано неприемлемым.

— На каком основании?

— Ах, вот причины! — ответил Бертье с сухим смехом. — Главная причина заключается в том, что только *«те, кто считает себя законными владельцами»* имеют основания оспаривать включение имущества, приобретенного во время военных действий, в инвентарь национальных музеев. Вы понимаете этот нюанс? Требуя от жертв личного обращения, прекрасно зная, что большинство из них не осведомлены о своих правах, французские суды незаметно обеспечивают безнаказанность за эти хищения.

Формулировка выявила искусственность французской системы, направленной на защиту от неудобных требований.

— Во втором случае, — продолжил Бертье, — касающемся присвоения портрета Моны Лизы Франциском I в 1519 году, Государственный совет подтвердил свою правовую позицию еще более строгим решением от 14 мая 2024 года.

— Более суровы в каком смысле?

Возмущение вспыхнуло вопреки его собственному желанию.

— Суд не только подтвердил свою позицию, но и уточнил, что моя организация *«не может утверждать, что она имеет право представлять этих людей в качестве управляющей их делами»*.

И представьте себе... она оштрафовала нас на 3000 евро за злоупотребление правом на судебное разбирательство!

— Штраф! — воскликнул Хагнуда. — Это о многом говорит!

— Штраф свидетельствует о преднамеренной идеологической враждебности. Государственный совет считает, что оспаривание французского присвоения имущества представляет собой злоупотребление правом.

Далеко не заявляемая беспристрастность, суды практиковали правосудие с изменяющейся геометрией в зависимости от интересов, стоящих на кону.

— Так какой же вариант вы рассматриваете?

Бертье открыл папку с надписью «Международная стратегия».

— Столкнувшись с полным отсутствием внутренних правовых средств защиты, мы решили передать спор непосредственно в компетентные международные органы. В частности, в Совет ООН по правам человека в Женеве.

Такой подход предлагал несколько решающих преимуществ, и Бертье это понимал. Во-первых, он переносил дискуссию в сферу основных прав человека, а не на территорию французских национальных интересов. Во-

вторых, он позволял обойти препятствия французской правовой системы. Наконец, он обеспечивал делу международную известность.

— На каких конкретных основаниях вы намерены строить свою аргументацию? — спросил Хагиуда.

Бертье открыл свой экземпляр Всеобщей декларации прав человека, который он тщательно пометил во время своих ночных исследований. Ему нравилось чувство полного знания предмета до мельчайших деталей.

— Аргумент будет основан на двух взаимодополняющих нарушениях основных прав. Во-первых, на нарушении статьи 17 Всеобщей декларации прав человека, которая гласит, что *«каждый имеет право на собственность»* и что *«никто не может быть произвольно лишен ее»*.

— А второе нарушение?

— Нарушение статьи 10 Всеобщей декларации прав человека и статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, закрепляющих право на справедливое судебное разбирательство. Отказ Государственного совета Франции рассматривать дело по существу без достаточных оснований и путем наложения сдерживающих санкций представляет собой вопиющее нарушение этого основополагающего права.

— Мне кажется, этот аргумент вполне обоснован, — согласился Хагиуда.

— Отказывая жертвам культурного разграбления в эффективном доступе к правосудию, — заключил Бертье, — Франция не выполняет свои международные обязательства и предаёт собственные республиканские принципы. Все просто.

— А что касается самих фактов, каков ваш анализ хищения коллекции?

Этот вопрос позволил Бертье представить результаты своих исследований: месяцы неустанных изысканий и бессонные ночи, проведенные в архивах.

— Хищение коллекции основано на трех последовательных актах, каждый из которых омрачен серьезными нарушениями. Но, разумеется, искусно замаскированными.

— Можете подробнее рассказать об этих трех действиях?

Бертье подробно описал весь процесс, приведший к разграблению коллекции Мацукаты.

Разговор продолжился. Хагигуда рассказал подробности о личности Кодзиро Мацукаты и обстоятельствах создания его коллекции, а Бертье в мельчайших деталях объяснил свой подход. Два человека, совершенно разные, но объединенные одной и той же жадой справедливости.

— Доктор Хагигуда, — заключил Бертье, — ваша моральная и научная поддержка имеет огромное значение в этом начинании, которое будет долгим, дорогостоящим, полным препятствий... но абсолютно необходимым.

— Господин Бертье, вы можете рассчитывать на мою полную поддержку, а также на поддержку моих японских коллег. Это дело нам очень дорого и символизирует гораздо больше, чем просто возвращение произведений искусства. На кону наше достоинство.

Когда они повесили трубку, французский профессор почувствовал уверенность в своем решении обратиться в международные организации. Эта поддержка со стороны Японии придала ему бесценную дополнительную легитимность. И самое главное, он больше не чувствовал себя одиноким перед лицом ветряных мельниц французской администрации. Эта международная солидарность тронула его больше, чем он хотел бы признать.

В тот же день после обеда Бертье принял мэтра Беатрис Кляйн, юриста, специализирующегося на международном частном праве. Он оценил сочетание ее глубокого экспертного знания и прагматизма, хотя ее прямолинейность его и смущала.

— Господин Бертье, — сказала она, — ваша секретарь объяснила мне, что вы хотите узнать мое мнение по спору, касающемуся хищения культурных ценностей.

Она достала блокнот из портфеля — механический жест, свойственный представителям этой профессии.

— Эта тема меня интересует. В последнее время я рассматривал несколько подобных дел в европейских органах. Нарушения культурных прав становятся модными.

Бертье передал ей папку с документами, не без оттенка опасения. Он боялся оценки своей работы специалистами.

— Госпожа Кляйн, спасибо, что нашли время. Дело, которое я хочу представить на рассмотрение Совета по правам человека, непростое.

Он перечислил трудности.

— У нас есть французское конституционное право, международное публичное право, административное право, гражданское право собственности...

Г-жа Кляйн просмотрела первоначальные документы. Затем она подняла глаза с тем выражением лица, которое бывает у опытных юристов, когда они чувствуют проблему.

— Дело выглядит хорошо подготовленным. Но прежде чем мы перейдем к деталям, у меня есть сложный вопрос.

— Который?

— Вы исчерпали все юридические возможности во Франции? Ведь вы прекрасно знаете, что это главное правило при обращении в международные организации.

Ее тон стал профессорским, именно таким ей приходилось пользоваться в общении с молодыми коллегами, которые были несколько слишком поспешны.

— Мэтр, именно в этом и проблема. Официально я не обжаловал дело Мацукаты в Государственный совет. Но у меня есть веские основания полагать, что такая апелляция была бы бессмысленной, не считая того, что обошлась бы нам дорогостоящими штрафами. Судебная практика теперь ясна.

Бертье на собственном горьком опыте убедился, что французская судебная система придерживается кодекса молчания, когда дело касается особо чувствительного культурного наследия. Даже в случае несправедливости. Эта реальность до сих пор возмущает его.

— Можете уточнить? Потому что исчерпание внутренних средств правовой защиты — это первый аргумент, который французское правительство приведет в своих замечаниях, — спросила Мэтр Кляйн.

Бертье повторил свою обычную речь о проблемах, связанных с высшими административными органами Франции. Он зачитал самые интересные отрывки из двух судебных решений.

Мэтр Кляйн проанализировала отрывки из только что зачитанных ей судебных решений. Она сразу же распознала несоответствие этих решений международным стандартам.

— Судебная практика, мягко говоря, очень строгая. Штраф кажется мне неоправданным. Государственный совет категорически отказывается признать ваше право на подачу иска, даже на основании управления делами, что, тем не менее, является устоявшейся практикой во французском праве. В этих обстоятельствах разумно предположить, что новая апелляция по делу Мацуката была бы обречена на

провал и подвергла бы вас дальнейшему, возможно, даже более суровому наказанию.

Подтверждение со стороны международного специалиста по судебным разбирательствам успокоило Бертье. Он не был упрямым истцом, который упорствовал в своих доводах, а прагматичным человеком, который делал логические выводы из системной враждебности французской системы правосудия. Это признание укрепило его уверенность в принимаемых решениях.

— Так я и думаю. Международная юриспруденция в области прав человека признает, что обязанность исчерпать внутренние средства правовой защиты не применяется, когда эти средства явно неэффективны или подвергают заявителя несоразмерным рискам.

— Хорошо. Предварительный вопрос, кажется, решен, — согласилась Мэтр Кляйн. — Перейдем к сути. На каких конкретных статьях международных документов вы намерены основывать свое сообщение?

Она с интересом наклонилась вперед. Выбор юридических аргументов во многом определял шансы на успех в Совете. Кляйн ценила подобный интеллектуальный вызов.

Бертье повторил то, что объяснил доктору Хагнуде. Ссылаясь на отказ в правосудии, Бертье превратил кажущуюся слабость своей позиции — отсутствие прямой возможности обжалования в деле Мацуката — в содержательный аргумент против самой французской судебной системы.

— Ваш аргумент кажется мне хорошо продуманным. Указанный вами вред четко определен и задокументирован. Однако я хотел бы подчеркнуть практическую трудность, которую, несомненно, поднимет французское правительство. Как вы обоснуете свое право действовать от имени наследников Мацуката? Совет очень внимательно

относится к эффективному представлению интересов жертв.

Этот вопрос затронул ахиллесову пяту всего предприятия. Без четкого представительства интересов жертв даже самый блестящий аргумент рисковал рухнуть.

— Вот тут-то и вступает в игру управление делами, — ответил Бертье.

— Пожалуйста, продолжайте.

Бертье представил те же аргументы, которые он изложил доктору Хаггуде по этому конкретному вопросу.

— Каковы условия, при которых ваш аргумент по этому вопросу должен быть убедительным?

Бертье изложил свою аргументацию очень подробно.

— Во-первых, намерение действовать в интересах других, а не в своих собственных. Во-вторых, объективная выгода от действия для бенефициара. В-третьих, отсутствие каких-либо известных возражений со стороны наследников.

— И вы считаете, что эти три условия выполнены?

— Безусловно, — подтвердил Бертье. — В своей презентации я продемонстрирую, что все юридические требования соблюдены. Намерение действовать от имени других явно вытекает из заявленной цели моей НПО, которая заключается в обеспечении законности музейных коллекций и работе над возвращением похищенного имущества. Польза от этой акции очевидна, поскольку она направлена на исправление серьезной несправедливости.

— А третье условие?

— Со стороны наследников, личности которых до настоящего времени официально не установлены, никаких возражений не зафиксировано.

Отсутствие сопротивления было результатом не молчаливого соглашения, а невежества правообладателей,

которые сами стали жертвами раскола, предопределенного историей. Парадокс, который Бертъе превратил в преимущество.

Мэтр Кляйн, казалось, была убеждена, хотя в глубине души она по-прежнему скептически относилась к реальным шансам на успех.

— Этот подход оригинален и демонстрирует обширные знания французского гражданского права. Особенно учитывая возможность сослаться на прямо указанную в законе цель вашей НПО, которая точно соответствует данному типу действий. Управление делами может быть признано Советом в качестве законного основания для ваших действий. Но если говорить конкретно, как вы планируете структурировать и составить это сообщение?

Адвокат знала, что даже самые лучшие начинания могут потерпеть неудачу из-за недостатков или неуклюжего составления документов.

Бертъе показал ей выводы, которые он начал готовить. Документ, организованный в отдельные разделы с системой перекрестных ссылок, свидетельствовал о тщательной подготовке.

— Я подготовил исчерпывающее предложение по коммуникации объемом около шестидесяти страниц. Аргументация построена по логической схеме и призвана убедить юристов-международников.

— Можете кратко описать структуру?

— Конечно. Сначала подробное, хронологическое, фактологическое описание процесса хищения коллекции и его механизмов со всеми необходимыми архивными ссылками. Затем анализ конкретных нарушений со ссылкой на соответствующую международную судебную практику. Наконец, подробное изложение требований о возмещении ущерба.

Каждый элемент логически сочетался с другими, образуя целостное и убедительное произведение.

— А каковы ваши конкретные пожелания?

Бертье открыл последний раздел своего дела.

— Я прошу Совет официально признать нарушение прав наследников Мацуката и прямо рекомендовать Французской Республике незамедлительно и в полном объеме вернуть похищенные произведения искусства.

— Имеют ли эти рекомендации обязательную юридическую силу?

— Нет, рекомендации ООН не являются обязательными в строгом смысле слова, но они обладают значительной моральной силой, особенно когда исходят от Организации Объединенных Наций.

Не имея возможности принудить Францию юридическими средствами, Бертье полагался на международное давление для достижения своих целей. Такой не прямой подход соответствовал его характеру: он предпочитал обходить стороной, а не вступать в конфронтацию.

Мэтр Кляйн одобритительно кивнула головой, хотя у нее все еще оставались сомнения в реальной эффективности этого метода.

— Официальное осуждение со стороны Организации Объединенных Наций создало бы серьезное моральное ограничение.

— Французскому правительству будет сложно публично игнорировать осуждение со стороны ООН.

— Вот на какой риск вы идете. Франция не сможет оправдать продолжение грабежа, который был официально осужден общественным мнением и средствами массовой информации во всем мире.

Между двумя юристами возникло интеллектуальное взаимопонимание. Мэтр Кляйн понимала логику этого начинания, которое выходило далеко за рамки дела о коллекции Мацуката. Она восхищалась этой решимостью, даже если считала её наивной.

Их дискуссия продолжилась. Юрист подробно рассказала о процедуре рассмотрения дел в Совете по правам человека, предложила некоторые улучшения в формулировках и предостерегла от подводных камней, которых следует избегать. Ее опыт оказался бесценным при ориентировании в лабиринте бюрократии ООН.

— Господин Бертье, — заключила она, — всё это кажется на удивление хорошо подготовленным. Но никогда не забывайте, что французское правительство мобилизует своих лучших юристов и все свои ресурсы, чтобы оспорить ваше заявление. Франция не оставит такое серьёзное обвинение без ответа.

Борьба обещала быть напряженной и неравной. Когда она ушла около шести часов, у Бертье уже был четкий план завершения презентации. Анализ мэтра Кляйн позволил ему уточнить последние детали и предвидеть возражения со стороны Франции.

В тот же вечер, верный своим ночным рабочим привычкам, Бертье позвонил своему другу Жан-Мишелю Дюрану.

Профессор международного публичного права Дюран пользовался репутацией, простиравшейся далеко за пределы Франции. Их дружба зародилась еще в студенческие годы, когда они разделяли одни и те же идеалы справедливости.

— Жан-Мишель, добрый вечер. Надеюсь, я не беспокою тебя слишком поздно? Знаю, ты сохранил свою привычку «совь».

Голос Жан-Мишеля Дюрана потрескивал в трубке, в нем слышался легкий юмор, который он демонстрировал еще со

времен учебы в юридической школе. Они знали друг друга слишком хорошо, чтобы ограничиваться обычными любезностями.

— Вовсе нет, Пьер. Ты же меня знаешь, я сова! А с твоими запутанными делами у меня редко бывает время заскучать. Что тебя сейчас беспокоит?

Бертье улыбнулся. Дюран умел развеять его уверенность тремя меткими словами. Он уважал своего друга, даже если считал его скромным мечтателем.

— Я хотел бы, чтобы ты ознакомился с делом, которое я намерен представить в ООН. Оно касается французского культурного хищения, восходящего к временам войны, но имеющего последствия и сегодня...

— Ах! Ты никогда не меняешься. Всегда пытаешься воскресить мертвых. И не говори, ты же знаешь, как я люблю, когда ты охотишься за крупной рыбой.

Интерес Дюрана был искренним. Долгие годы он с увлечением разбирал дела о краже культурного наследия.

Затем Бертье начал долгий рассказ. Пятнадцать минут монолога, в течение которых он изложил свой план. Дюран слушал, время от времени издавая невнятные звуки, и задавал свои экспертные вопросы.

— Пьер, всё сходится. Это действительно поразительно. Они делали всё, что хотели, это организованное воровство. Одобрение стало долгожданным облегчением. Дюран не был из тех, кто раздает похвалы просто из вежливости — совсем наоборот. Его подтверждение убедило Бертье в качестве его работы.

— Но всё же... Тебе не кажется, что здесь есть небольшая проблема со временем? Восемьдесят лет — это довольно долгий срок. Суды не очень-то стремятся воскрешать Мафусаила, даже если это делается в благих целях.

Бертье ждал возражения. Он давно готовил свой контраргумент, осознавая эту очевидную слабость.

— Жан-Мишель, серьезные нарушения прав человека никогда не подлежат исковой давности.

— Возможно, в теории это так, но на практике...

— Грабежи продолжаются каждый день с 1944 года, поскольку Франция упорно удерживает то, что ей не принадлежит.

Аргумент попал в цель. Дюран оценил этот вид интеллектуальной уловки, превращающий слабость в силу.

— Совсем неплохо, Пьер. Ты превращаешь преступление деда в повседневное правонарушение. Но чего ты ожидаешь? Что они тебя поблагодарят?

— Конечно, нет! Франция никогда не сдастся добровольно. У неё было почти столетие, чтобы навести порядок, и она этого не сделала. Теперь мы ей в этом поможем.

Дюран начал понимать логику. Бертье не играл роль рыцаря в сияющих доспехах; он действовал расчетливо. Международное позорище как рычаг давления. Не очень романтично, но эффективно.

— Пьер, поначалу твоя идея показалась мне немного безумной. Но в итоге... Да, она может сработать. Это рискованно, но, по крайней мере, ты направляешь дискуссию туда, где ей место.

Окончательное согласие друга полностью успокоило Бертье. Это подтверждение подтвердило его интуицию.

В последующие недели Бертье решил привлечь внимание к этому делу. Он опубликовал несколько статей под своим именем на специализированных сайтах: Academia, Институт Лейбница, Village de la Justice и других. Эти статьи собрали тысячи читателей. Вскоре количество телефонных звонков и электронных писем резко возросло. С ним связывались американские профессора, британские историки, немецкие

специалисты и активисты. Спонтанно сформировалась небольшая международная сеть. Каждый новый контакт подтверждал Бертье, что он борется не в одиночку. Дело Мацукаты становилось символом — реальной проверкой способности международного права исправлять ошибки прошлого.

Это международное признание льстило его самолюбию, даже если он это отрицал. После многих лет академической безвестности видеть, как его работы цитируются и обсуждаются во всем мире, доставляло ему удовольствие, в котором он не смел признаться.

26 марта 2025 года Бертье поставил свою подпись под окончательным документом: самым всеобъемлющим делом, когда-либо собранным против государственного грабежа. Глядя на копии, предназначенные для Женевы, он понял, что только что переступил порог. Дело ускользало из его рук, попадая в механизм международного правосудия, с его легендарной медлительностью, неопределенностью, но также — кто знает? — и потенциалом для возмещения ущерба.

Вся его жизнь была построена вокруг подобных сражений. Теперь, когда он начал самое важное из них, он задавался вопросом, хватит ли у него сил довести дело до конца.

— Кодзиро Мацуката, — пробормотал он, глядя на висящую на стене репродукцию картины *«Спальня в Арле»*, — твоя борьба только начинается. Я посвящаю эту битву тебе.

ГЛАВА 8: МЕЖДУНАРОДНАЯ БИТВА

Женева, штаб-квартира Организации Объединенных Наций, июнь 2025 года.

В то утро Женевское озеро отражало свои золотистые оттенки, словно пытаясь рассеять напряженную атмосферу, царившую в офисах Управления Верховного комиссара по правам человека. В конференц-зале рабочая группа рассматривала ежемесячные сообщения, соблюдая рутину, навязанную международной бюрократией, даже перед лицом самых душераздирающих человеческих трагедий.

Эта процедура повторялась с завидной регулярностью. Десяток экспертов изучал жалобы отдельных лиц или организаций, которые считали, что пострадали от действий государства. Это незаметный, но важный элемент системы защиты основных прав.

Кармен Васкес председательствовала на собрании с таким авторитетом, который едва скрывал её собственные сомнения в истинной эффективности её учреждения. Она видела всё: невыполненные обещания, замалчиваемые отчёты, игнорируемые рекомендации. Бывшая судья Верховного суда Испании, она была представительницей тех юристов, получивших образование в постфранкистскую эпоху, проникнутых идеалом справедливости, выходящим за рамки национальных границ.

Однако двадцать три года, проведенные за распутыванием самых запутанных дел, заставили ее скептически относиться к способности государства к спонтанным реформам. Она поняла, что правительства никогда не уступают из добрых побуждений, а только под давлением общественного мнения или своих экономических интересов. Это постепенное разочарование закалило ее, но также укрепило

ее решимость использовать ограниченные полномочия, которыми она располагала.

Ее седеющие волосы обрамляли тонкое, выразительное лицо, которое никогда не выдавало ее чувств — фасад, который она создала, чтобы выжить в среде, где проявление слабости означало потерю всякого доверия.

Коллеги уважали ее, но не испытывали к ней симпатии, видя в ней женщину, которой пришлось принести свою женственность на алтарь эффективности.

Просматривая повестку дня, она почувствовала знакомую усталость, которая охватывала ее перед лицом растущей несправедливости. Каждое дело представляло собой разрушенные жизни, несбывшиеся надежды и невыполненные обещания.

— В нашу повестку дня входит предварительный анализ двенадцати новых сообщений.

Ее дикция, слегка с оттенком кастильского акцента, естественно разносилась по всему залу. Она умела модулировать голос, чтобы удерживать внимание аудитории, не создавая при этом впечатления напряжения — навык, приобретенный за годы судебных слушаний, где она поняла, что убеждение лучше запугивания. Но сегодня в ее обычном тоне промелькнула нотка усталости.

— Первый из них, под номером 421/2025, поступил от французской неправительственной организации и касается коллекции произведений искусства, приобретенной Францией в послевоенный период. Должна сказать, что этот документ сразу же привлекает внимание своими особенностями.

Васкес тщательно готовилась к каждому заседанию, компенсируя таким образом свою беспомощность перед лицом серьезных трудностей.

— Заявитель, неправительственная организация, утверждает о недопущении правосудия и нарушении прав собственности, что, в случае доказательства, будет представлять собой серьезное нарушение международных обязательств Франции. Но давайте не будем делать поспешных выводов и позволим нашему докладчику изложить факты.

За столом шесть присутствующих юристов проявляли учтивое внимание. Каждый из них уже изучил сотни сообщений, приобретая особую способность быстро оценивать релевантность аргумента.

Это космополитическое собрание отражало многообразие системы ООН: юристы, получившие образование в разных традициях, дипломаты, прошедшие переподготовку, ученые, стремящиеся к международному признанию. Всех их объединяло стремление изменить мир посредством права.

Клаус Вебер, назначенный докладчиком, открыл перед собой представленное дело. Он олицетворял собой немецкую строгость. Доцент Потсдамского университета и автор нескольких основополагающих работ по международному судопроизводству, он пользовался репутацией строгого специалиста в академических кругах. В его подходе приоритет отдавался фактическому анализу, а не общим соображениям. Его работы о нацистском разграблении, а позже и о колониальных хищениях, установили новые стандарты. Но он сохранял отстраненную перспективу наблюдателя, что не позволяло ему впадать в негодование. Для Вебера несправедливость была прежде всего концептуальной проблемой, которую нужно решить, а не человеческими страданиями, которые нужно облегчить.

После ознакомления с материалами дела Мацуката у него сложилось благоприятное первоначальное впечатление об интеллектуальной концепции, представленной заявителем.

Это дело продемонстрировало именно ту сложность, которую он ценил: переплетение конституционных вопросов, международного права и административной процедуры, требующее тщательного анализа.

— Госпожа председатель, — начал Вебер, — я посвятил последние несколько дней тщательному изучению этого сообщения и должен признать, что оно содержит особенности, заслуживающие нашего пристального внимания.

Вебер обожал те моменты, когда мог продемонстрировать свои энциклопедические знания перед внимательной аудиторией.

— Мы получили запрос, оспаривающий законность приобретения Францией коллекции японского искусства, принадлежавшей некоему Кодзиро Мацукате, коллекционеру, умершему в 1950 году. Обстоятельства исчезновения этих работ, мягко говоря, туманны.

Четкость вступительной речи создала в зале атмосферу сосредоточенности, предшествовавшую рассмотрению наиболее важных дел. Члены рабочей группы научились быстро отличать заслуживающие внимания обращения от легкомысленных петиций, которые порой загромаждали их повестки дня. Последние, как правило, после беглого прочтения оказывались в мусорном ведре.

Изабелла Перейра подняла руку, чтобы высказаться. Эта бывшая заместитель директора Министерства культуры Португалии несла на себе груз безупречной, но в то же время разочаровывающей карьеры. Ее путь был традиционным — возможно, слишком традиционным для человека, который втайне жаждал менее традиционных приключений. Выпускница Коимбрского университета, она сначала работала юристом, специализирующимся на гражданском судопроизводстве, прежде чем перейти в государственную службу. Эта смена карьеры была вызвана истинным

призванием, а также смирением перед разочарованием в частном секторе, где она обнаружила, что деньги часто ставятся выше справедливости. Ее опыт в спорах о реституции, приобретенный благодаря работе над несколькими деликатными делами, касающимися бывших португальских колоний, обеспечил ей признанный авторитет в Совете. Перейра была несостоявшейся идеалисткой, разочарованной неудовлетворенностью работой в системе, которая, как она знала, была несовершенной.

— Господин Вебер, имеет ли французская НПО полномочия действовать от имени японских наследников, которых она не представляет напрямую? Именно на таком камне преткновения обычно и рушится большинство подобных обращений. Я видела так много дел, веских по существу, которые разваливались из-за вопросов представительства...

Она замерла, поняв, что её пессимизм слишком очевиден.

Вебер сверялся со своими рукописными заметками — он упорно отказывался от цифровых технологий, утверждая, что рукописный текст способствует размышлениям, но в основном скрывая свой страх перед современностью, которая, как ему казалось, его подавляла. Страницы, испещренные его мелким, убористым почерком, свидетельствовали о кропотливой работе.

— Г-жа Перейра, ваш вопрос затрагивает суть трудностей, возникших в связи с этим сообщением. Но заявитель предвидел это возражение.

Вебер сделал паузу, наслаждаясь моментом, когда уже собирался раскрыть аргумент, который он изучал.

— Неправительственная организация «Retour et Restitutions» ссылается на доктрину «управления делами», предусмотренную статьей 1301 Гражданского кодекса

Франции, которая позволяет действовать от имени другого лица без явного поручения с его стороны. Должен признать, это умно.

Вебер не мог не восхититься тонкостью его рассуждений.

— Свой аргумент они основывают на том, что японские наследники практически не смогут самостоятельно предпринять какие-либо действия против французского государства.

Он медленно пролистывал свои записи, что раздражало коллег, но позволяло ему внимательно изучить каждую деталь.

Неправительственная организация подготовила тридцатисемистраничный документ, посвященный исключительно вопросу допустимости иска, со ста двенадцатью ссылками на судебные прецеденты. Поистине профессиональная работа. Они цитируют несколько решений Европейского суда по правам человека, признающих право ассоциаций подавать иски в аналогичных обстоятельствах.

Члены рабочей группы высоко оценили тщательность, с которой некоторые заявители подготовили свои обращения. Это стало долгожданным изменением по сравнению с небрежными петициями, которые они слишком часто получали, представлявшими собой просто излияние личных разочарований без каких-либо веских оснований.

Томас Харрисон слегка нахмурился, услышав это объяснение. Он воплощал англосаксонскую традицию, в которой реализм ставится выше концептуальной элегантности — таким образом он скрывал свое раздражение континентальными тонкостями, которые считал византийскими. Его костюм «Принц Уэльский», сшитый известным портным с Сэвил-Роу, выдавал влияние

лондонского Сити и подчеркивал сдержанный, но неоспоримый шик британской академической среды. Его работы о различиях между общим правом и романо-германским семейным правом были авторитетными в англоязычных университетах, но также выдавали непонимание специфики гражданского права, которое он, как утверждал, анализировал.

— Интересный анализ, — признал он, — который, на мой взгляд, кажется неустойчивым в свете обычных международных стандартов. Французы склонны считать, что их гражданское право применяется повсюду. Это повторяющаяся черта их менталитета — неспособность представить, что другие системы могут быть более эффективными. Я уже видел, как подобные аргументы рушились в наших судах, хотя должен признать, что этот демонстрирует настоящую изобретательность. Но изобретательность не может заменить концептуальную обоснованность. Позвольте мне задать вопрос, который меня заинтриговал с самого начала вашей презентации. Как организация может утверждать, что знает и защищает истинные интересы японских наследников, которых она никогда не встречала и которые никогда не доверяли ей никаких полномочий? Такое предположение о представительстве кажется мне... довольно дерзким. В системе общего права мы гораздо строже относимся к этим вопросам полномочий и представительства. Нельзя утверждать, что действуешь от имени другого лица без его явного согласия.

Возражение было совершенно обоснованным, и Харрисон это знал. Хотя международное право может быть гибким во многих вопросах, оно остается непреклонным в одной детали: предполагаемые жертвы должны быть четко идентифицированы и представлены. Эта деталь часто сводит на нет даже самые убедительные юридические

аргументы, когда законные наследники исчезают в разные стороны света.

Кармен Васкес отметила это замечание в своем блокноте, мимоходом оценив тонкость британского выпада.

— Господин Харрисон, ваше возражение, безусловно, заслуживает внимания, — вмешалась она размеренным тоном. — Но нам необходимо очень тщательно изучить вопрос о допустимости доказательств в ходе нашей детальной оценки. Однако я отмечаю, что вы поднимаете этот вопрос еще до того, как заслушаете полное изложение фактов. Не было бы разумнее сначала изучить суть обвинений, прежде чем принимать решение по процессуальным вопросам?

Упрек был вежливым, но твердым. Васкесу надоело наблюдать, как дебаты скатываются к процедурным соображениям, позволяющим избегать важных содержательных вопросов.

— Прежде чем перейти к процедурным вопросам, нашему докладчику было бы полезно изложить фактические, наблюдаемые и объективные обстоятельства, на которые ссылается заявитель. Господин Вебер, слово за вами.

Немецкий адвокат согласно кивнул.

— Аргументация заявительницы построена на оспаривании трех последовательных официальных актов, — начал он, выискивая наиболее значимые фрагменты. — Каждый из них, по ее мнению, содержит существенные нарушения, ставящие под сомнение законность французского присвоения.

Вебер открыл своё досье на странице, отмеченной красной закладкой.

— Первый оспариваемый акт. В октябре 1944 года приказом генерала де Голля коллекция Мапукаты была конфискована как «вражеская собственность». Однако истец оспаривает эту

классификацию, утверждая, что Франция никогда официально не объявляла войну Японии. Если бы этот анализ был верен, вся французская система была бы сотрясена до основания.

Эта неправительственная организация предоставляет копии архивных документов, которые выглядят подлинными, чтобы подтвердить свои обвинения, включая дипломатическую переписку, зашифрованные телеграммы, протоколы правительственных заседаний...

Рафаэль Моралес, который до этого рассеянно что-то записывал в свой блокнот, внезапно резко поднял голову. Этот бывший советник по иностранным делам Чили заработал свою репутацию на делах о хищении имущества, связанных с южноамериканскими военными диктатурами — прошлое, которое до сих пор преследовало его и подпитывало его подозрительность ко всем государствам, даже демократическим. Комиссии по установлению истины и примирению были его излюбленной сферой деятельности, но также и местом самых больших разочарований перед лицом организованной безнаказанности. Моралес видел, как исчезало слишком много улик, слишком много свидетелей отказывались от своих показаний, слишком много чиновников избегали судебного преследования, чтобы по-прежнему верить красивым словам.

— Господин Вебер, — перебил он, — может ли столь серьезное утверждение о состоянии войны между двумя союзными державами быть независимо подтверждено нашими службами? Потому что мы не можем полагаться исключительно на документы, представленные заявителем, какими бы убедительными они ни казались на первый взгляд. За свою карьеру я видел слишком много сфабрикованных доказательств, чтобы не заподозрить неладное.

Моралес знал, о чем говорил — за годы правления Пиночета через его стол прошло слишком много поддельных документов. В подобных судебных процессах подлинность документальных доказательств часто определяет окончательный исход, и он научился с опаской относиться к доказательствам, которые казались слишком хорошими, чтобы быть правдой.

— Ваше замечание не только уместно, но и необходимо, — ответил Вебер, с облегчением заметив, что его осторожность разделяют. — Вы совершенно правы, подчеркивая, что независимая аутентификация является необходимым условием для любой серьезной оценки. Я позволил себе связаться со своим бывшим коллегой Хоффманом из Федерального архива Германии, который разработал весьма надежные методы анализа документов. Проверку можно легко провести в Национальном архиве Франции, где хранятся все документы Свободной Франции и Временного правительства. Для получения окончательного подтверждения или опровержения представленных утверждений достаточно будет официального запроса от нашего Совета по обычным каналам межведомственного сотрудничества.

Предложение было остроумным, и все сразу его поняли. Вебер просто переложил бремя доказывания обратно на сами французские власти.

Если бы Париж согласился предоставить запрошенные документы, их содержание позволило бы разрешить спор. Если же власти откажутся от такого раскрытия информации, этот отказ можно было бы истолковать как косвенное признание слабости их позиции.

Изабелла Перейра жестом показала, что хочет вмешаться.

— Представляет ли заявитель какие-либо доказательства относительно мотивов, которые могли побудить Францию сохранять неопределенность в вопросе объявления войны?

— Отличное замечание, госпожа Перейра. НПО проводит тщательный анализ того, что, по всей видимости, является преднамеренной стратегией.

Вебер перевернул несколько страниц в поисках нужного отрывка.

— Правительство Свободной Франции намеренно создавало путаницу между своим статусом движения сопротивления и статусом суверенного государства. Эта неопределенность позволяла ему претендовать на прерогативы легитимного правительства, избегая при этом ограничений международного права.

Кармен Васкес одобрила предложение кивком головы.

— Мы, безусловно, отметим необходимость документального подтверждения в наших предварительных выводах. Но, пожалуйста, продолжайте свою презентацию, г-н Вебер. Какие еще действия оспариваются заявителем?

— Второй пункт, оспариваемый в аргументации НПО, касается применения Сан-Францисского договора 1951 года. Этот договор не должен был применяться к собственности страны, с которой Франция формально не находилась в состоянии войны. Заявитель указывает здесь на фундаментальное противоречие: договор, по определению, применяется только к «вражеской собственности» в строгом смысле международного публичного права. Однако, если Франция формально не находилась в состоянии войны с Японией, как предполагается в первой части аргументации, японская собственность, расположенная на французской территории, не может быть классифицирована как таковая. Следовательно, Сан-Францисский договор становится неприменимым к ситуации с Францией.

Томас Харрисон выпрямился в кресле, выражая интерес, который он пытался скрыть.

— Данный анализ исходит из предположения, что составители Сан-Францисского договора не учли эту возможную двусмысленность. Разве это не умаляет заслуг дипломатов того времени?

— Это интересное возражение. Но неправительственная организация приводит выдержки из подготовительных дебатов по договору, которые показывают, что вопрос о точном статусе Франции по отношению к Японии так и не был урегулирован.

Вебер пролистал свои записи, пытаясь найти точные ссылки.

— Согласно их исследованиям, американские переговорщики намеренно избегали поднятия этого вопроса, чтобы не поставить под угрозу единство лагеря союзников. Своего рода консенсус через молчание.

Изабелла Перейра проявила любопытство к этому вопросу, склонившись над своими документами.

— Анализ кажется мне тревожным из-за своей внутренней несогласованности. Если фактические предпосылки верны, то противоречие, выявленное заявителем, трудно оспорить с чисто логической точки зрения. Но скажите, что же представляет собой третий акт, оспариваемый в этом аргументе? Потому что, я полагаю, доказательство не ограничивается противоречием, касающимся Сан-Францисского договора.

— Вы не ошибаетесь, госпожа Перейра. Третий и последний оспариваемый акт — это указ 1958 года, который, как утверждается, был издан в нарушение конституционных норм, окончательно одобряя присвоение спорной коллекции. Указ, как утверждается, был принят в грубом нарушении французской Конституции 1958 года, которая разрешала использование правительственных указов только в чрезвычайных ситуациях, а не для международных

пожертвований произведений искусства, которые обычно находятся в юрисдикции парламента.

Этот довод вызвал заинтересованный гул в собрании. Помимо существенных вопросов о законности первоначального присвоения, дело подняло вопросы конституционной формы, затрагивающие сами основы организации французской государственной власти.

Рафаэль Моралес взял слово.

— Если я не ошибаюсь, мы столкнемся с присвоением, которое будет незаконным на трех уровнях. Первоначальный акт 1944 года, не имеющий правовой основы, злоупотребление международным договором в 1951 году и конституционно некорректная легализация в 1958 году?

— Именно так. В НПО говорят о «каскадной конструкции», когда каждый поступок пытается оправдать предыдущий, но первоначальная хрупкость загрязняет всё целое.

Томас Харрисон говорил сдержанно, как это обычно было характерно для его выступлений, но едва скрывал свое волнение по поводу перспективы увидеть Францию в затруднительном положении. Он никогда не выходил из себя на публике, предпочитая произносить свои речи с типичным для британцев спокойствием.

— Господин Вебер, если ваш анализ аргументов заявителя верен — а у меня нет оснований в этом сомневаться — мы столкнемся с явным нарушением прав собственности, усугубленным отказом в правосудии со стороны французских судов. Считаете ли вы, что эта ситуация заслуживает нашего расследования? Потому что мне кажется, что мы затрагиваем сами основы верховенства права в западной демократии.

Своим вопросом британский представитель невольно выдал свое удовлетворение тем, что континентальный соперник

оказался в неловком положении. Помимо детального анализа представленных аргументов, экспертам предстояло определить, содержало ли сообщение достаточные основания для начала состязательного разбирательства с французским государством.

— Это моя предварительная оценка, — подтвердил Вебер. — В этом сообщении поднимаются фактические вопросы, выходящие далеко за рамки обычных петиций, которые мы получаем.

Вебер почувствовал прилив волнения, которого не испытывал уже очень давно. В этом деле сочетались все элементы, которые он любил: юридическая сложность, историческая значимость и международный аспект.

— Качество документации и серьезность предполагаемых нарушений, на мой взгляд, оправдывают проведение состязательного расследования, поскольку НПО исчерпала все доступные внутренние средства правовой защиты.

Вебер задал тон, продемонстрировав невиданную ранее в нем решимость. Дело Мацукаты было не просто очередной петицией. Французам предстояло дать объяснения.

— Особенно учитывая, что заявитель настаивает на неэффективности правовых средств защиты в соответствии с французским законодательством. НПО ссылается на два недавних решения Государственного совета Франции, которые демонстрируют, как французские суды практикуют отказ в правосудии.

Точность была достигнута в нужный момент. Ассамблея начала чувствовать, что ветер дует не в пользу Франции. Рафаэль Моралес, который некоторое время молчал, выпрямился в кресле.

— Господин Вебер, не могли бы вы немного подробнее рассказать об этом знаменитом отказе в правосудии? Это обвинение кажется мне крайне серьезным, особенно в

отношении страны, которая позиционирует себя как колыбель прав человека.

В его голосе звучало негодование человека, посвятившего свою жизнь борьбе с безнаказанностью.

Вебер обожал такие моменты, когда доказательства выстраивались, как домино.

Заявитель представляет нам два особенно показательных решения Государственного совета. Первое датировано 23 ноября 2022 года, второе — 14 мая 2024 года. В обоих случаях — а обстоятельства практически идентичны делу Мацукаты — высший французский административный суд признал заявления неприемлемыми, даже не рассмотрев их по существу. В одном из двух случаев Государственный совет без явного обоснования наложил на заявителей штраф в размере трех тысяч евро. Это способ запугать тех, кто осмелится оспорить государственные присвоения.

Два решения высшего административного суда Франции имели такой эффект: они сделали обвинение в отказе в правосудии невероятно конкретным. Всех членов группы объединяла одна навязчивая идея: обеспечение эффективного доступа к правосудию. Это было их общим убеждением, их объединяющим демократическим принципом.

Изабелла Перейра не смогла сдержать негодования.

— Штраф в три тысячи евро за то, что осмелились потребовать справедливости? Это чистое и простое запугивание! Как Франция может оправдать такие методы?

Перейра видела слишком много жертв, брошенных системой правосудия, чтобы остаться равнодушной к подобным действиям.

— Совершенно верно, госпожа Перейра, — согласился Вебер. — В своем кратком изложении НПО приводит последовательную судебную практику Европейского суда

по правам человека, осуждающую подобную практику сдерживания.

Кармен Васкес незаметно взглянула на часы, разрываясь между необходимостью действовать быстро и интеллектуальным любопытством, которое она пыталась подавить. Полтора часа уже потрачено на одно сообщение, а их ждут двенадцать файлов! Дело Мацукаты определенно приковало к себе всеобщее внимание.

Она испытывала определенную симпатию к этой НПО, которой удалось так убедительно обосновать свою позицию. За свою долгую карьеру она редко видела столь основательные доводы от организации гражданского общества.

— Учитывая имеющееся время, предлагаю немедленно проголосовать за *предварительную приемлемость* дела. Рассмотрение остальных дел отложим до следующего заседания, пусть будет так.

Ее предложение красноречиво говорило о том, какое значение она придавала делу Мацукаты — страсти, которую она обычно старалась подавить. Ведь Кармен Васкес, как правило, не меняла свой график ради одного дела, каким бы хорошо к нему ни была подготовлена.

— На мой взгляд, — добавила она, оглядывая собравшихся с присущим ей авторитетом, — сообщение кажется достаточно убедительным и хорошо документированным, чтобы оправдать официальное уведомление Франции. В конце концов, такова процедура. У французского государства будут свои установленные законом сроки для представления своей защиты относительно допустимости и обоснованности дела.

Она сделала паузу, тщательно подбирая слова.

— Признаюсь, мне любопытно посмотреть, как Париж будет оправдывать то, что сильно напоминает

организованное разграбление, замаскированное под законный акт. Ведь даже если мы примем тот факт, что Франция находилась в состоянии войны с Японией — что еще предстоит доказать — оправдывает ли это конфискацию культурных ценностей, принадлежащих частному коллекционеру?

Последовавшие за этим одобрительные кивки выдали единодушные, которое проявилось во время дебатов. Даже Томас Харрисон, изначально скептически настроенный, в конце концов согласился с представленными доказательствами.

— Должен признать, что поначалу я был настроен скептически, — признал Харрисон. — Вам известно о моих сомнениях относительно процессуальных аспектов. Но следует признать, что запрос поднимает достаточно серьезные вопросы, чтобы оправдать тщательное рассмотрение.

Изабелла Перейра кивнула.

— Документация высокого качества, аргументация убедительна. Дело заслуживает серьезного внимания, это бесспорно. И есть еще символический аспект, выходящий за рамки французского случая. Если мы позволим подобной практике продолжаться, мы подадим катастрофический сигнал другим государствам.

Рафаэль Моралес поддержал общепринятое мнение.

— Масштаб представленных нам нарушений в полной мере оправдывает начало подлинно состязательного процесса. Это особенно актуально, учитывая, что позиция Государственного совета Франции свидетельствует о пренебрежении нашими принципами, которое не может остаться без ответа.

Вебер одобрил это энергичным кивком.

— Дорогие коллеги, я считаю, что мы имеем дело с образцовым случаем. Этот случай может создать прецедент и установить новые стандарты в области культурной реституции. У нас есть возможность продемонстрировать, что права личности могут преобладать над интересами даже самых могущественных государств.

Голосование прошло в обычном режиме. Результат был однозначным. Единогласное одобрение предварительной *допустимости* сообщения. Ноль голосов против, ноль воздержавшихся.

Такое единодушие свидетельствовало об убедительном воздействии Пьера Бертье, но также и о невысказанном удовольствии всех присутствующих от того, что наконец-то стало возможным бросить вызов непокорному государству.

Кармен Васкес не смогла скрыть своего удовлетворения, объявляя результат.

— Таким образом, сообщение 421/2025 единогласно признано допустимым. Господин Вебер, я поручила вам подготовить официальное уведомление для французского государства. Мы даем им шесть месяцев на представление своих замечаний, обычный срок, но он может быть продлен по обоснованному запросу. Дорогие коллеги, благодарю вас за качество ваших выступлений. Эта сессия останется в моей памяти как одна из самых интеллектуально стимулирующих.

Конечно, это была предварительная приемлемость, на данном этапе условная. Ничего не было решено. Все еще могло измениться в зависимости от эффективности французской контратаки, которая, несомненно, последует.

Но впервые за долгое время члены Совета почувствовали, что действительно добиваются чего-то полезного. Они понимали, что только что сделали важный шаг в утверждении международного права в противовес

интересам государства. Выходя из комнаты, Вебер не мог сдержать улыбку. Дело Мацукаты займет следующие несколько месяцев его жизни, и это будет очень увлекательно. На этот раз у него появится возможность продемонстрировать, что немецкая точность может служить справедливости, а не только бюрократической эффективности.

В течение нескольких дней информация с молниеносной скоростью распространилась по французской административной иерархии.

ГЛАВА 9: РЕАКЦИЯ ФРАНЦИИ

Женева, Постоянное представительство Франции при Организации Объединенных Наций, апрель 2025 года.

Сообщение НПО дошло до французских властей по официальным каналам в апреле 2025 года. В дипломатических кругах, где каждый документ проходит установленные процедуры, восходящие к незапамятным временам, поначалу оно выглядело как обычный административный документ. Однако за этой кажущейся обыденностью скрывалось фундаментальное сомнение в практиках, которые государство считало окончательно устоявшимися.

Постоянная миссия Франции располагалась на вилле «Ле Ормо», здании XIX века в дипломатическом квартале. Это внушительное сооружение из серого камня, на котором заметно красовался герб республики, воплощало французскую традицию представительства, не оставляющую ничего на волю случая. Парадные залы были обставлены старинной мебелью и тщательно отобранными произведениями искусства, свидетельствующими о наследии, которое Республика намеревалась сохранить и продемонстрировать.

Лоран Мериё шесть лет возглавлял отдел по связям с правозащитными организациями. Выпускник Национальной школы администрации (ENA) и Парижского института политических наук (Sciences Po), он культивировал сдержанную, но дорогую элегантность в одежде. После работы в отделе международного права в Министерстве иностранных дел Франции (на набережной Орсе), а затем на должностях в аппаратах двух сменяющих друг друга министров, он испытывал сомнения в обоснованности французских позиций, которые ему было поручено защищать. Его роль заключалась в защите

Франции, независимо от его личных чувств, но годы сделали его экспертом в различении заслуживающих защиты дел и тех, которые таковыми не являются.

В то утро Мерие внимательно изучил уведомление Высокой комиссии. Он был хорошо знаком с процедурами, и на первый взгляд, это уведомление вряд ли могло поколебать его оптимизм. В конце концов, количество отдельных обращений против Франции исчислялось десятками каждый год, и большинство из них заканчивались полным провалом для их авторов.

По мере того как он читал, его лоб незаметно нахмурился. Мерие почувствовал, как в него закрадывается знакомое беспокойство, то самое беспокойство, которое охватывало его всякий раз, когда какой-либо документ грозил раскрыть внутренние механизмы действий правительства.

Он взял телефон и набрал номер своей секретарши.

— Госпожа Перрин, не могли бы вы прямо сейчас собрать небольшую группу в конференц-зале? И свяжитесь с министерством, мне нужно будет поговорить с заместителем директора Клэр Фонтен до конца утра.

— Хорошо, господин советник. Следует ли мне классифицировать это совещание как абсолютно срочную необходимость?

— Допустим... обычная срочность, но с приоритетом над всеми остальными случаями. И сообщите нашим коллегам, что мы можем закончить работу с опозданием.

Повесив трубку, он некоторое время наблюдал, как дождь барабанит по окнам. Через несколько минут ему придётся объявить своей команде о надвигающейся буре. И на этот раз, в отличие от других дел, которыми он занимался, он не был уверен, что все козыри у него на руках.

Конференц-зал заполнялся. Для первоначальной оценки были приглашены только самые опытные сотрудники. Сам

зал отражал стремление к роскоши: паркетный пол из массива дуба, стол из красного дерева, кресла из бордовой кожи. Стены были украшены репродукциями шедевров из национальных музеев — по иронии судьбы, некоторые из этих работ могли быть среди тех, легитимность которых ставилась под сомнение.

Элиз Лайгнел прибыла первой, держа папку с документами под мышкой. Выпускница Сорбонны и Королевского колледжа Лондона, она с одинаковой легкостью ориентировалась как в континентальной, так и в англосаксонской правовой системе. После блестящего начала работы в парижской фирме она удивила своих бывших партнеров, поступив на государственную службу. Решение, безусловно, было продиктовано пылким республиканским духом, но также и стремлением к власти, которое предлагали высшие эшелоны государственной службы. Воспитанная в стремлении к совершенству и личному успеху, она, тем не менее, стремилась служить общественным интересам. Годы опыта научили ее, что эти два понятия не всегда совпадают.

Николя Бланшар следовал за ней по пятам. Четыре года проработав культурным атташе, он привнес в дискуссии практические знания музейных вопросов, которых часто не хватало юристам. Бланшар был воплощением добросовестного государственного служащего, движимого любовью к искусству, которая заставляла его испытывать дискомфорт в отношении более неприглядных аспектов культурной дипломатии. Он выбрал эту профессию из-за страсти к произведениям искусства и художественному обмену, постепенно обнаружив, что культура также служит инструментом власти.

Последним прибыл Жан-Марк Руссель, специалист миссии по азиатским делам. По образованию синолог, он провел десять лет в Токио в 1990-х годах и был хорошо знаком со

сложностями франко-японских отношений. Его присутствие имело большое значение. Мериё подозревал, что это дело может иметь последствия, выходящие за рамки чисто юридического спора. Руссель обладал той чертой, которая присуща дипломатам на местах: он понимал культурные и человеческие аспекты даже самых сложных дел. Годы, проведенные в Японии, оставили свой след; он сохранил искреннюю привязанность к стране и ее народу, что сделало его чутким к вопросам чести и почёта, столь важным в японской культуре.

— Мы только что получили уведомление о новом обращении, поданном против Франции в Совет по правам человека. Дело Мацуката, о котором мы слышали в последние недели, теперь приобретает официальный характер.

Тон был намеренно нейтральным, как будто уведомление было всего лишь очередной административной формальностью.

— Прежде чем перейти к деталям, — продолжил Мериё, — я хотел бы, чтобы каждый из вас поделился своими первыми впечатлениями. Господин Руссель, вы, знакомые с франко-японским контекстом, что это в вас вызывает?

— Господин советник, должен сказать, что время выбрано весьма удачно. В настоящее время Япония переживает всплеск национализма. Правительство страны сделало одним из своих приоритетов восстановление японского культурного наследия, разбросанного по всему миру. Недавние прецеденты уже были: переговоры с Британским музеем по поводу гравюр Хokusая, обсуждения с американцами по поводу предметов искусства, конфискованных после 1945 года...

Руссель говорил сдержанно. Он знал, что за внешней оболочкой вежливых двусторонних отношений скрываются глубоко укоренившиеся обиды.

— Вы думаете, за этим сообщением может стоять политический подтекст? — перебил Мериё.

— Это вполне возможно. НПО, которая на нас нападает, позиционирует себя как французская, но нет никакой гарантии, что она не действует в координации с японскими интересами. За свою карьеру я часто видел, как, казалось бы, независимые организации служат прикрытием для более широких государственных планов.

Элиз Лайгнел подняла руку. Ее темперамент часто заставлял ее отдавать предпочтение объективному анализу, а не геополитическим спекуляциям.

— Позвольте мне сделать замечание. Даже если коммуникация была организована Токио — что еще предстоит доказать — это не меняет убедительности аргументов. Я провела выходные, изучая материалы дела, и должен признать, что они очень хорошо документированы.

— Пожалуйста, объясните, — попросил Мериё.

— У них явно был доступ к архивам, которые мы считали конфиденциальными. Внутренняя переписка 1944 года, экспертные заключения того времени и даже... внимание... телеграммы 1951 года, которые мы сами никогда не передавали в государственные архивы.

В комнате повисла тяжелая тишина. Лайгнел почувствовала то беспокойство, которое охватывало ее каждый раз, когда она сталкивалась с удивительно хорошо подготовленным делом. Она знала, как уважать компетентных оппонентов, даже если они противоречили ее интересам.

Николя Бланшар первым нарушил молчание.

— Как это возможно? Эти документы должны быть засекречены.

— Вот этот вопрос я и задаю себе, — ответила Элиз Лайгнел. — Либо у нас произошла утечка информации внутри нашего отдела — что было бы крайне серьезно —

либо эти документы были получены другими путями. Из семейных архивов, частных коллекций, возможно, даже из зарубежных архивов...

Мерие быстро сделал заметки. Возможность утечки информации изнутри его беспокоила. В обстановке, где доверие было основой всей командной работы, подозрения могли надолго отравить отношения.

— Нам нужно будет подробнее изучить этот вопрос. А пока, госпожа Лайгнел, не могли бы вы изложить суть их аргументов?

— С удовольствием. Она подробно объяснила, в чём дело.

Жан-Марк Руссель инстинктивно понял последствия такой методичной атаки.

— Они не стали сдерживаться. Если их аргументы верны, мы рискуем столкнуться с серьезной проблемой.

— Вот что меня беспокоит, — согласился Мерие. — Господин Бланшар, с музейной точки зрения, какие вопросы здесь стоят на кону?

Николя Бланшар открыл собственное дело.

— Риски высоки. Это знаковые экспонаты наших коллекций. Их исчезновение создаст зияющие пробелы в наших выставочных планах. И символически это будет настоящая катастрофа. Эти работы фигурируют в наших туристических брошюрах, на открытках, в наших международных каталогах...

Мерие помассировал виски. Он чувствовал приближение одной из тех мигреней, которые настигали его в моменты напряжения.

— Не говоря уже о последствиях для других западных музеев. Если мы уступим, это создаст прецедент, за который наши британские, немецкие и американские коллеги никогда нам не простят.

— Именно так, — вмешался Жан-Марк Руссель. — Я получил неофициальную информацию от своих контактов в Лондоне и Берлине. Они очень внимательно следят за этим вопросом. Британский музей переживает ужасные времена с мраморными скульптурами Парфенона и бронзовыми изделиями Бенина. Если мы поддадимся влиянию Мацукаты, они опасаются эффекта домино.

Руссель выражал обеспокоенность, которая волновала его лично. Посвятив свою карьеру международному культурному обмену, он видел, как формируется мир, в котором недоверие заменит сотрудничество.

— Что вы предлагаете? — спросил Мерие.

— Мы должны избегать впечатления, что поддаемся давлению. Но в то же время мы не можем позволить себе поражение. Мы должны найти третий путь.

Элиз Лайгнел скептически подняла бровь.

— Какой из вариантов? Наши возможности ограничены. Либо мы будем яростно бороться перед Советом, либо заранее договоримся об урегулировании. Но мне трудно представить, как мы могли бы вести переговоры, не признавая при этом обоснованность их претензий.

— Возможно, есть и другой путь, — предложил Николя Бланшар. — Мы могли бы предложить Японии культурное партнерство. Это способ почтить дух их требований, не отказываясь при этом от права собственности.

Бланшар придерживался этой идеи и отказывался мириться с крахом своих идеалов международного культурного сотрудничества.

Мерие принял эту идею к сведению.

— Интересно. Но это не решит основную проблему. Если их аргументы обоснованы, Совет по правам человека не согласится на полумеры.

— Именно поэтому тщательный анализ так важен, — настаивала Элиз Лайгнел. — Мы должны мобилизовать наших лучших специалистов, чтобы детально изучить их заявления. И прежде всего, мы должны выяснить, как они получили доступ к этим конфиденциальным документам.

Жан-Марк Руссель согласился.

— И нам также необходимо заранее подготовить почву. Я предлагаю деликатно связаться с японским посольством в Париже. Если в этом вопросе есть политический подтекст, лучше всего решить его по официальным каналам.

Мериё посмотрел на часы. Он почувствовал необходимость взять ситуацию под контроль посредством действий.

— Хорошо. Вот как мы будем действовать. Госпожа Лайгнел, я прошу вас скоординировать наши действия с департаментами министерства. Мне нужен всесторонний анализ в течение пятнадцати дней.

— Господин Бланшар, пожалуйста, свяжитесь с представителями Лувра и Музея Орсе. Нам необходима полная музейная оценка и вся доступная информация об этих приобретениях.

— Господин Руссель, пожалуйста, ненавязчиво свяжитесь с нашими европейскими партнерами и японскими контактами. Я хочу знать, слышали ли они об этом и какова их позиция.

Он встал, давая понять, что встреча окончена.

— Завтра в то же время мы снова встретимся для первоначального отчета о ходе работы. И позвольте мне внести ясность: это дело сейчас является нашим абсолютным приоритетом. Все остальное второстепенно.

На следующее утро Элиз Лайгнел сидела за своим столом с семи часов. Всю ночь она изучала международную судебную практику по вопросам культурной реституции, и ее выводы были далеко не обнадеживающими. На ее столе

лежали решения Европейского суда по правам человека, консультативные заключения Международного суда и внушительная коллекция решений международных арбитражных трибуналов. Все это создавало довольно неприглядную картину для традиционных французских позиций.

Зазвонил телефон Лайгнел. Это была Клэр Фонтен, заместитель директора министерства.

— Элиз? Я получила ваше письмо сегодня утром. Не могли бы вы в нескольких словах изложить ситуацию?

— Здравствуйте, Клэр. Короче говоря, у нас большая проблема. У НПО, которая на нас нападает, гораздо более веские аргументы, чем мы изначально думали.

— Настолько?

— Увы! Они обнаружили слабые места, которые никто не заметил. И самое главное, они завладели документами, которые, как мы думали, были в безопасности от посторонних глаз.

Фонтен восприняла этот удар со смирением человека, уже пережившего другие кризисы. Будучи выпускницей НЕС, она на собственном опыте убедилась, что самые серьезные проблемы зачастую обнаруживаются позже всего.

— Нам нужно скоро встретиться. Вы сможете быть в Париже сегодня днем?

— Конечно. Нужно ли мне что-нибудь подготовить?

— Берите с собой всё, что у вас есть. Министр лично интересуется этим вопросом с самого утра. И поверьте, это плохой знак.

Элиз Лайгнел озадаченно повесила трубку. Быстрый интерес министра к этому вопросу означал либо то, что он получил информацию по другим каналам, либо то, что Елисейский дворец следил за этим. В любом случае, давление вот-вот должно было усилиться. Она достаточно

хорошо знала работу государства, чтобы понимать, что внимание министра может превратить даже самые незначительные вопросы в серьезные проблемы.

Зазвонил её компьютер. Сообщение от Николая Бланшара. *«Элиз, сегодня утром я разговаривал по телефону с Клодом Ватреном, главным куратором Музея Орсе. Он согласился встретиться с нами завтра, но, когда я упомянул дело Мацукаты, он, кажется, очень смутился. Он даже назвал это «деликатным делом». У меня такое чувство, что они нам кое-что не рассказали. Примечание».*

Она тут же ответила: *«Сегодня днем я еду в Париж к Клэр Фонтен. Можете организовать встречу с Ватреном завтра утром? П постарайтесь выяснить, есть ли еще люди, которые могли бы прояснить условия приобретения. Эл.»*

В Лувре в кабинете Франчески Бонини, главного куратора отдела азиатского искусства, шел телефонный разговор.

— Клод? Это Франческа. Мне только что позвонили из постоянного представительства в Женеве. Они хотят встретиться с нами по поводу работ Мацукаты.

— Ах, — сказал Клод Ватрен на другом конце провода. — Я ждал этого звонка с тех пор, как прочитал статью в *Le Monde* на прошлой неделе. Вы помните приобретение 1958 года?

— Смутно. Это было до нашего времени. Но вчера вечером, после прочтения статьи, я заглянул в наши архивы. Там есть некоторые... скажем так, тревожные моменты.

Бонини ощущала это чувство тревоги, которое охватывало ее каждый раз, когда она обнаруживала недостатки учреждения, в котором работала. Дочь ученых, воспитанная в культе правды и честности, она с трудом терпела компромиссы с фактами.

— Как что?

— Письма протеста от французских частных коллекционеров, заявляющих о своих правах на ряд произведений. Спорные экспертные оценки. И, прежде всего, внутренний отчет 1959 года, в котором упоминаются «нарушения» при включении этих работ в национальное наследие.

Клод Ватрен вздохнул.

— Я надеялся, что нам удастся сохранить в тайне некоторые аспекты этого дела. Но если какая-либо неправительственная организация подготовила серьезное дело, у нас не будет выбора.

Вопрос в том: насколько далеко мы готовы зайти в плане прозрачности? Эти работы представляют собой шедевры наших коллекций. Их изъятие создаст значительные пробелы.

— Я знаю. Но мы не можем лгать надзорным органам. Если нас спросят, нам придется сказать правду.

— Вся правда?

Ватрен взвешивал последствия своего ответа.

— Франческа, мы кураторы, а не политики. Наша роль — сохранять произведения искусства и представлять их публике, а не скрывать прошлые ошибки. Если эти приобретения омрачены нарушениями, лучше, чтобы это всплыло на поверхность сейчас, а не через десять лет перед международным трибуналом.

— Вы правы. Но мы всё равно кого-то расстроим.

— Вероятно. Но наша совесть будет чиста.

В тот же день после обеда Элиз Лайгнел поехала в Париж на скоростном поезде TGV. Во время поездки она в последний раз перечитала самые спорные аргументы в деле, возбужденном этой неправительственной организацией.

Когда она прибыла, в Министерстве по делам Европы и иностранных дел царило оживление. В коридорах слышался приглушенный шепот, и несколько коллег, мимо которых она проходила, избегали ее взгляда. Дело Мацукаты было предметом многочисленных спекуляций. Лайгнел распознала тревожные признаки административных кризисов: то особое напряжение, которое возникает в коридорах, когда какой-либо деликатный вопрос начинает вызывать ажиотаж.

Её ждала Клэр Фонтен в сопровождении Оливье Лекомта, главы отдела по многосторонним культурным вопросам.

— Элиз, спасибо, что так быстро приехали. Оливье весь день изучал наши внутренние архивы, и его выводы... вызывают беспокойство.

Оливье Лекомт выглядел изможденным. На его плечах лежал груз откровений, о которых он предпочел бы никогда не рассказывать.

— Я изучил все имеющиеся документы, включая те, которые никогда не передавались в Национальный архив. И должен сказать вам, что ситуация еще ужаснее, чем мы предполагали.

— Как так? — спросила Элиз Лайгнел, садясь.

— Начнём с того, что есть документы, которые никогда не должны были покидать наши хранилища и которые оказались в руках неправительственной организации. Телеграммы, переписка с японскими ведомствами...

Клэр Фонтен прервала его.

— У вас есть хоть какое-нибудь представление о том, как они могли их раздобыть?

— Существует несколько гипотез. Либо их передал кто-то изнутри — что было бы весьма драматично — либо они взяты из частных архивов.

— А что насчет сути? Что говорится в этих документах?

— Они показывают, что французские власти в то время знали о сомнительном характере этого присвоения. Существует телеграмма от нашего посла в Токио от 1951 года, в которой говорится:

«Наследники Мацукаты официально оспаривают наши права собственности на коллекцию, и их доводы не лишены оснований».

У Элиз Лайгнел сжалось сердце. Эта новость подтвердила слабость позиций Франции.

— И какова была реакция Парижа?

— Набережная Орсе дала указание *«твердо отстаивать свою позицию, не вступая в подробные дискуссии, которые могли бы только осложнить ситуацию».*

— А это значит, что мы не можем сослаться на добросовестность. Если эти документы не вызывают сомнений, они доказывают, что Франция знала, что поступает неправильно.

— Это еще не все, — продолжил Оливье Лекомт. — Я нашел внутреннюю служебную записку 1958 года, составленную нашим департаментом, в которой рекомендовалось *«как можно быстрее урегулировать статус этих работ законодательным путем, чтобы избежать любых потенциальных будущих споров».* Таким образом, постановление 1958 года, носившее регулирующий характер, не было обычным административным актом, а скорее попыткой поспешно скрыть сомнительное присвоение.

Элиз Лайгнел на несколько секунд закрыла глаза. Она оценивала масштабы разрушения той обороны, которую ей предстояло построить.

— Нам будет очень трудно обосновать свою позицию.

— Это еще мягко сказано, — согласилась Клэр Фонтен. — Вопрос в том: что мы делаем?

— У нас есть несколько вариантов, — задумчиво произнесла Элиз Лайгнел. — Во-первых, мы будем

энергично защищаться, надеясь, что Совет не предпримет никаких действий в связи с этим сообщением. Но, учитывая документы, которыми располагает НПО, это маловероятно.

— Второй вариант? — спросил Оливье Лекомт.

— Мы заранее заключаем соглашение об урегулировании спора. Мы неявно признаем права наследников, но находим решение, которое позволяет нам сохранить лицо. Долгосрочные займы, передвижные выставки, культурные партнерства...

— А третий? — спросила Клэр Фонтен.

— Самый радикальный вариант — признать свои ошибки и вернуть работы. Это причинит нам боль в данный момент, но позволит избежать международного осуждения, которое было бы еще более разрушительным.

Фонтен решительно покачала головой. Инстинкт подсказывал ей, что некоторые варианты просто нецелесообразны:

— Мне нужно передать это министру. Это решение выходит далеко за рамки нашей компетенции. Элиз, не могли бы вы подготовить краткий отчет к завтрашнему утру? Включите все подробности, ничего не скрывая.

— Конечно. Но я должна вас предупредить. Если мы выберем конфронтацию, мы рискуем проиграть. А если мы проиграем, последствия выйдут далеко за рамки французского случая.

Оливье Лекомт согласился.

— Элиз права.

— Поэтому так важно тщательно продумать нашу стратегию, — заключила Клэр Фонтен. — Мы должны быть безупречны во всех отношениях: правовых, дипломатических и коммуникационных.

На следующий день Клод Ватрен приветствовал Николя Бланшара и Элиз Лайгнел в музее Орсе. Он нервничал, и и его руки выдавали его волнение. Ватрен посвятил свою жизнь служению искусству, поздно осознав, что эта благородная миссия имеет свои «слепые пятна», которые он предпочитал игнорировать.

— Господин Ватрен, — начал Николя Бланшар, — нам необходима ваша экспертная оценка точных обстоятельств приобретения работ Мацукаты, хранящихся в вашей коллекции.

— Послушайте, я буду с вами откровенен. Этот вопрос вызывал у меня дискомфорт на протяжении многих лет. Когда я вступил в должность в 2018 году, я хотел пересмотреть все наши послевоенные приобретения, и дело Мацукаты сразу же показалось мне проблематичным.

— Проблематично в каком смысле?

— Во-первых, сами условия приобретения. В 1944 году мы извлекли эти работы из подвалов Музея Родена, где они хранились с начала войны.

— Вы имеете в виду, что мы работали по принципу самообслуживания? — удивленно воскликнул Николя Бланшар.

— Это несколько карикатурное изображение, но не совсем неверное. Управление государственной собственности действительно составляло списки, но без серьезной экспертизы или проверки происхождения. Следует отметить, что в ту эпоху не было места для скрупулезной административной работы.

Клод Ватрен подошел к своему сейфу и достал пыльное досье.

— А потом, ещё в 1946 году, возникли споры. Я нашёл письма от парижских арт-дилеров, которые утверждали, что имеют права на определённые произведения. Они заявляли,

что купили их у Мацукаты до войны, заключив надлежащие контракты.

— Что случилось? — спросила Элиз Лайгнел.

— Власти в то время сходу отвергли эти заявления. Официально все активы Мацукаты считались «вражеской собственностью» и, следовательно, подлежали конфискации.

Он открыл папку и вынул несколько пожелтевших писем.

— Смотрите, вот переписка 1947 года между нашим тогдашним директором и Министерством культуры. Наш директор писал: *«Эти приобретения могут быть оспорены в будущем, если наследники представят убедительные доказательства»*.

Николя Бланшар побледнел. Он понял, что учреждение, которому он преданно служил, зиждется на гораздо менее благородных основаниях, чем он себе представлял.

— И каков был ответ министерства?

— Необходимо было *«как можно быстрее урегулировать ситуацию, чтобы избежать любых проблем»*.

Элиз Лайгнел понимала важность этих разоблачений для продолжения судебного разбирательства.

— Господин Ватрен, не могли бы вы подтвердить эти факты, если бы нас призвали защищаться перед международным органом?

Он колебался, тщательно обдумывая свои слова.

— Послушайте, моя роль не в том, чтобы любой ценой защищать позиции французского государства. Она заключается в сохранении научной и этической целостности возглавляемого мной департамента. Если вы зададите мне этот вопрос официально, я отвечу в соответствии со своей совестью.

— Что это значит?

— Это значит, что я буду говорить правду об условиях приобретения этих произведений, даже если эта правда не отвечает интересам Франции. Я не могу лгать о доказанных фактах.

Николя Бланшар и Элиз Лайгнел обменялись многозначительными взглядами. Они только что поняли, что не могут рассчитывать на безоговорочную солидарность консерваторов. Честность Ватрена значительно усложняла им задачу.

— Есть еще кое-что, — продолжил Ватрен после непродолжительного колебания. — Франческа Бонини в Лувре вчера обнаружила в своих собственных архивах еще более компрометирующие материалы.

— Какие именно материалы? — спросила Элиз Лайгнел.

— Экспертные заключения 1959 года ставили под сомнение подлинность некоторых атрибуций. По-видимому, в спешке 1944 года наши предшественники приписывали известным мастерам произведения, которые на самом деле были копиями или работами из мастерских.

Николя Бланшар резко выпрямился. Он почувствовал головокружение от постепенного разрушения своих убеждений.

— Вы имеете в виду, что мы боролись за сохранение подделок?

— Не подделки, а произведения, художественная и коммерческая ценность которых была значительно переоценена. В частности, есть предполагаемая «работа Ван Гога», которая, вероятно, относится к Понт-Авенской школе, и «работа Сезанна», которая может быть пастисшем начала XX века.

Элиз Лайгнел яростно делала пометки, оценивая последствия этих разоблачений.

— Были ли эти экспертные заключения переданы надзорным органам в то время?

— Вот тут-то и начинается настоящая тревога. Из того, что нам удалось собрать воедино, следует, что эти сообщения были засекречены, чтобы избежать скандала. Представьте себе, какой поднялся бы шум, если бы общественность узнала, что французское государство цепляется за работы сомнительного происхождения!

— А что теперь? Эти сообщения всё ещё существуют?

— Франческа нашла их в ведомственном архиве. В Национальный архив они так и не были переданы.

Николя Бланшар закрыл лицо руками.

— Мы рискуем не только проиграть в суде, но и выглядеть глупцами, которые годами цеплялись за второсортные произведения.

— Боюсь, что в случае с некоторыми работами это так, — подтвердил Клод Ватрен. — К счастью, три картины Моне, «Спальня в Арле» Ван Гога и две картины Ренуара подлинные — это несомненно. Но это не меняет сути проблемы.

Элиз Лайгнел убрала свой блокнот.

— Господин Ватрен, не могли бы вы прислать нам копии всех этих документов? Они необходимы нам для подготовки защиты.

— Конечно. Но я вас предупреждаю. Если это дело станет достоянием общественности, нам не останется ничего другого, как провести полную переоценку наших послевоенных коллекций. А это может выявить множество других проблем.

Тем же вечером в Женеве Элиз Лайгнел немедленно созвала экстренное совещание. Лоран Мериё, Николя Бланшар и

Жан-Марк Руссель собрались в конференц-зале, но атмосфера была совсем иной, чем накануне. Разоблачения в Париже омрачили всю команду.

— Я думаю, нам нужно подвести итоги ситуации, сложившейся после консультаций за последние сорок восемь часов. Госпожа Лайгнел, не могли бы вы вкратце изложить текущее положение дел?

— Ситуация оказалась даже хуже, чем мы изначально опасались. Мало того, что у НПО есть компрометирующие документы, которые мы считали конфиденциальными, так ещё и наши собственные кураторы не желают оказывать нам безоговорочную поддержку. И как будто этого было недостаточно, они обнаружили элементы, которые значительно ослабляют нашу позицию.

Она открыла папку с делом с точностью юриста, привыкшего к сложным случаям.

— Во-первых, французские власти в то время знали, что присвоение произведений искусства вызывает сомнения. Архивы доказывают это вне всякого сомнения. Во-вторых, возражения высказывались ещё в 1946 году, но мы намеренно их игнорировали. Наконец, некоторые из произведений, которые мы так яростно защищаем, даже не являются подлинными.

Жан-Марк Руссель не мог не вмешаться. Он опасался последствий этих разоблачений.

— Боже мой! Как могли наши предшественники устроить такой бардак?

— Нам нужно взглянуть на вещи в контексте, — успокаивающе заметил Мериё. — Мы только что вышли из войны, администрация была дезорганизована, приоритеты были расставлены иначе. Но решения, принятые тогда, создают для нас сегодня непреодолимые проблемы.

Мерие встал, ища в этом движении выход для своего разочарования.

— Нам нужно смотреть в будущее. Помимо конкретного случая с работами Мацукаты, под сомнение ставится вся наша модель культурной дипломатии. Готовы ли мы бросить ей вызов?

— Совершенно верно, — вмешалась Элиз Лайгнел. — Сегодня утром мне позвонил наш британский коллега. Министерство иностранных дел следит за ситуацией. Они опасаются, что неблагоприятный прецедент может вновь разжечь другие иски.

— Что они предлагают?

— Европейская координация нашей защиты. Идея заключается в том, чтобы выступить единым фронтом перед Советом по правам человека, согласовав аргументы всех заинтересованных стран.

— Это может быть эффективно. Но есть риск, что это будет выглядеть как заговор бывших колониальных держав против стран, лишенных своего наследия.

— В этом и заключается риск, — согласился Мерие. — Мы должны найти баланс между западной солидарностью и уважением к законным требованиям.

— У меня есть идея, — предложил Никола Бланшар. — Почему бы не предложить создание международного фонда культурной реституции? Западные страны могли бы внести финансовый вклад в механизм, который компенсировал бы ущерб странам, чьи произведения были разграблены, сохраняя при этом эти произведения в их нынешних коллекциях.

Элиз Лайгнел покачала головой. Ее реализм заставлял ее отвергать решения, которые обходили стороной суть проблемы.

— В теории это интересно, но это не решит основную проблему. Если наши оппоненты правы с юридической точки зрения, их не устроит финансовая компенсация.

— Тем более что в случае с Японией деньги не являются проблемой, — добавил Жан-Марк Руссель. — Япония могла бы легко выкупить эти работы по рыночным ценам, если бы это была коммерческая сделка. Нет, здесь, безусловно, присутствует символический и политический аспект.

Руссель высказывал истину, которую его коллегам было трудно принять.

Мерие посмотрел на часы. Он почувствовал необходимость восстановить контроль над ситуацией посредством планирования.

— Необходимо принять решение. У нас нет времени на гипотетические варианты. Вот что я предлагаю: мы одновременно подготовим все три варианта: максимальную защиту, переговоры об урегулировании и признание ошибки с реституцией произведений. Параллельно я буду оценивать реакцию в Париже и среди наших европейских партнеров.

— А кто принимает окончательное решение? — спросил Николя Бланшар.

— В любом случае, это будем не мы. Дело такой важности обязательно доходит до министерского уровня или даже до Елисейского дворца. Наша задача — подготовить информацию и объективно представить варианты.

Элиз Лайгнел закрыла свои досье.

— В таком случае, давайте приступим к работе. У меня есть пятнадцать дней, чтобы подготовить безупречную защиту, даже если я на самом деле не верю, что смогу это сделать.

— И я собираюсь подготовить элементы переговоров по урегулированию спора, — добавил Николя Бланшар. —

Кто знает, может быть, НПО будет благосклонно относиться к нашим аргументам.

— Что касается меня, — заключил Жан-Марк Руссель, — я буду осторожно оценивать настрой японцев. Если мы сможем разрешить спор традиционными путями, это будет гораздо лучше, чем конфликт с рискованным исходом.

Пока женевская команда готовила свою защиту, другие участники процесса также проявляли активность. В Париже Клэр Фонтен проводила многочисленные конфиденциальные консультации с высшими государственными органами, ища совета в деле, которое выходило из-под контроля.

В среду вечером в середине апреля, когда её приняли у советника в Елисейском дворце, в кабинете царил полумрак. Арно Прижен, бывший посол, ставший одним из ближайших соратников президента, встретил ее с должной серьезностью.

— Клэр, спасибо, что пришли так поздно. Дело Мацукаты начинает вызывать ажиотаж даже здесь. Президент лично заинтересовался им после звонка от премьер-министра Японии вчера утром.

У Клэр Фонтен участился пульс. Она осознавала масштабы этого дела.

— Обращался ли премьер-министр напрямую в Елисейский дворец?

Официально это был звонок вежливости в рамках подготовки к саммиту G7 в июне. Но премьер-министр ненавязчиво упомянул о *«некоторых спорах, которые заслуживают разрешения в духе взаимного сотрудничества»*. Послание было воспринято ясно и недвусмысленно.

— Иными словами, Токио нас пантажирует?

— Всё гораздо сложнее. Они заставляют нас признать, что решение, достигнутое путём переговоров, предпочтительнее публичной конфронтации. И, вероятно, они правы.

Арно Прижен открыл папку с пометкой «Конфиденциальная информация Министерства обороны». В его взгляде читалась усталость человека, которому приходится иметь дело с последствиями ошибок, допущенных задолго до его приезда.

— Наши спецслужбы провели оценку деятельности неправительственной организации «Возвращение и реституция». Выводы... весьма поучительны.

— В каком смысле?

— Организация французская, и её руководители — люди честные. Но она получала значительное финансирование от японского культурного фонда, связанного с правительством Токио. Это не противозаконно, но показательно.

Клэр Фонтен мысленно отметила эту информацию. Она подозревала, что дело выходит за рамки простого обвинения в связях.

— Это подтверждает наши подозрения. Вероятно, за всем этим стоит политический подтекст.

— Это полностью меняет правила игры. Мы имеем дело уже не с требованиями НПО, а, возможно, с японской уловкой. Что, по сути, может стать возможностью.

— Как же так?

— Если Токио хочет вести переговоры, мы можем расширить дискуссии за пределы дела Мацукаты. Торговые отношения, технологическое сотрудничество, культурные проекты... Безусловно, этот кризис может стать возможностью для сближения.

Прижен выражал это видение, свойственное Елисейскому дворцу, которое заключается в превращении любой трудности в инструмент национального величия.

— Это предполагает, что мы готовы пойти на существенные уступки по культурному вопросу.

— Именно этот вопрос президент попросил меня изучить. Насколько далеко мы готовы зайти, чтобы сохранить наши отношения с Японией? И каковы будут последствия для наших отношений с другими партнерами?

— Наши европейские союзники не простили бы нам отказа от своих намерений без консультации с ними.

— Поэтому так важна координация, которую вы готовите с Лондоном и Берлином. Если мы собираемся действовать, то должны действовать сообща. Клэр, я буду с вами откровенен. Президент не поддерживает возвращение произведений. Но наши национальные коллекции, безусловно, не стоят того, чтобы ввязываться в кризис с Японией. Вот где ваша роль становится решающей. Мы должны найти способ удовлетворить японцев, не создавая опасного прецедента. Долгосрочные займы, укрепление музейного сотрудничества, символическое признание прав... Должно быть креативное решение.

Фонтен понимала сложность своей миссии. Ей приходилось согласовывать противоречивые требования с ограниченными ресурсами, находившимися в ее распоряжении.

— Мне нужно знать, какие границы мы сами для себя устанавливаем. Готовы ли мы рассмотреть вопрос о возмещении ущерба, если не будет найдено другого решения?

— Нет, о реституции произведений не может быть и речи.

Заявление Прижена ударило как гильотина: это были красные линии, которые Елисейский дворец ни при каких обстоятельствах не переступит.

Тем временем Жан-Марк Руссель проводил собственные конфиденциальные консультации. Будучи бывшим дипломатом, работавшим в Токио, он поддерживал многочисленные контакты в японских правительственных и культурных кругах. Его круг знакомств оказался бесценным для понимания истинных ставок в этом деле. Он договорился встретиться с Кётакой Ямагатой, культурным атташе японского посольства в Париже, в небольшом, неприметном японском ресторане в 7-м округе. Они познакомились десять лет назад на выставке японского искусства в Пти-Пале и оставались друзьями. Эти личные отношения позволяли вести более откровенный обмен мнениями, чем обычно допускалось по официальным каналам.

— Кётака, спасибо, что согласились встретиться со мной при таких... необычных обстоятельствах.

— Жан-Марк, вы прекрасно знаете, что наши личные отношения выходят за рамки простых случайностей. Но сейчас деликатный момент.

Они сделали заказ на японском языке — привычка, которую Жан-Марк сохранил со времен жизни в Токио, — а затем осторожно затронули обсуждаемую тему. Руссель ценил такие моменты, когда дипломатия вновь обретала человеческое измерение.

— Эта история с Мацукатой... Вы ведь о ней знаете, конечно?

— Это трудно игнорировать. Уже неделю это обсуждается в японской прессе. И, надо сказать, не в лучшую сторону для франко-японских отношений.

Жан-Марк Руссель потягивал чай, наслаждаясь этим ритуалом, который помогал ему восстановить душевное равновесие, необходимое для сложных переговоров.

— Какова официальная позиция вашего правительства?

— Официально? У нас нет никакой позиции по этому вопросу. Это частная инициатива французской неправительственной организации, и мы не имеем права вмешиваться.

— А неофициально?

Кётака Ямагата улыбнулся.

— Неофициально всем известно, что эта коллекция является важным символом нашей страны. Мацуката был одним из наших великих покровителей культуры, и то, что его работы разбросаны по зарубежным музеям, всегда было болезненным для японского общественного мнения.

— До такой степени, что это может привести к инциденту?

— Никто не хочет инцидента. Но японское общественное мнение очень чувствительно к вопросам культурного наследия. Если что-то пойдет не так, это может повлиять на наши отношения.

Жан-Марк Руссель отложил палочки для еды. Он чувствовал, что должен докопаться до сути дела.

— Давайте будем откровенны. Что потребуется для достижения мирного урегулирования?

— Франции следует признать, хотя бы символически, что присвоение 1944 года было... скажем так, сомнительным. Не обязательно незаконным, но сомнительным.

— И что потом?

— Далее необходимо найти решение, которое позволило бы Японии восстановить связь с этим наследием. Не обязательно немедленная реституция, но хотя бы среднесрочная перспектива.

— Какой тип?

— Я думаю о создании франко-японского культурного центра... долгосрочные займы... Возможностей предостаточно, если обе стороны проявят креативность.

Жан-Марк Руссель мысленно отметил эти предложения. Он оценивал, какие возможности для маневра еще существуют для достижения решения путем переговоров.

— А что, если Франция откажется от каких-либо уступок? Что, если мы просто будем защищаться, опираясь на тексты?

Лицо Кётаки Ямагаты незаметно помрачнело. Руссель узнал это изменение выражения, которое он часто наблюдал у своих японских собеседников, когда те поднимали вопросы, касающиеся их национального достоинства.

— Это было бы прискорбно. Для наших двусторонних отношений, а также для международного имиджа Франции. Мировое общественное мнение становится все более чувствительным к вопросам культурной реституции.

— Вы имеете в виду другие подобные споры?

— Очевидно. Если Франция будет систематически препятствовать решению этих вопросов, это может подтолкнуть другие страны к радикализации своих требований. Египет — за древности, Африка — за племенное искусство, Греция — за мрамор... Можно оказаться в обороне повсюду одновременно.

Французские власти опасались именно этого: эффекта домино. Жан-Марк Руссель сменил тему, попытавшись оценить масштабы японской мобилизации.

— А что насчет общественного мнения? Как воспринимается эта ситуация?

— Требования о реституции пользуются подлинной народной поддержкой. Японцы считают, что их культурное наследие было массово разграблено в течение XX века, сначала западными державами, а затем во время войны.

Возвращение коллекции Мацукаты будет рассматриваться как форма справедливости.

Выходя из ресторана, Жан-Марк Руссель лучше понял ситуацию. Япония не стремилась к конфронтации, но и отступать от неё не собиралась. Необходимо было найти решение, которое позволило бы обеим странам сохранить лицо.

Наряду с франко-японскими консультациями, между европейскими столицами развивалась интенсивная активность. Дело Мацукаты перестало быть просто франко-японским спором и стало проверкой западной солидарности перед лицом требований о культурной реституции.

В Лондоне Министерство иностранных дел организовало встречу с представителями Франции, Германии и Италии. Конференц-зал британского Министерства иностранных дел, с его викторианскими деревянными панелями и портретами бывших министров, послужил подходящим местом для этих дискуссий между бывшими колониальными державами. Сама архитектура напоминала о временах, когда вопросы культурной легитимности не были столь актуальными.

Заседание проходило под председательством сэра Уильяма Пембертона, заместителя государственного секретаря по вопросам культуры. Он умел превращать кризисы в возможности для сотрудничества, что сделало его ценным собеседником в европейских дипломатических кругах.

— Мы собрались здесь, чтобы обсудить вопрос, который касается всех нас, даже если он напрямую затрагивает только наших французских друзей.

Клэр Фонтен, представлявшая Францию, согласилась.

— Благодарим вас за проявленную инициативу в рамках этой консультации. Дело Мацуката выходит за рамки исключительно французских интересов.

— Не могли бы вы проинформировать нас о текущей ситуации? — спросил Ханс Мюллер, представитель Германии.

Мюллер был одним из тех немецких дипломатов, которые прошли подготовку по урегулированию исторических споров. Его страна приобрела особый опыт в решении вопросов реституции, что придавало ей особую легитимность в подобных дискуссиях.

— Ситуация вызывает беспокойство. У НПО, нападающей на нас, есть веские аргументы. Наши шансы на победу невелики.

Джузеппе Бьянки, итальянский делегат, обратился к своим собеседникам.

— А если вы проиграете, какие последствия это будет иметь для всех нас?

— Очень неудачный прецедент, — прямо ответила Клэр Фонтен. — Все ваши коллекции сомнительного происхождения могут стать предметом аналогичных претензий.

Сэр Уильям Пембертон сложил руки перед собой.

— Именно этого мы и опасаемся. Если ООН создаст прецедент в пользу реституции, нас завалят просьбами.

Ханс Мюллер решительно согласился. Его немецкий опыт позволил ему хорошо осознать риски.

— Германия тоже оказалась в уязвимом положении. Наши музеи полны произведений, приобретенных при обстоятельствах, которые сейчас можно охарактеризовать как неоднозначные. Если бы международное право развивалось в направлении общего принципа реституции, мы оказались бы в неудобном положении.

— Не говоря уже о финансовом аспекте, — добавил Джузеппе Бьянки. — Компенсация всем разграбленным странам обойдется европейским государствам в миллиарды евро.

Клэр Фонтен воспользовалась возможностью предложить именно ту координацию, которую искала.

— Вот почему нам необходима координация. Если мы выступим единым фронтом, у нас будет больше шансов сохранить статус-кво.

— Что именно вы предлагаете?

— Во-первых, нам необходимо согласовать наши аргументы. Мы все должны отстаивать одни и те же принципы: приобретательная давность, добросовестность при приобретении, общественный интерес к коллекциям...

— А потом? — спросил Ханс Мюллер.

— Постоянные консультации по всем вопросам реституции. Если кто-то из нас подвергается нападению, другие оказывают поддержку и приводят свои аргументы.

Джузеппе Бьянки покачал головой.

— Это немного теоретический вопрос. Что мы могли бы сделать, например, в случае с Японией?

Клэр Фонтен подготовила свой ответ.

— Вы могли бы направить в Совет по правам человека замечания от третьих лиц, объяснив, что претензии НПО угрожают международному балансу культурного обмена. Это укрепило бы нашу позицию.

Сэр Уильям Пембертон, казалось, проявил интерес. Он оценивал остроумие французского предложения.

— Это вполне возможно. Но взамен должна ли Франция взять на себя обязательство поддержать нас, если на нас самих нападут из-за Парфенонских мраморов или других спорных вопросов?

— Безусловно. Это и есть европейская солидарность.

Джузеппе Бьянки выразил сомнение. Его опыт заставил его с опаской относиться к красивым речам о международном сотрудничестве.

— Проблема в том, что никого не обманешь. Все подумают, что мы держимся вместе, чтобы не возвращать наши художественные сокровища.

Сэр Уильям Пембертон завершил заседание с присущей британцам сдержанностью.

— Думаю, мы согласны. Нам важно скоординировать наши позиции по вопросам культурной реституции. Но нам придётся проявить большую изобретательность в реализации этих мер, чтобы не показаться эгоистичными.

— Мы подготовим проект совместной декларации о важности сохранения целостности европейских государственных коллекций, — предложила Клэр Фонтен.

— Вы сможете поделиться с нами своими замечаниями в ближайшие дни.

Покинув Лондон, Клэр Фонтен была уверена, что заручилась поддержкой своих европейских партнеров. Но она также понимала, что эта поддержка может оказаться весьма хрупкой, если дело Мацукаты обернется для Франции плачевными последствиями. Европейская солидарность плохо выдерживала испытания силой.

По возвращении в Париж ее срочно вызвали в Министерство по делам Европы и иностранных дел.

Бернар Валье, руководитель аппарата министра, был пронизательным высокопоставленным государственным служащим. Он умел выявлять опасные случаи еще до того, как они перерастали в серьезную проблему, и этот талант позволил ему пережить политические перемены.

— Клэр, пожалуйста, присядьте. Сегодня утром мне позвонили три раза. Сначала из Елисейского дворца, где

начинают терять терпение. Затем от моего японского коллеги, который ясно дал понять, что Токио ожидает от нас каких-то действий. И наконец, из Лувра, где обеспокоены последствиями для других наших коллекций.

Клэр Фонтен достала свои досье. В поведении Валье она уловила тревожные признаки нарастающего напряжения, которое значительно осложнит ее миссию.

— Господин руководитель аппарата, ситуация требует осторожности. Но мы определили несколько вариантов.

Она изложила Бернару Валье три варианта, предложенные Элиз Лайгнел: максимальная защита, урегулирование спора путем переговоров или признание ошибки с реституцией произведений. Валье внимательно выслушал. Он понимал, что решения, принятые в ближайшие часы, окажут долгосрочное влияние на позицию Франции.

— Третий вариант политически немыслим. Елисейский дворец официально выступает против него. Представьте реакцию общественности, если бы мы объявили о возвращении шедевров из наших национальных музеев в Японию! Противники бы яростно набросились на нас.

Валье описывал ограничения, которые давили на всю эту ситуацию. Он обладал способностью предвидеть реакцию общественного мнения, что делало его уважаемым советником.

— Я понимаю. Но мы также должны учитывать долгосрочные последствия. Если мы проиграем после того, как будем препятствовать, наш международный имидж пострадает надолго.

— Какова ваша личная рекомендация?

Клэр Фонтен на несколько секунд заколебалась. Она поняла, что ее ответ повлияет на всю французскую стратегию.

— Переговоры об урегулировании с НПО. У нас еще есть возможность достичь честного соглашения. Если мы будем

ждать слишком долго, мы рискуем оказаться загнанными в угол.

— А что насчет наших европейских партнеров? Примут ли они, если мы отпустим ситуацию?

— Они предпочтут решение, достигнутое путем переговоров, сокрушительному поражению. Если мы найдем креативный подход, который сохранит основные моменты и удовлетворит японцев, они его примут.

Бернар Валье взял телефон и позвонил министру напрямую. Он подробно объяснил ситуацию. Через десять минут разговор закончился. Затем Бернар Валье обратился к Клэр Фонтен с выражением лица, не оставляющим места для двусмысленности.

— Министр был непреклонен. Приказы поступили сверху. Ситуация изменилась. Для президента не может быть и речи о каких-либо переговорах с НПО, и тем более о возвращении произведений искусства. Поэтому остается только первый вариант: максимальная защита. Это понятно?

— Совершенно ясно, господин руководитель аппарата.

Фонтен была потрясена этим ударом. Она видела, как рушатся ее последние надежды на урегулирование ситуации.

— И держите меня в курсе, я не могу позволить себе никаких сюрпризов.

Теперь, когда судебные разбирательства стали предпочтительным подходом, все стороны сосредоточились на совершенствовании оборонной стратегии Франции. Парадоксально, но это уточнение ослабило давление. Те, кто служил французскому государству, оказались на знакомой почве: неустанной защите национальных позиций, какими бы слабыми они ни были.

Поскольку право — это не точная наука, а простая методика, было достаточно развенчать аргументы НПО один за другим. Французская администрация преуспела в этом деле. Но в то же время в коридорах власти продвигался другой проект, который должен был раскрыть всю сложность правительственных расчетов.

ГЛАВА 10: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ТУПИК

Париж, Министерство культуры, 15 июля 2025 года.

На улице Валуа в офисах стояла невыносимая жара. Париж охватило особенно жаркое лето, и даже старые стены XVII века уже не могли обеспечить прохладу в городе.

Внутри внушительного здания кипела жизнь. В коридорах раздавался стук каблуков по старому паркетному полу, прерываемый шорохом папок и непрекращающимся гулом телефонных разговоров. Готовилась реформа. И не просто какая-то реформа. После знаменитой речи президента в Уагадугу 28 ноября 2017 года французская администрация работала над обязательством, которое вызвало немалый резонанс. *«Я не могу смириться с тем, что большая часть культурного наследия нескольких африканских стран находится во Франции»*, — заявил президент Республики перед африканской молодежью.

Это был настоящий удар молнии. Музейные круги были ошеломлены, дипломаты поморщились, а юристы бросились сверяться со своими правовыми кодексами. Одни увидели в этом гениальность, смелую идею, способную переосмыслить постколониальные отношения; другие — чистую демагогию, рекламный трюк, не имеющий долгосрочного эффекта. Но это не имело значения. Курс был задан, и правительственным учреждениям предстояло следовать ему.

И они последовали ему. Годы бесконечных обсуждений, консультации со всеми специалистами по охране культурного наследия, которых только можно было найти в стране, и затяжные переговоры. Все это для того, чтобы создать минимальную законодательную базу, лишенную наиболее проблемных аспектов. После двух предыдущих рамочных законов об антисемитском разграблении и

возвращении человеческих останков, этот законопроект о реституциях государствам замкнул круг. Такой подход позволил им выполнить все необходимые условия, не нарушая установленный порядок.

Дело Мацуката отошло на второй план, поскольку был выбран юридический путь. По крайней мере, так считали некоторые чиновники. НПО «Возвращение и реституция», безусловно, произвела фурор своим делом в ООН, но соответствующие органы вновь обрели уверенность. Их позиции были твердыми, а аргументы — хорошо продуманными.

На пятом этаже министерства в конференц-зале было созвано рабочее совещание. Его целью было рассмотрение хода работы над законопроектом и изучение его связи с текущими юридическими спорами. Овальный стол блеснул под флуоресцентными лампами, окруженный торжественными портретами бывших министров, которые, казалось, с благосклонностью наблюдали за новыми государственными служащими.

Председательствовал Антуан Делакура. Руководитель аппарата был одет в бежевый льняной летний костюм и светлый галстук — подобающее одежде сочетание с погодой, которое нисколько не умаляло его природной грации.

Обязательства президента в Уагадугу? Ограничение, которым нужно управлять, и не более того. Его мастерство заключалось в создании иллюзии революционных амбиций, одновременно сохраняя важнейшие балансы существующего порядка.

— Дорогие коллеги, мы собрались здесь, чтобы обсудить ход реализации одного из важнейших культурных проектов этого пятилетнего срока. Законопроект, представленный министром вчера, является прямым исполнением обязательств, взятых президентом в Уагадугу в ноябре 2017

года. Мы создаем исключение из правила неотчуждаемости для произведений, которые были незаконно присвоены в период с 1815 по 1972 год. Это отражает стремление президента к обновлению наших отношений с африканскими партнерами на более справедливой основе.

Упоминание речи в Уагадугу произвело сильное впечатление за столом. Все ее запомнили. Это была не просто очередная административная реформа; это было воплощение концепции, призванной навсегда модернизировать французский подход к вопросам международного культурного наследия.

Анри Раванель взял слово. Советник, выпускник Высшей нормальной школы и агреже публичного права, руководил разработкой законопроекта в координации с Государственным советом и канцелярией премьер-министра. Он воплощал собой квинтэссенцию интеллектуала власти, получившего образование в лучших школах Республики и хорошо разбирающегося в тонкостях конституционного права. Раванель обладал тем сочетанием эрудиции и оппортунизма, которое характерно для французской элиты. Для него его законопроект был шедевром балансирования, демонстрацией его мастерства в искусстве примирения противоречий. Не имело большого значения, если конечный результат подорвал бы суть президентского обещания; главное заключалось в элегантности аргументации.

— Господин руководитель аппарата, этот законопроект заслуживает внимания.

Раванель наслаждался этим моментом. После месяцев изучения текстов и согласования каждой запятой с целой армией дотошных юристов, после того, как он пережил межведомственные совещания, где каждый отстаивал свою позицию, он наконец-то мог представить свое детище.

— Выбранный нами географический охват позволяет нам рассмотреть все вопросы, связанные с реституцией государств. Конечно, это касается наших африканских партнеров, но также и всех других стран, которые могут претендовать на произведения, являющиеся частью их национального наследия. Египет, Греция, Италия, весь Средиземноморский бассейн... Наш подход призван быть универсальным.

Он наклонился над текстом.

— Выбранный период с 1815 по 1972 год соответствует наиболее сомнительным присвоениям нашего прошлого, от наполеоновских завоеваний до вступления в силу Конвенции ЮНЕСКО 1970 года. Мы создали современный и эффективный инструмент, который позволит нам последовательно рассматривать все государственные претензии.

Делакура одобрительно кивнул. Презентация была убедительной, по крайней мере, на бумаге. Оставалось только посмотреть, как она покажет себя на практике и под политическим давлением. Делакура прекрасно знал о недостатках законопроекта. Он фактически создавал дискриминацию между государствами и отдельными лицами, что могло привести к взрывоопасным последствиям.

— А как вы оцениваете количество случаев, с которыми нам, возможно, придется столкнуться в ближайшие годы?

— По нашим наиболее обоснованным оценкам, в течение следующих десяти лет может быть подано около пятидесяти потенциальных исков, — без колебаний ответил Раванель, — в основном от наших африканских партнеров. Бенин, Мали и Сенегал выразили свои намерения. Это вполне приемлемый объем для наших служб, особенно с учетом того, что процедура включает создание двусторонних

научных комиссий, которые гарантируют объективность наших решений.

Пятьдесят случаев. Эти цифры, к счастью, успокоили аудиторию. В отличие от апокалиптических прогнозов многих критиков, которые уже предвидели опустошение французских музеев от их коллекций, в отличие от кошмаров кураторов, опасавшихся легализованного разграбления их фондов, администрация рассчитывала на контролируемое осуществление. Постепенное, методичное, контролируемое.

Катрин Дюбуа, директор Музея Орсе на протяжении последних восьми лет, представляла точку зрения музейных учреждений. Бывшая куратор Лувра, она принимала непосредственное участие в подготовке реформы, что придавало ей особую легитимность для выступления от имени коллег. Ее экспертное мнение уважали, к ее анализам прислушивались. Она искренне стремилась к художественному образованию масс. Но ее любовь к искусству делала ее собственнической, почти материнской, по отношению к коллекциям, доверенным ее заботе. Требования о реституции представлялись ей осквернением, попыткой расчленить всемирное наследие. Таким образом, ее острый ум использовался для интеллектуального обоснования того, что в первую очередь было защитным рефлексом.

— Господин руководитель аппарата, — спокойно вмешалась она, ограничиваясь рассмотрением только государственных претензий, — мы защищаем наши коллекции от неконтролируемого потока индивидуальных запросов, который мог бы возникнуть при менее целенаправленном подходе. Наследники, лишенные собственности коллекционеры, общины... Представьте себе хаос, если бы мы открыли шлюзы.

Спокойствие, проявленное Дюбуа, красноречиво говорило о качестве подготовительной работы. К мнению кураторов прислушались, их возражения были учтены. Администрации удалось примирить президентские амбиции с операционными ограничениями музеев. Тонкий баланс, результат многомесячных переговоров за закрытыми дверями.

— Мы также ввели надежные меры предосторожности, — добавил Раванель. — Каждый запрос должен быть задокументирован и подкреплён неопровержимыми доказательствами. Экспертные комитеты будут рассматривать каждый случай со всей тщательностью, которую требует серьезность ситуации.

Выступил Жан-Клод Гомес, директор по правовым вопросам. Сдержанный, он, тем не менее, был одной из ключевых фигур в этой операции.

Гомес был из тех высокопоставленных чиновников, кто предпочитал оставаться в тени, а не на виду у публики. Будучи опытным экспертом в области международного права, он компенсировал недостаток харизмы энциклопедическими знаниями договоров и конвенций. За его осмотрительностью скрывалась подлинная дальновидность. Он, больше чем его коллеги, чувствовал опасность создаваемой ими структуры. Но его темперамент не позволял ему открыто выражать свои сомнения, и он довольствовался тем, что вставлял предупреждающие замечания, которые, казалось, никто не принимал во внимание.

— Процедура также предусматривает рассмотрение каждого запроса Министерством иностранных дел. Мы не можем отделять эти вопросы, касающиеся культурного наследия, от более широких проблем. Реституция также является актом внешней политики.

Замечание Гомеса отразило опасения нескольких участников.

Дело Мацукаты было упомянуто лишь как один из многих примеров, без какой-либо особой драматизации. Для администрации процедура ООН функционировала по иной логике, в иных рамках, не ставя под сомнение согласованность действий правительства. Два параллельных мира, которые ни в коем случае не должны были столкнуться.

— Уважаемые коллеги, — заметил Делакруа, — также важно обсудить взаимосвязь между нашим новым законодательством и текущими частными судебными разбирательствами, в частности, с процессами, инициированными неправительственной организацией *Retour et Restitutions*.

Об этом деле знали все, но никто не хотел о нем говорить. Это была заноза в боку, песчинка, способная парализовать слаженную работу административного механизма.

Раванель воспользовался возможностью. Это была его излюбленная тема: тонкости права и научные различия между различными видами судебных разбирательств.

— Господин руководитель аппарата, ограничение сферы действия только претензиями государств — это решение, соответствующее обязательствам, взятым на себя президентом. Он конкретно говорил об отношениях между государствами, культурной дипломатии, а не о спорах между частными лицами и государственными органами.

Катрин Дюбуа достаточно хорошо знала музейный и медийный мир, чтобы понимать, что юридические различия не всегда выдерживают проверку общественным мнением и журналистской критикой. Она прервала Раванеля.

— Но, Анри, разве нет риска, что это ограничение будет воспринято как вопиющее противоречие? Если мы признаем принцип реституции для государств, почему мы исключаем частных бенефициаров? Как объяснить это различие в обращении?

Эти вопросы касались сути проблемы. В действительности же за этим выбором скрывалась важная политическая цель: ограничить масштабы реформы.

Раванель отмахнулся от возражения. Он слышал этот аргумент десятки раз, и его ответ был хорошо отрепетирован, отточен в ходе подготовительных встреч.

— Вовсе нет, Катрин. Государственные иски подпадают под логику двусторонних отношений. Это оправдывает особый подход и адаптированные процедуры. Частные споры, с другой стороны, регулируются другими механизмами и другими органами. Существующие гражданские процедуры гарантируют права истцов. Суд, апелляционный суд, Кассационный суд... Целый арсенал уже имеется.

— А что насчет дела Мацуката в частности? — настаивал Делакура, слегка склоняясь к мнению Раванеля.

— Дело рассматривается в органах ООН, — ответил Раванель успокаивающим тоном. — Наши юристы с набережной Орсе готовят убедительную защиту. Более того, и это заслуживает внимания, японские власти официально не поддерживают эту НПО в ее усилиях. Это многое говорит о маргинальном характере данной инициативы.

Жан-Клод Гомес счел необходимым вмешаться, чтобы прояснить позицию Франции.

— Не официально, но, возможно, неофициально...

— Дело не в этом. Давайте не будем всё смешивать, — твердо сказал Делакура. — Продолжай, Жан-Клод.

— Мы детально проанализировали процедуру. Совет ООН по правам человека не обладает обязательной юрисдикцией

в этом вопросе. Его рекомендации, если таковые будут, останутся чисто символическими. У нас есть веские прецеденты, подтверждающие нашу позицию.

Катрин Дюбуа, которая с самого начала встречи механически теребила ручку, решила высказаться во второй раз.

— Что касается нас в музее, то наши коллекции сохраняют свой обычный статус. Восемнадцать работ Мацукаты, о которых идет речь, остаются неотъемлемой частью наших постоянных коллекций. Мы выставляем их, предоставляем нашим партнерам и проводим нашу обычную культурную политику. Нет необходимости принимать чрезвычайные меры или менять нашу программу.

Это заявление отражало образ мышления администрации. Всё как обычно. Дело Мацукаты? Мелкая деталь, не имеющая отношения к продолжающейся реформе.

Анри Раванель удобно устроился в своем кресле.

— Позвольте мне объяснить, почему мы не могли включить частных лиц в нашу законодательную базу, — сказал он, тщательно произнося каждое слово. — Наши анализы — и поверьте, мы потратили на них месяцы — показывают, что открытие доступа для частных претензий потенциально может привести к тому, что пострадают от пятнадцати до двадцати тысяч произведений искусства во всех государственных коллекциях Франции.

Он позволил фигуре произвести впечатление, прежде чем продолжить, довольный своей небольшой демонстрацией силы.

— Представьте себе ситуацию; нас бы захлестнул поток запросов, буквально заваливший нас. Наши и без того перегруженные команды были бы раздавлены тысячами претензий всех видов. Наследники русской аристократии, требующие вернуть им свои иконы, потомки

коллекционеров, лишенных имущества во время войны, итальянские семьи, претендующие на свои картины, конфискованные при Наполеоне... Полный административный хаос.

Катрин Дюбуа энергично кивнула.

— Не говоря уже о практической невозможности обработки всех этих дел. Каждый запрос требует обширных исследований в национальных, ведомственных, а иногда и зарубежных архивах. Для подтверждения подлинности произведений и документирования их происхождения необходимы подробные оценки произведений искусства, а это стоит целое состояние, включая гонорары экспертов, научные анализы и поездки. Требуются консультации специалистов, чтобы распутать клубок наследства, продаж и пожертвований... Бюджет резко бы вырос. А наши кураторы, вместо того чтобы заниматься своей настоящей работой — исследованиями, выставками и культурной деятельностью — тратили бы время на копание в пыльных архивах, чтобы выяснить, действительно ли у деда миссис такой-то в 1815 году украли комод Людовика XVI. Наши музеи превратились бы в детективные агентства.

К этому добавился и Анри Раванель.

— Открытие доступа к коллекции для отдельных лиц создало бы атмосферу постоянной паранойи вокруг всего нашего собрания. Любое произведение, приобретенное до 1972 года, могло бы быть поставлено под сомнение в одночасье на основании малейшего подозрения, малейшего слуха. Было бы невозможно спокойно планировать выставку, невозможно было бы предоставлять работы за границу, не опасаясь их возврата, невозможно было бы проводить последовательную культурную политику. Короче говоря, кошмар.

— А что насчет конкретных финансовых вопросов? — настаивал Делакруа, обеспокоенный бюджетными

асpekтами, но втайне опасавшийся все более оборонительной позиции, которую приобретали их аргументы.

— Несколько миллионов евро только на обработку всех потенциальных дел, не считая рыночной стоимости работ, которые нам пришлось бы вернуть. Государство просто не могло позволить себе такую роскошь, особенно в нынешних бюджетных условиях.

Жан-Клод Гомес добавил еще одно измерение, проникнутое грустью.

— Не говоря уже о рисках обжалования в административных судах, экстренных процедурах, упрощенном производстве... Каждое решение о возврате или отказе могло быть оспорено в соответствующих органах. Наши юридические службы были бы перегружены и парализованы.

Все были довольны этой демонстрацией абсурда. Администрация нашла свою линию обороны: выполнение президентских обещаний, не выстрелив себе в ногу. Баланс между амбициями и управленческим прагматизмом. Но в глубине души несколько участников испытывали смутное беспокойство, которое они не смели выразить.

Делакруа, почувствовав, что за столом формируется общее мнение, завершил сессию с оптимизмом, необходимым для подобных мероприятий.

— Мы можем быть рады тому, что нашли правильный баланс между нашими амбициями и реальностью на местах. Реформа является частью прогрессивного, ответственного подхода, который защищает общественные интересы, одновременно отвечая ожиданиям наших международных партнеров.

Он распределял задания с естественным авторитетом лидера, который знает, что все уже решено, но сохраняет формы консультаций.

— Анри, вы тесно сотрудничаете с парламентскими службами, чтобы обеспечить своевременное принятие закона. Законодательная повестка дня была очень напряженной с момента последнего роспуска Национального собрания, но у нас есть все основания для оптимизма. Катрин, ваши команды уже готовятся к новым процедурам. Необходимо будет обучить персонал, адаптировать информационные системы и подготовить первоначальные запросы.

Встреча завершилась в атмосфере взаимного удовлетворения, каждый ушел с уверенностью в том, что выполнил свой долг.

В последующие дни административная машина, отличавшаяся характерной для нее механической эффективностью, пришла в движение. Анри Раванель руководил всей этой операцией, будучи полностью одержим оперативной реализацией своей реформы. Исчезли философские дебаты о целесообразности реституции, исчезли моральные споры о колониальном наследии. Все должно было работать, процедуры должны были быть безупречными, сроки должны были быть соблюдены. Его карьера высокопоставленного государственного служащего зависела от этого проекта.

В моменты ночного просветления, когда административная суэта сменялась уединенными размышлениями, Раванель задавался вопросом, не совершает ли он ошибку. Это различие между государствами и отдельными личностями, которое он так блестяще отстаивал на совещаниях, в тишине своего кабинета казалось ему софистикой, призванной замаскировать неоправданное. Но эти сомнения исчезали с

наступлением утра, уступая место восторгу от работы и гордости архитектора, созерцающего свою работу.

— Главное, — объяснил он своим коллегам во время еженедельных совещаний, — это продемонстрировать, что мы контролируем процесс. Не торопимся и не стоим на месте. Постепенное наращивание темпов, которое успокоит всех.

Кураторы, первоначально встревоженные перспективой быстрого сокращения своих коллекций, успокоились, узнав, что официальные заявки могут подавать только государства. Катрин Дюбуа, изначально скептически относившаяся к ограничениям законопроекта, больше не скрывала своего облегчения на координационных совещаниях.

— В конечном итоге, наши ключевые экспонаты не находятся под угрозой в связи с первыми ожидаемыми запросами. Вероятно, это будут этнографические предметы, маски, ритуальные статуи... безусловно, важные экспонаты, но менее значимые. Мы сможем осуществить эти реституции, не ставя под угрозу нашу миссию служения обществу.

Анализ соответствовал результатам подготовительных исследований. Первоначальные требования действительно касались африканских произведений искусства, приобретенных зачастую при сомнительных обстоятельствах в колониальный период, но не занимавших видное место в постоянных коллекциях крупных парижских музеев.

В хранилищах Музея на набережной Бранли, Музея Орсе и Лувра были проведены выборочные инвентаризации для выявления потенциально пострадавших произведений. Ничего тревожного обнаружено не было. Было каталогизировано, задокументировано и оценено не более нескольких сотен предметов. Это управляемый запас,

который позволит государству удовлетворить свои запросы, не опустошая витрины.

В Сера Пьер Бертье предвидел этот небольшой фарс с весельем опытного ветерана, видевшего множество поверхностных реформ и неудачных революций. Профессор предсказал, что администрация предпочтет уклонение от ответственности, удовлетворившись наименее деструктивными государственными требованиями.

Он сочетал острый ум с разочарованной мизантропией, которая проявлялась в его самых проникательных анализах. Десятилетия борьбы закалили его, не ожесточив. Он сохранил ту особую способность великих идеалистов — распознавать человеческие несовершенства, не теряя при этом веры в праведность своего дела. За его кажущейся жесткостью скрывалась чувствительность, которую он позволял проявляться лишь в уединении своего кабинета, похожего на собор, перед репродукцией картины «Спальня в Арле», которая служила ему отправной точкой для размышлений. Пьер Бертье был одним из тех, кто черпает силу из своих ран, а ясность мысли — из своих разочарований.

— Друзья мои, — объяснил он с понимающей улыбкой на ежемесячном координационном совещании НПО, — этот законопроект, объявленный в последнем пресс-релизе Совета министров, подтверждает то, что мы подозревали с самого начала. Преднамеренно исключая частных лиц из его сферы действия, государство косвенно признает принцип реституции ... но не для нас. Это чистая и простая дискриминация.

Вероник Фурнье, которая, подобно архивариусу, скрупулезно собирала всю документацию организации, не могла сдержать улыбку, сортируя газетные статьи за день. Она присоединилась к команде из чувства гражданской

ответственности, но с увлечением открывала для себя внутренние механизмы власти. Ее свежий взгляд на политический и административный микрокосм обогатил анализ Пьера Бертье.

— Вопиющее несоответствие удобно для нас в рамках процедуры ООН. Как они объяснят экспертам Совета по правам человека, что создают специальный механизм для государств, из которых исключены частные лица? Как они могут оправдать такое различие в обращении?

Жерар Ленфан, адвокат, следивший за юридическими аспектами дела, постоянно задавал правильные вопросы в неподходящий момент, что свойственно юристам усложнять, казалось бы, простые ситуации.

— Сохраняет ли наша процессуальная стратегия свою актуальность в новом законодательном контексте? Не рискуем ли мы столкнуться с ослаблением наших аргументов в связи с эволюцией французского права?

— Напротив, этот законопроект укрепляет нашу позицию, не требуя от нас никаких изменений в нашем подходе, — ответил Бертье. — Начатая нами процедура ООН остается уместной, возможно, даже более актуальной, чем раньше. Видите ли, международные эксперты умеют различать красивые заявления о намерениях и их конкретную реализацию. Если закон будет принят парламентом — а он будет принят — это продемонстрирует, что это действительно преднамеренная дискриминация. Та же проблема, но дифференцированное обращение в зависимости от статуса заявителя. Именно это осуждают международные конвенции по правам человека.

Дело Мацуката вступало в новую фазу, где каждая сторона уверенно отстаивала свою позицию. Французская администрация поздравляла себя с тем, что нашла баланс

между своими основными гуманистическими ценностями и собственными интересами. Пьер Бертье и его команда продолжали свою интеллектуальную борьбу, указывая на непоследовательность и противоречия в действиях правительства.

Принятие закона о реституции государствам ознаменовало бы формальную кульминацию обязательств, взятых в Уагадугу, но также выявило бы его внутренние ограничения перед лицом частных претензий.

В течение последующих недель Анри Раванель совершил множество поездок между министерством и дворцом Бурбонов. Парламентский процесс обещал быть опасным не столько из-за политической оппозиции — текст пользовался широким консенсусом, — сколько из-за поправок, которые депутаты, стремящиеся утвердить свое господство, несомненно, предложат.

Раванель испытывал опасения по поводу того, что его работа может быть подвергнута парламентской проверке. Он проводил ночи, предвидя все возможные возражения и готовя целый ряд аргументов в защиту каждой запятой в своем тексте.

В офисе комитета по культуре Национального собрания царило обычное оживление. Сильви Потье, депутат-социалистка от Жиронды и докладчик по тексту законопроекта, прекрасно понимала суть обсуждаемых вопросов.

Сильви Потье, бывшая куратор, была человеком дела. Годы, проведенные в музейном мире, сохранили у нее остроту ума и искреннее уважение к экспертным знаниям. Но опыт работы в политике также дал ей удивительную способность выявлять лазейки в самых сложных административных системах.

— Анри, — сказала она, приветствуя его, — я внимательно изучила ваш текст. В целом, это хорошая работа. Но у меня есть несколько вопросов, которые могут возникнуть во время встречи.

Раванель удобно устроился.

— Я вас слушаю, Сильви. Что вас больше всего беспокоит?

— Во-первых, вопрос о бремени доказывания. В вашем тексте указано, что запрашивающее государство должно предоставить доказательства незаконного присвоения. Но как мы определяем это понятие? Были ли завоевания Наполеона незаконными согласно действовавшим тогда законам? А как насчет колониальных приобретений? Где мы проводим черту?

Депутат указала на один из потенциальных недостатков системы. Раванель предвидел этот вопрос.

— Мы опираемся на современные международные стандарты. Гагская конвенция 1954 года, Вашингтонские принципы 1998 года, Конвенция ЮНЕСКО 1970 года... Это прочно устоявшаяся база знаний, позволяющая нам объективно оценить эти концепции.

— Второй пункт, — продолжила Сильви Потье, не сдаваясь.

— Вы исключаете частные иски, хорошо. Но как вы поступаете в случае, когда государства становятся рупорами частных интересов? Если бы правительство завтра официально поддержало иск НПО, применялась бы ваша система?

Вопрос был неудобным, и Раванель это понимал. Он на мгновение замялся, и этот факт не ускользнул от внимания его собеседницы.

— Процедура включает в себя проверку законности каждого запроса двусторонними научными комитетами. Если в заявлении государства скрываются частные интересы, это будет выявлено и наказано.

— Как это было обнаружено? Кем? По каким критериям? — наставляла депутат.

Раванель чувствовал, что почва уходит из-под ног. Он должен был вернуть инициативу, даже если это означало запутать ситуацию обычной речью о духе реформ.

— Сильви, важно помнить о духе этой реформы. Мы действуем в рамках культурной дипломатии, в рамках примирения национальных воспоминаний. Африканские государства, которые сообщили нам о своих ожиданиях, не стремятся использовать частные претензии. Они действуют в интересах своего народа, ради восстановления его разрозненного национального наследия.

Этот аргумент возымел определённый эффект. Сильви Потье согласилась, но с оговорками. Её не обманул этот манёвр.

— Я не утверждаю обратное, Анри. Но мы должны предвидеть пограничные случаи, возможные злоупотребления. Моя роль докладчика требует от меня предвидеть возражения, которые неизбежно возникнут на открытом заседании.

В залах парижских музеев сообщество кураторов переживало этот переходный период со смешанными чувствами. Хотя исключение частных запросов в значительной степени успокоило многих, некоторые все еще задавались вопросом о конкретных последствиях реформы.

В кафе при музее Орсе Катрин Дюбуа договорилась о неформальной встрече с коллегами за рабочим обедом. За столом директора крупнейших парижских учреждений обменялись мнениями.

— Катрин, — спросил Филипп Камдессю, директор Музея Гиме, — как ты оцениваешь развитие дела Мацуката в этом

контексте? Не создаст ли процедура ООН неловкого прецедента?

Катрин Дюбуа отпила глоток кофе, прежде чем ответить.

— Честно говоря, Филипп, я не беспокоюсь. Наши восемнадцать работ тщательно задокументированы и интегрированы в наши коллекции. Они являются частью идентичности нашего музея. Посетители знают их и ценят. Мы не находимся в ситуации, когда получаем краденые вещи или приобретаем что-то сомнительным путем.

— Конечно, но моральный аспект может иметь вес, — вмешалась Мари-Клэр Комелад, директор Музея африканского и океанического искусства. — Если эксперты ООН признают обоснованность этого утверждения, это окажет значительное давление на правительство.

— Это чисто символическое давление, — возразила Катрин Дюбуа. — У нас достаточно примеров стран, которые проигнорировали подобные судебные запреты.

Ив Саломон, куратор Лувра, высказал точку зрения, которая, как он надеялся, должна была вселить уверенность.

— Важно также помнить, что Мацуката был частным японским коллекционером, а не официальным представителем японского правительства. Его приобретения были продиктованы личным подходом, даже если они являлись частью контекста открытия Японии для западного искусства. Это не случай колониального грабежа. Анализ успокоил аудиторию. Дело Мацукаты имело специфические характеристики, отличавшие его от классических африканских исков.

— А затем, — добавила Катрин Дюбуа с улыбкой, едва скрывавшей ее сомнения, — наши друзья из НПО «Возвращение и реституция», возможно, переоценили свои возможности влиять на людей. Заявлять о себе — это одно, а добиваться конкретных результатов — совсем другое.

В Сера Пьер Бертье не сидел сложа руки. Понимая, что все будет зависеть как от общественного мнения, так и от юридических каналов, он развернул искусно спланированную медиакампанию. Его круг знакомств оказался бесценным.

— Вероника, — сказал он своей помощнице, просматривая список контактов прессы, — нам нужно сделать решительное заявление. Законопроект о государственной реституции предоставляет нам прекрасную возможность разоблачить лицемерие правительства.

Вероник Фурнье, обладавшая настоящим талантом к нестандартной коммуникации, кивнула, сверяясь со своим ноутбуком.

— Я связалась со специалистами из *Le Monde*, *Libération* и *Télérama*. Они открыты для критического взгляда на реформу. А на международном уровне наши контакты в *BBC* и *New York Times* также проявили интерес.

Команда НПО научилась мастерски использовать коды СМИ. Резкие пресс-релизы, безупречные документальные досье, заявления, специально подготовленные для телевизионных новостей. Машина информационной войны, которая начала приносить плоды.

Жерар Ленфан координировал европейскую составляющую кампании.

— Я получил положительные отзывы от Европейского парламента. Несколько членов заинтересованы в вопросах реституции. Публичные слушания по этому вопросу могли бы оказать дополнительное давление на французские власти.

— Отличная идея, — ответил Бертье. — Нам нужно европеизировать эту дискуссию, придать ей более широкое

измерение. Франция больше не может позволить себе решать эти вопросы в замкнутом кругу.

Каждое выступление в СМИ, каждая публичная позиция были частью общей стратегии, направленной на изоляцию французской позиции.

Однако полномасштабное наступление также начало выявлять первые трещины в стратегии правительства. В Министерстве культуры отдел коммуникаций был разочарован тем, как разворачивались дебаты.

Мари Моро, директор по связям с общественностью, не скрывала своей обеспокоенности во время экстренного кризисного совещания. Она пережила достаточно медийных скандалов, чтобы знать, как распознать тревожные признаки крупного кризиса.

— Антуан, у нас проблема с последовательностью повествования. С одной стороны, мы восхваляем достоинства нашей политики реституции африканским государствам. С другой стороны, мы решительно сопротивляемся полностью задокументированным частным претензиям. Поддерживать эту непоследовательность в СМИ становится все сложнее.

Делакруа вселял уверенность.

— Мари, наша позиция безупречна.

— Но именно в этом и заключается проблема, Антуан, широкая публика не понимает этих тонкостей. Для них культурная реституция — это просто культурная реституция. Наши объяснения различий в статусе между государствами и отдельными лицами кажутся запутанными.

Анри Раванель, присутствовавший на встрече, попытался защититить свой план.

— Мы должны стоять твердо. Если мы уступим, то откроем ящик Пандоры. Завтра тысячи правопреемников постучатся

в наши двери. Именно этого мы хотели избежать, приняв этот закон.

— Но Анри, — возразила Мари Моро, — такой подход «всё или ничего» работает против нас. Он заставляет нас выглядеть технократами, нечувствительными к моральным вопросам. НПО «Возвращение и реституция» прекрасно это понимает; они нападают на нас по символическим, а не юридическим основаниям.

Анализ попал в точку. Администрация, привыкшая ориентироваться в мире переговоров, открывала для себя безжалостные правила современной коммуникации. В медиaprостранстве даже самые сильные аргументы имели мало веса против тщательно продуманных нарративов. Битва за общественное мнение началась, и условия игры были неравными. Администрация, уверенная в своей правовой позиции, но запутавшаяся в собственных противоречиях. Гибкая и решительная НПО, в совершенстве овладевшая кодами альтернативной коммуникации. Борьба оказалась сложнее, чем ожидалось, для государственных служб. Несмотря на этот медийный хаос и критику оппозиции, парламент в конечном итоге принял законопроект после жарких, но предсказуемых дебатов, и он был обнародован Президентом Республики 9 марта 2026 года.

ГЛАВА 11: ДОЛГАЯ БИТВА

Женева, Дворец Наций, сентябрь 2027 г.

В аппарате Верховного комиссара по правам человека начало проявляться негодование. Прошло тридцать месяцев с тех пор, как дело Мацукаты было официально доведено до сведения Франции. Тридцать месяцев, и все еще ничего. Ни одного подробного замечания по существу дела.

Председательствующая Кармен Васкес с осторожностью посмотрела на Клауса Вебера, докладчика. За маской терпения скрывалось кипение от разочарования, которое она научилась скрывать годами. Бывшая судья, привыкшая к попыткам затягивать судебные процессы, она узнала эти признаки. Но здесь безнаказанность была почти полной.

— Клаус, это уже шестой запрос на отзыв. Шестой! Для страны, которая читает лекции всему миру, это много.

Вебер читал свои записи с присущей ему маниакальной склонностью к классификации всего подряд, — пережитком прусского детства, где порядок стал убежищем от хаоса. За его скрупулезностью скрывалась тлеющая ярость по отношению к этим затягивающим процедурам, превращавшим международное правосудие в фарс.

— Знаете, Кармен, я изучил все их ответы. Это просто шедевр. Во-первых, они ссылаются на *«исключительную сложность дела»*. Еще шесть месяцев задержки.

«беспрецедентный» масштаб необходимых исследований. Еще шесть месяцев. Должен признать, у них огромный арсенал методов.

Он продолжал листать страницы переписки, которая явно отдавала недобросовестностью.

— И вот в чем дело. Внезапно их внутренние подразделения перестали быть *«достаточно компетентными»*. Им нужны внешние консультанты *«международной известности»*. Еще

шесть месяцев, разумеется. Последние девять месяцев у них «возникают *трудности с доступом к национальным архивам*».

Кармен Васкес тихонько рассмеялась, как это обычно бывает в моменты, когда абсурд достигал своего апогея.

— Стратегия «улитки», как мы говорим у себя на родине. Очевидно, они рассчитывают на истощение. По их мнению, либо дело забудут, либо СМИ устанут от него.

Вебер кивнул. В его голосе чувствовалась усталость человека, который слишком часто видел, как реальная политика попирает международную справедливость.

— Они знают, что мы никак не можем их заставить. Они могут затягивать дела на годы.

Признание было жестоким, но реалистичным. Система ООН по защите прав человека была похожа на бумажного тигра: впечатляющая, но бессильная в реальности.

Париж, ноябрь 2027 года

На набережной Орсе Клэр Фонтен организовала этот балет задержек. Ее кабинет, стены которого были увешаны дипломатическими картами, свидетельствовал о карьере, посвященной элегантному уклонению от ответственности.

— Дорогие друзья, — объяснила она своим коллегам, — наша цель проста. Затянуть разбирательство как можно дольше. Время — наше лучшее оружие. Через четыре-пять лет, когда Совет вынесет свое решение, никто не вспомнит о Мацукате.

Оливье Лекомт, возглавлявший департамент по многосторонним культурным вопросам, не испытывал недостатка в креативности.

— Если говорить конкретно, мы определили восемь шагов, на которых можем запросить продление сроков, не выглядя при этом недобросовестными участниками процесса.

Углубленная экспертиза, межведомственные консультации, утверждение Государственным советом, консультации с европейскими органами власти... Каждый шаг экономит нам от шести до девяти месяцев.

В Министерстве культуры на улице Валуа Антуан Делакруа применял многочисленные тактики затягивания процесса.

— Наши кураторы должны признать одно: каждый выигранный месяц означает немного меньшую нагрузку на наши коллекции. Этот спор в конце концов утихнет, как и все остальные. Нам просто нужно набраться терпения.

Катрин Дюбуа, привыкшая сдерживать энтузиазм своих коллег, не могла удержаться от того, чтобы испортить им настроение. Ее природное спокойствие, закаленное двадцатилетним опытом работы в музее, подсказывало ей, что оптимизм Делакруа, возможно, проистекает из слепоты. Она несла бремя двойной преданности: своему учреждению и этическому кодексу, который, по ее мнению, был нарушен.

— Антуан, в принципе, я согласна, но мы не наивны. НПО Пьера Бертье не собирается оставаться пассивным. Оно обязательноотреагирует, усилит свою пресс-кампанию. Управлять этим может стать сложнее...

Серет, январь 2028 г.

Пьер Бертье широко распространил среди прессы полную копию дела, подчеркивая бездействие администрации. В газете *Le Monde* Жюстин Буше, чьи убеждения сформировались за десятилетие журналистских расследований, готовила статью, которая вызвала бы смятение на улице Валуа.

«Дело Мацуката наконец-то раскрыло истинное лицо нашей прекрасной французской культурной политики. Щедрые в речах, мелочные в делах», — написала она с яростью, которая проступала в каждом слове.

В *Le Figaro* тон был таким же резким, хотя оформление и оставалось более изысканным. Колумнист, ветеран международных отношений, использовал едкую иронию, которую позволяло ему его устоявшееся положение.

«Отказываясь серьезно рассматривать дело Мацукаты, Франция пилит ветку, на которой сидит. Наши послы выставляют себя на посмеище, когда дают советы другим странам по вопросам прозрачности. Трудно проповедовать добрую весть, когда сам прячешь голову в песок в ООН».

Критика нашла отклик в узких парижских интеллектуальных кругах, любящих жаркие дебаты. В Сорбонне профессор Жорж Пеллетье даже организовал симпозиум на тему *«Стратегии государств по избеганию международных организаций»*. Помпезное название, намекающее на то, что правительства весьма искусно игнорируют проблемы, когда это им выгодно. Пеллетье, марксист, ставший геополитическим аналитиком, нашел в этом подтверждение своим теориям о буржуазном лицемерии.

Профессор Элен Фабр, директор журнала сравнительного международного права, представила свой анализ с явным удовольствием. Эта женщина с сильным характером, которой пришлось бороться за свое место в области, где доминируют мужчины, наслаждалась моментами, когда ее анализ оказывался пронизательным.

«Позиция Франции выявляет вопиющую проблему: ООН может сколько угодно поучать государства-члены, но у нее нет абсолютно никаких способов заставить их сотрудничать. Дело Мацукаты наглядно демонстрирует, что международное право, столкнувшись с государством, которое отказывается слушать, остается совершенно бессильным».

Пьер Бертье наблюдал за развитием событий. В свои шестьдесят восемь лет он чувствовал тяжесть прожитых лет,

но также и удовлетворение стратега, наблюдающего за воплощением своего плана. Его глубокие морщины свидетельствовали о жизни, посвященной проигранным делам — а иногда и делам, выигранным вопреки всему. В них он находил своего рода спокойствие.

— Дорогие друзья, — начал он с присущим ему терпеливым преподавательским мастерством, — ухищрения французских властей меня несколько не удивляют. Я бы удивился, если бы они поступили иначе. И кроме того, между нами говоря, их упрямство в конечном итоге играет нам на руку.

Вероник Фурнье не скрывала своего недоумения. Она присоединилась к команде, питая иллюзии относительно скорости правосудия, иллюзии, которые были серьезно разрушены месяцами борьбы. Энергичная женщина лет тридцати, работавшая в частном секторе, она с горечью обнаружила медлительность перемен. Ее нетерпение как новичка резко контрастировало с опытом опытного активиста.

— Господин Бертье, извините, но мне трудно понять вашу логику. Какую пользу нам может принести их противодействие, если мы с самого начала хотели быстрого решения? Чем дольше это затягивается, тем больше вероятность того, что о нас забудут. Мобилизация теряет темп, когда люди не видят конкретных результатов.

Пьер Бертье встал и направился к стене, где были развешаны газетные вырезки, накопившиеся за годы. С возрастом его походка немного сутулилась, но взгляд оставался таким же острым, как и прежде. В этом накоплении документов он находил своего рода удовольствие архивариуса.

— Вероник, посмотри внимательно, как развивалась наша небольшая борьба с самого начала, — сказал он, указывая на самые показательные заголовки. — Вначале мы ограничивались культурными страницами газет,

несколькими строчками в специализированных журналах, которые никто не читает. Сегодня же культурное разграбление регулярно попадает на первые полосы более чем двадцати стран. Неплохо для дела, которое должно было остаться в тайне, не правда ли?

Он указал на несколько особенно ярких заголовков, свидетельствующих о прогрессирующей интернационализации их дела. В его жестах чувствовалась гордость тактика, видящего, как его стратегия приносит плоды.

— *«Уклоняется ли Франция от своих обязанностей?», «Французское государство сталкивается с разграблением», «Мацуката: когда Париж играет в игру систематического обструкционизма» ...* Каждый дополнительный месяц задержки подпитывал общественные дебаты.

Жерар Ленфан, который за несколько месяцев полностью погрузился в этот вопрос, начал понимать тонкости рассуждений Пьера Бертье. Первоначально он скептически относился к методам НПО, предпочитая традиционные юридические каналы. Но с возрастом — ему было около пятидесяти — он освоил форму конструктивной критики, которая даже вызывала у него улыбку.

— Господин Бертье, вы хотите сказать, что французский обструкционизм превращает наше дело в символ государственного грабежа? Это и есть план?

— Именно так, — подтвердил Бертье. — Упрямо затягивая разбирательство в ООН, французская администрация совершает серьёзную ошибку. Это укрепляет наш моральный авторитет. Каждая новая задержка, которую она запрашивает, каждый бюрократический предлог, на который она ссылается, каждый маневр, раскрытый прессой, способствует разрушению имиджа респектабельности, традиционно культивируемого нашей прекрасной французской дипломатией. В конце концов, их обструкция

оборачивается против них: она разоблачает их недобросовестность. Это почти слишком просто.

Вероник Фурнье, немного обеспокоенная тем, что громкие заявления затмевали реальность, вернула коллег с небес на землю прямым вопросом. Ее управленческие наклонности брали верх.

— Господин Бертье, если говорить конкретно, учитывая их систематическое противодействие, сколько еще нам придется ждать?

Бертье сделал обреченное лицо.

— Если быть реалистом... — вы же знаете, я ненавижу ложные надежды — ... окончательное решение будет принято не раньше 2031 или 2032 года. В лучшем случае.

Среди собравшихся прокатилось несколько вздохов разочарования. Бертье поспешил расставить всё по своим местам, используя несколько раздражающую мудрость старых активистов, которые видели, как приходили и уходили модные веяния и нетерпение.

— Друзья мои, этот период времени не следует рассматривать как наказание. Наоборот! Он дает нам время укрепить свои позиции, усилить наше влияние. С каждым годом наши требования становятся сильнее, а их неубедительные аргументы — слабее.

Жерар Ленфан, обладавший талантом указывать на практические проблемы, которые другие предпочитали игнорировать, сделал жест раздражения. Будучи юристом, он придерживался менее романтического взгляда на идеологические конфликты.

— Но как нам удержать внимание СМИ на протяжении пяти-шести лет? Общественное мнение не будет вечно сосредоточено на нашем деле. Людям это надоедает, это вполне естественно.

Бертье сел за компьютер. Он обожал цифры, когда они доказывали его правоту. Эта профессорская привычка всегда была с ним, пережиток преподавательской деятельности, когда нужно было убеждать с помощью доказательств.

— Вы ошибаетесь. Наша цель не в том, чтобы развлекать публику и продлевать представление. Дело Мацукаты — это всего лишь повод поднять вопрос о культурном грабеже со стороны Франции и Запада.

Он открыл тщательно оформленное досье, настоящий кладёзь информации.

— С момента запуска нашей инициативы в ООН мы получили девяносто три запроса о помощи в отношении других разграбленных коллекций. Девяносто три! От еврейских семей, частных коллекционеров, пострадавших от нацистов, африканских деревень, общин коренных американцев, армянских организаций...

Дело Мацукаты вызвало цепную реакцию.

Вероник Фурнье, которая начала осознавать масштабы этого явления, переформулировала свою точку зрения.

— Если я правильно понимаю, мы открыли брешь, через которую устремляются все жертвы хищения? Мы создали прецедент?

— Это правда, Вероник. Дело Мацукаты доказывает, что государственное разграбление, даже самые давние случаи, можно оспорить. Мы продемонстрировали, что у жертв есть средства, чтобы заставить даже самые могущественные государства отчитаться за сомнительные присвоения.

Последующие события подтвердили эти предсказания с тревожной точностью. Дело Мацукаты распространилось по всему миру, породив протестное движение, выходящее далеко за пределы Франции. В Англии ассоциации из бывших колонизированных стран направили обращения с требованием возвращения африканских произведений

искусства, хранящихся в Британском музее. В Соединенных Штатах племена оспаривали ряд приобретений музеев XIX века и требовали вернуть свои священные предметы.

Это движение нашло отклик в академических кругах, которые быстро превратили спорные вопросы в семинары. В Гарварде профессор Дэвид Мессинг организовал курс, полностью посвященный современным стратегиям противодействия институциональному культурному разграблению:

«Дело Маукааты иллюстрирует, как тщательно выстроенный аргумент может превратить спор между специалистами в политическое движение международного масштаба. Пьеру Бертье удалось политизировать вопрос, который ранее рассматривался только экспертами, и придать ему символическое измерение».

В Оксфорде профессор Дженнифер Брэндон проанализировала последствия с критической точки зрения британской школы. Эта женщина, посвятившая свою карьеру изучению постколониального неравенства, нашла там подтверждение своим теориям:

«Этот случай наглядно демонстрирует противоречия современной западной культурной политики. Как музеи могут заявлять о своей образовательной миссии, сохраняя при этом произведения, приобретенные в результате доказанного хищения? Дело Маукааты напрямую поднимает вопрос о моральной легитимности наших культурных учреждений».

Во Франции эта дискуссия постепенно распространилась на все культурные учреждения, создав раскол в музейном мире, традиционно объединенном чувством профессиональной солидарности. Несколько кураторов смело начали ставить под сомнение ряд приобретений, несмотря на давление со стороны начальства.

Париж, февраль 2029 года

В музее Орсе Катрин Дюбуа деликатно организовывала мозговые штурмы со своими командами, чтобы предвидеть будущие потребности. Дух времени менялся, и она чувствовала необходимость адаптироваться. Ее управленческий опыт привил ей чувство сдержанности, но совесть диктовала открытость.

— Мы должны признать, что дело Мацукаты спровоцировало период широкого обсуждения наших самых сомнительных приобретений. Мы должны подготовиться к подобным вызовам и разработать последовательную доктрину.

В Лувре Анри Лойретт, руководитель отдела живописи, выразил аналогичные опасения. Он прошел все ступени иерархии в сфере реставрации и сохранял иррациональную привязанность к целостности коллекций, понимая при этом этические вопросы.

— Мы должны обязательно решать вопросы происхождения экспонатов, не ставя под сомнение фундаментальную целостность наших коллекций.

В Школе Лувра будущие кураторы с энтузиазмом обсуждали последствия дела Мацуката. Воспитанные на постколониальных проблемах, они больше не разделяли музейно-ориентированные взгляды своих старших.

— Как мы можем мириться с работой в учреждениях, которые упорно отказываются признавать факты хищения экспонатов? — с негодованием, свойственным молодости, задалась вопросом Мари Шевалье, магистрантка музеологии.

— Мы должны различать нынешние обязанности и обязанности прошлого, — ответил её коллега Седрик Камиллери. — Эти работы являются частью французского наследия уже восемьдесят лет.

— Восемьдесят лет хранения краденого, хочешь сказать? — возразила Мари. — То, что ты долго хранишь что-то, еще не значит, что это принадлежит тебе.

Дискуссии выявили долгосрочное влияние дела Мацуката на эволюцию французского самосознания.

Серет, март 2030 г.

Профессор оценивал масштабы движения, которое он помог развязать, со скромностью, контрастировавшей с его международным влиянием. Жизнь, посвященная защите проигранных дел, научила его тому, что социальные преобразования происходят в долгосрочной перспективе.

— Друзья мои, мы в значительной степени достигли нашей главной цели, превратив деликатный вопрос реституции в общественную дискуссию, — заявил он на ежегодном совещании НПО, держа в руке холодный кофе.

Он направился к стене, где теперь были выставлены тысячи газетных вырезок о культурном разграблении по всему миру. Это скопление документов свидетельствовало об упрямстве, которое забавляло даже его самого.

— Посмотрите на эволюцию. Не проходит и недели, чтобы какое-нибудь СМИ не упомянуло о культурной реституции. Мы дали голос дискуссии, которая была подавлена смирением и запугиванием.

Вероник Фурнье, вооружившись статистическими данными, подсчитывала конкретные последствия.

— Господин Бертье, наш сайт посещают более пятнадцати тысяч человек в месяц. И я даже не говорю о социальных сетях, где нас упоминают повсюду.

Жерар Ленфан говорил о перспективах на будущее с оптимизмом, о существовании которого он и не подозревал еще несколько лет назад.

— Проблема культурного разграбления прочно вошла в глобальную демократическую дискуссию. Западные правительства больше не могут её игнорировать.

Пьер Бертье одобрил это, но при этом сохранял интеллектуальную осторожность в отношении преждевременного энтузиазма. Возраст заставил его опасаться побед, которые давались слишком легко.

— Вы правы, подчеркивая наши успехи, но давайте будем осторожны, чтобы не впадать в триумфализм.

Франсуаза Мартин задала вопрос, который, естественно, заинтересовал всю команду. Бывшая журналистка, перешедшая в некоммерческий сектор, она сохранила ясность мышления профессионала в сфере СМИ.

— Господин Бертье, как нам сохранить темп в долгосрочной перспективе? Как предотвратить замедление движения до достижения конкретных результатов?

— Франсуаза, наша роль больше не состоит в том, чтобы лично бесконечно нести эту борьбу. Теперь другим предстоит подхватить эстафету в своих областях. Движение больше, чем мы, и это к лучшему.

Он отправился в свою библиотеку и достал толстую папку с корреспонденцией. Его привычка архивировать всё теперь полностью оправдалась.

— За последние шесть месяцев я получил уставы одиннадцати новых ассоциаций, созданных в разных странах специально для борьбы с культурными хищениями. Все они основаны непосредственно на нашем опыте. Движение становится автономным; оно больше не нуждается в нас для выживания.

Это откровение стало поворотным моментом. Из изолированной борьбы небольшой провинциальной неправительственной организации дело превратилось в

символ и катализатор международного движения, которое навсегда изменило баланс сил.

Два года спустя, в декабре 2032 года, Пьер Бертье мог позволить себе ироничную улыбку. Его анализ оказался совершенно верным. Спор вокруг Мапуката всё ещё застрял в пыльном механизме ООН. Но французская медлительность обернулась против Парижа. Чем больше Париж тянул время, тем больше проблема приобретала глобальный масштаб. По всему миру возникли десятки организаций, созданных по образцу «Возвращения и реституции». Те же ресурсы, та же решимость отслеживать другие акты грабежа. Движение разрослось до таких масштабов, что ЮНЕСКО наконец создала специальную постоянную комиссию. Официальное название: *«Культурные репарации в современных международных отношениях»*.

Сам Генеральный секретарь ООН присоединился к этой тенденции, упомянув в своем ежегодном обращении необходимость *«международного культурного примирения»*. Это был едва завуалированный намек на движения, вдохновленные делом Мапукаты.

Серет, декабрь 2032 года

В своем доме, наполненном ароматом лаванды и старых книг, Пьер Бертье, хотя и наслаждался своей моральной победой, чувствовал, что его время подходит к концу. Его тело год за годом подводило его. Но в конечном итоге это не имело значения. Движение, которое он основал, переживет его. Эта перспектива принесла ему спокойствие, которого он никогда прежде не знал, спокойствие того, кто всегда сомневался в целесообразности своей борьбы.

Ухудшение здоровья вынудило его делегировать самые сложные задачи своим соратникам. Его влияние на движение оставалось значительным — никто не осмеливался оспаривать его направление, — но он прекрасно понимал, что постепенно становится скорее символом, чем активным участником.

— Мои друзья... — сказал он им во время своей последней речи, — ...мы выполнили свою работу.

Он сделал паузу и взглянул на репродукцию картины Ван Гога «Спальня в Арле», которая висела на стене его кабинета с самого начала.

— Да, возможно, Совет по правам человека вынесет решение против нас. Возможно, мы никогда официально не выиграем наше дело. Но дело не в этом. Важно то, что мы положили начало необратимому процессу.

В садах Серета, под декабрьским солнцем, все еще согревавшим камни, старый профессор размышлял о пройденном пути. Французская администрация не смогла предотвратить трансформацию умов. Возник новый международный баланс сил. Бертье нашел в нем форму самореализации, на которую он никогда не надеялся в своей идеалистической юности.

Где-то в кондиционированных залах музея Орсе картина Ван Гога «Спальня в Арле» продолжала свое безмолвное свидетельство. Теперь она представляла собой нечто гораздо большее, чем просто вечную красоту искусства. Она символизировала терпение, необходимое для того, чтобы справедливость в конечном итоге восторжествовала.

Потому что в борьбе за истину — Пьер Бертье понял это давным-давно — важны только настойчивость и вера во время.

Два года спустя, в 2034 году, когда Совет по правам человека наконец вынес свое решение после многолетних колебаний, фактически наложив санкции на Францию за нарушение прав собственности и отказ в правосудии, это событие получило лишь несколько строк в международной прессе. Дело стало настолько знаковым, что его официальное завершение имело меньшее значение, чем его преобразующее влияние на мировые настроения.

Пьер Бертье уже не смог насладиться своей последней победой. Он мирно скончался годом ранее во сне, в окружении своих книг и документов. Франция, оказавшаяся в безвыходном положении после осуждения со стороны ООН, наконец-то пошла на переговоры. Шесть работ из коллекции Мацуката должны были вернуться в Японию, а Париж должен был оставить себе самые редкие экземпляры в обмен на существенную культурную и финансовую компенсацию. Типичный французский компромисс, который лишь частично удовлетворил требования, сохранив при этом ядро национальных коллекций.

Западные музеи были вынуждены создавать отделы, специализирующиеся на вопросах происхождения экспонатов. Под давлением общественного мнения и нового поколения кураторов, воспитанных в духе эпохи после Мацукаты, они разработали беспрецедентную политику прозрачности.

Западный универсализм никуда не исчез.

Но он адаптировался к современным требованиям справедливости и уважения к правам народов. Дело Мацукаты доказало, что один человек, окруженный несколькими верными последователями и вооруженный лишь правдой, может бросить вызов самым могущественным государствам. Долгая борьба за международную культурную справедливость продолжалась, и в ней участвовали тысячи новых борцов.

На кладбище Серет, где теперь покоится Пьер Бертье, установлена мемориальная доска, напоминающая о его любимом девизе: *«Истина медленна, но несомненна»*. Дело Мацукаты великолепно проиллюстрировало точность этого утверждения. Время доказало правоту старого каталонского профессора.

ЭПИЛОГ

Этот завершенный роман, основанный на реальных событиях, но перенесенный в художественную плоскость, иллюстрирует сложные механизмы государственного культурного разграбления и долгий путь к восстановительному правосудию. Он отдает дань уважения всем тем, кто, подобно неправительственной организации «Возвращение и реституция», мужественно борется за торжество правды.

Дело Мацукаты, как оно здесь изложено, демонстрирует, что справедливость измеряется не только достижением конкретных реституций, но также, и, возможно, что более важно, постепенным изменением общественной дискуссии. Иногда настойчивое задавание правильных вопросов оказывается важнее, чем получение немедленных ответов.

Пусть этот роман вдохновит на другие реальные действия во имя справедливости и внесет свой вклад в построение более справедливого мира в сфере культуры и искусства.
